

L'académie N. Marr de l'histoire de la culture materielle

S. TOCAREFF

**SURVIVANCES
DES FORMES PRÉCAPITALISTES
EN OÏROTIE**

Édition d'état
Édition sociale-économique
Moscou — Leningrad
1936

*Государственная академия истории материальной культуры
им. П. Я. Марра*

С. А. ТОКАРЕВ

**ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИТКИ
В ОЙРОТТИ**

*Социально-экономическое издательство
Ленинградское отделение*

1936

Ответств. редактор Н. Г. Лесохин.
Технич. редактор Л. А. Вакуленко.
Переплет по рисунку худ. П. Григорьянц. Сдано в набор 20/IX 1935 г.
Подписано к печати 9/II 1936 г.
Соцэксиз № 1625/л. Тираж 1250 экз.
Ленгорлит № 3673. Заказ № 108.
Бумага $62 \times 94 \frac{1}{16}$ см. Авт. л. 11,09.
Печ. л. $9 \frac{1}{4}$. (89 000 тип. знаков в 1 бум. л.) Бум. л. $4 \frac{1}{8}$. 2-я типография «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига». Ленинград, Гатчинская, 26. Цена книги 3 р. 50 к.
Переплет 1 р. 50 к.

ОТ АВТОРА

Настоящая работа написана в конце 1932 г. Печатание ее задержалось по условиям, от автора не зависящим. За истекшие 2¹/₂ года изменилось многое. Изживание экономической и культурной отсталости национальных областей и республик, ликвидация в них докапиталистических реликтов, связанная с окончательной ликвидацией остатков капитализма, идет невиданными темпами. Все больше отходят в область мрачных преданий те явления социального строя, те родовые и феодальные пережитки, которым посвящена данная работа. Собранные автором в 1930 и 1932 г. в Ойротии материалы сейчас уже едва ли можно было бы вновь изучить на месте. В этом — оправдание того, что автор выпускает работу, не дополнив ее новыми материалами, не посетив изученной области еще раз. Материал данной работы не стареет, как всякий исторический материал, хотя частично устарели некоторые из ее практических выводов: они относятся к пройденному уже этапу классовой борьбы и социалистического строительства.

Что касается научно-теоретических выводов, то, хотя они за протекшее время, думается, не устарели, но, к сожалению, отчасти утратили «прелесть новизны». В 1932 г. приходилось впервые ставить никем ранее не поднимавшиеся вопросы о феодализме у алтайско-саянских народов, да отчасти и вообще о кочевых народах Азии. Само построение настоящей работы отражает искания в этом направлении. За истекшие годы тезис о феодализме у народов Саяно-Алтая, как и вообще о «кочевом феодализме», стал из оригинальной теории общепризнанным взглядом (см. работы Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Козьмина, Л. П. Потапова). Читателю может показаться, что автор здесь ломится в открытые двери со своими доказательствами. Но эти двери два года тому назад еще не были открыты. Наша советская историческая наука шагает быстро.

Переделывать работу заново автор не имел возможности и ограничился отдельными исправлениями и дополнениями. Для последних главным материалом послужили, с одной стороны, архивные данные, накапливающиеся в процессе работы по истории народов Сибири, а с другой, — вышедшая недавно ценная книга Л. П. По-

тапова «Очерк истории Ойротии», а также его личные советы и замечания, за которые автор ему глубоко признателен.

Недочеты данной работы (некоторые из них видны автору уже и сейчас) будут, надо надеяться, указаны критикой; положительными же сторонами работы автор считает себя обязанным сотрудничеству научного коллектива Музея Народов СССР и Московского отделения Государственной Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, а также отдельным товарищам, помогавшим собирать материал и дававшим свои замечания и советы. Особая благодарность автора участникам Ойротской экспедиции Музея народов СССР, с чьей помощью была собрана солидная доля обработанных здесь материалов.

Москва, июнь 1935 г.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИТКОВ

Изучение пережитков предшествующих формаций в данном обществе представляет собой, пожалуй, самое интересное, но и самое трудное применение марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях. Здесь раскрывается с наибольшей полнотой познавательная ценность этого учения, поскольку именно анализ пережитков прежних формаций, бытующих, как подчиненные уклады, внутри данной формации, позволяет понять всю сложность социальной действительности, понять особую закономерность ее движения в данной конкретной форме.

Одновременно эти вопросы имеют и огромный практический интерес, в особенности, когда дело идет об изучении пережитков ранних формаций в нашей советской современности, в нашей стране строящегося социализма. Для правильного проведения классовой политики в районах, сохранивших элементы докапиталистических отношений, в особенности в национальных районах, следовательно, для правильного ведения и национальной политики, чрезвычайно важно отдавать себе ясный отчет в имеющихся налицо докапиталистических пережитках, в условиях их возникновения и сохранения до настоящего времени и в том конкретном влиянии, какое они оказывают на процессы социалистического строительства в данном районе.

Примером сохранения до последних лет явно докапиталистических, отсталых социальных форм может служить один из отдаленных окраинных уголков Советского Союза — скотоводческие и охотничьи районы Алтайско-Саянского нагорья, входящие ныне в Ойротскую и Хакасскую авт. области, и соседний с ними Горно-Шорский район. Национальное население этих областей — горные пастухи и горно-лесные охотники Алтая и Саян — сохраняли у себя до самого недавнего времени те элементы докапиталистических отношений, о которых мы ведем речь. Подвергнуть изучению эти докапиталистические элементы и является задачей настоящей работы.

2. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ИСТОЧНИКИ

Задача, поставленная нами перед собою, естественно распадается на три круга вопросов, тесно между собою связанных.

Во-первых, предстоит выяснить, что конкретно представляют собой упомянутые «докапиталистические» пережитки у алтайско-саянских народов, чем они фактически являются сейчас и чем были раньше.

Во-вторых, необходимо найти материальную обусловленность данных социальных явлений, их зарождение и развитие в связи с определенными условиями производства и уровнем его развития, обратное влияние их на производительные силы и, наконец, закономерность сохранения, консервации этих ранних форм внутри капиталистического и переходного к социалистическому обществ.

В-третьих, наконец, нужно выяснить то влияние, какое оказывает наличие данных пережитков в процессе социалистического строительства, ту роль, которую играют и будут играть эти пережитки в процессе «превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» (XVII партконференция).

Источниками для настоящей работы служили мне следующие материалы.

Прежде всего весьма значительная по объему историческая и этнографическая литература об алтайско-саянских племенах. Объем этого рода материала особенно велик в частности потому, что здесь нельзя ограничиться только работами, относящимися к только что названным племенам. Поскольку исторические процессы связывали данный район на всем протяжении истории со всей огромной Центральной Азией, то с тем, то с другим районом ее, постольку необходимо учитывать и всю совокупность отношений, складывавшихся веками на этой громадной территории, т. е. необходимо иметь в виду историко-этнографические материалы и по Монголии, Джунгарии, Танну-Туве и т. п. Однако, с другой стороны, при всем количественном обилии литературных материалов они дают для нашей проблемы не так много. Характеристике хозяйственного уклада саяно-алтайских народов уделяют внимание из авторов, писавших о них, сравнительно немногие. По алтайским племенам довольно полные сведения на этот счет дают только Радлов, Ядринцев, Швецов, по хакасским—Костров, Кулаков, Григорьев; у других исследователей мы находим по большей части лишь отрывочные данные.¹

Нечего уже и говорить о фактах, касающихся социально-экономических отношений. Последние почти совсем не привлекали к себе внимания исследователей, из которых даже лучшие не выходили за пределы буржуазной методологии. Поэтому характеристику

¹ Я не говорю здесь о новейших исследователях-марксистах — Л. П. Потапове, Л. П. Мамете и др., которые уже не являются современниками дореволюционных порядков и сообщают материал главным образом записей рассказов о прошлом.

производственных отношений у изучаемых народов в прошлом приходится, пользуясь этими материалами, склеивать буквально по кусочкам, беря то там, то здесь случайные замечания, косвенные указания.

Другая категория источников — это архивные материалы. Из них наиболее интересные — документы «инородных управ», волостей и т. п. — к сожалению, почти не были мною использованы, так как значительная часть их погибла (по Ойротии почти все) во время гражданской войны, а уцелевшие находятся в малодоступных провинциальных архивах. Чрезвычайно интересный материал содержится в архивах аймакисполкомов — в особенности избирательных комиссий: здесь имеются очень важные данные по характеристике баев-лишенцев. Но взятые сами по себе, и эти материалы дают не так много. Для более раннего времени (XVII — XVIII вв.) чрезвычайно ценные материалы архивов Сибирского и отчасти Посольского приказов хранятся в Гос. архиве феод.-крепост. эпохи (в Москве) и мною в основном использованы. Известная часть этих материалов была опубликована в изданиях Археографической комиссии: «Акты исторические», «Дополнения к актам историческим», также в 8-м т. «Русской исторической библиотеки», в «Памятниках Сибирской истории XVIII вв.» и пр. Однако по интересующим нас вопросам и эти материалы, несмотря на свое обилие, дают лишь отрывочные и по большей части косвенные сведения.

Недостаточность письменных материалов я пытался восполнить личными наблюдениями и распросами во время своих двух поездок по Ойротии в 1930 и 1932 гг. В первый раз мне удалось поработать около 1½ месяцев в Чемальском, Онгудайском, немного в Кош-Агачском и Улаганском аймаках Ойротии. В 1932 г. руководимая мною экспедиция (Центрального музея народоведения и Общества изучения Советской Азии) работала около 2 месяцев в Успенском, Улаганском и Кош-Агачском аймаках. Собранный главным образом опросным путем материал довольно велик. Однако, несмотря на то, что родовые и феодальные пережитки были одним из главных объектов изучения, все же достаточными полученные данные считать нельзя: многие вопросы интересующей нас проблемы остались неясными. Причина этого та, что феодальные элементы за последние годы ликвидированы почти полностью, и непосредственное наблюдение этого рода явлений невозможно, расспрашивая же население о прежних порядках, нередко приходилось наталкиваться (по причинам, о которых будет речь ниже), на нежелание говорить о них или на намеренно туманные, неясные, а то и заведомо неверные ответы. Таким образом материал моих обеих экспедиций не может считаться в этой части ни полным, ни абсолютно надежным. Однако именно личные наблюдения и распросы привели меня к основным выводам, обосновать которые я и хочу в настоящей работе.

Итак, основной материал этой работы — ойротский. К Ойротии же ближайшим образом относятся и выводы. Данные, касающиеся

хакасов и шорцев, будут мною привлекаться главным образом как сравнительные и дополняющие.

3. НАСЕЛЕНИЕ АЛТАЙСКО-САЯНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕГО ХОЗЯЙСТВО

Прежде чем обратиться к предмету нашего изучения, необходимо вкратце охарактеризовать физико-географические условия изучаемой страны, состав ее населения и основные черты хозяйства последнего.

Народы, исследованием которых мы займемся, населяют Алтайско-Саянскую горную страну. Высокие безлесные плоскогорья-степи; лесистые, пересеченные во всех направлениях долинами горные хребты, переходящие выше в обнаженные «гольцы» с альпийскими пастбищами и тундрами и далее в снежные «белки»; ниже — холмистые лесостепные предгорья и богатые плодородные долины низовьев главных рек, сбегających сотнями потоков с гор, — таковы основные типы ландшафтов Ойротии, Хакасии и Горной Шории, где живут занимающие нас племена.

Эти племена оттеснены за последние 100—150 лет в глубину гор русскими колонизаторами. Многие из них сильно перемешались сами с русскими. Но в более отдаленных горных местах они сохранили и по сей час в значительной мере свою самобытность.

В этнографическом отношении это коренное население страны представляет собой группу тюркоязычных племен, которые по географической близости и по языку могут быть разделены на следующие подгруппы.¹

1. Алтайская группа — по системе рек Бии, Катунь и Чарыша: а) алтай-кижи, занимающие главным образом левую часть системы р. Катунь (Уст-Канский, Онгудайский, Уймонский, Шебалинский, часть Чемальского аймака); б) теленгиты — по рр. Чуе, Башкаусу и Чулышману (Копш-Агачский и Улаганский аймаки); в) телеуты, живущие рассеянными группами частью в Ойротии, частью в Кузнецком районе, сильно обрусевшие; г) тубалары (черневые татары) — в лесистых горах («черни») Чемальского, Успенского и Лебедского аймаков; д) кумандинцы — по среднему течению Бии; е) лебедицы (шалганцы, ку-кижи) — по рр. Лебеди. Всего (в 1931 г.) около 58 400 чел.

2. Хакасская группа — по системе верхнего Енисея: а) кызыльцы — по рр. Бел. и Черн. Июсам, сильно обрусели; б) качинцы — в Абаканской степи по левым притокам Абакана; в) сагайцы — по рр. Таштышу, Аскызу и др; г) бельтиры — по верхнему Абакану; д) койбалы — в Койбальской степи между Абаканом и Енисеем. Всего хакасов в 1926 г. было 45 591.

3. Ближе примыкают к этой группе по территории, языку

¹ Ср. А. Н. Самойлович, Несколько дополнений к классификации турецких языков.

и отчасти занятиям шорцы в Шорском нац. районе, в верховьях Томи и ее верхних притоках, численностью около 12 500 чел.

Лингвистически все эти племена являются турецкими (1-я группа — северо-западной ветви турецких языков, остальные — северо-восточной). Но в то время как часть этих племен (главным образом южные алтайцы) говорит по-турецки очень давно и не сохранила следов какой-либо предшествующей языковой стадии, другие племена или части их были отуречены, повидимому, сравнительно недавно, и некоторые еще на памяти истории говорили другими языками: видимо, здесь мы имеем отуреченных палеоазиатов (енисейцев), самоедов и, может быть, финнов.¹ Помимо языка, наличие этих «до-турецких» элементов в населении выдает местами костюм, сближающий, напр., кумандинцев с восточными финнами.² Эти «до-турецкие» элементы более выражены в горно-таежных («черневых») районах.

Подобно этому и в антропологическом отношении эти племена представляют собою достаточно пестрое смешение типов. А. И. Ярхо считает возможным выделить в их среде 3 преобладающих типа: а) «северноазиатский» тип — преобладающий в особенности у шорцев, бельтиров, кызыльцев, отчасти у северных алтайских племен; б) «центральноазиатский» тип, с центром распространения в Танну-Туве, очень выраженный в Южном Алтае, по встречающийся и в других местах, и в) «южносибирский» тип, особенно выраженный у казаков (недавних иммигрантов из Казахстана), меньше у теленгитов, у качинцев.³

В хозяйственном отношении население изучаемой страны тоже неоднородно.⁴ В горно-степных районах Алтая и Хакассии ведущую роль в хозяйстве играет скотоводство, которое до русской колонизации преобладало и в долинах предгорий. В горно-таежной полосе скотоводство играет подсобную роль. Скотоводство носит примитивный, экстенсивный характер. Разводят лошади, рогатый скот, в горных степях — овцы и (меньше) козы, в Чуйской степи — верблюды. До последнего времени скотоводство было главным образом (а в XIX в. почти исключительно) пастбищным. Заготовка сена производилась в самых малых размерах, и сеном подкармливали зимой только молодняк и — реже — дойных коров и кобыл. Остальной скот оставался круглый год на подножном корму — «тебеневал», — что является возможным благодаря тому, что в горных долинах снег зимой выдувается ветрами. Такой уход за скотом связан с необходимостью перегона его с зимних на летние пастбища, а нередко и в течение лета с одних пастбищ на другие. Это обуславливало и кочевой образ жизни.

Кочевничество в чистой форме сохранилось до начала массового

¹ Аристов, 343, 345, 347—8, 452—6 и др. (См. библиографию в конце).

² См., напр., Helmersen (a), 30—1, 103 и др.

³ Ярхо. Алтайско-саянские турки (рукопись).

⁴ Следующее ниже описание хозяйства Алтая и Хакассии относится к периоду до 1932 г.

перехода на оседлость, т. е. до 1932 г. только в Кош-Агачском аймаке Ойротии. Здесь теленгиты перекочевывают вместе с юртой (сооружаемой из разборной решетки, крытой кошмой) несколько раз в течение весны, лета и осени и иногда — в зависимости от корма, от состояния снега и пр. — по нескольку раз и зимой. Перекочевка совершается на небольшое расстояние, от 1 до 10 километров, редко больше, но в прежние времена размах кочевания бывал нередко гораздо больше, особенно у закиточных. Кочуют обычно группами юрт (семейств) совместно — от 5 до 20 и более юрт. Какого-либо постоянного порядка в выборе мест кочевок и в сроке их не наблюдается.

Во всех остальных аймаках Ойротии и у хакасских племен кочевой образ жизни уже давно, десятки лет тому назад уступил место полукочевому. Здесь обычно перекочевывают только с зимников на летники, причем и в том и другом месте остается постоянное, переносное жилище. Зимники ставятся обычно в защищенных от холодных ветров местах, с удобными зимними пастбищами поблизости. Летом около этих же зимников заготавливается сено на зиму. Расстояние зимников от летников (амплитуда кочевок) в прежние времена, до русской колонизации, измерялось иногда десятками километров; впоследствии в связи с отнятием русскими лучших пастбищ, с уменьшением количества скота размах кочевания сократился до 1—4 километров, а нередко зимники отстоят от летников всего на несколько сот метров.

Это пастбищное экстенсивное скотоводство является крайне необеспеченным со стороны всяких стихийных влияний. Кормовая база весьма неустойчива, и зимние тебеневки при неблагоприятных условиях погоды, гололедице, большом снегопаде, обрекают скот сплошь и рядом на голодовку и гибель. Гибель грозит тебенюющему скоту и от снежных буранов, хищных зверей, не говоря уже о болезнях. В результате всех этих причин до последнего времени наблюдалась большая или меньшая убыль стада, в неблагоприятные годы доходящая до огромных размеров — до 40—50%, а иногда и больше, главным образом, за счет молодняка.

Несмотря на эту крайнюю неустойчивость и беззащитность от стихийных условий, скотоводство народов горно-степной полосы, особенно теленгитов, алтайцев, меньше качинцев и других хакасских племен, составляет (а еще больше составляло в прежние времена) основу их существования. Наиболее чистые скотоводы — теленгиты — живут почти исключительно скотоводством. Пища мясно-молочная, с потреблением молока во всех видах, с запасанием его на зиму в виде сушеных и продывленных «сырчиков» и масла. Одежда из бараньего или козьего меха. Юрта, крытая войлоком. Посуда главным образом кожаная, равно как и всякого рода сумы, мешки, верховое снаряжение и т. д. Средства передвижения — верховая и вьючная лошадь.

Земледелие имеет в этих районах лишь подсобное значение. В высокогорной Чуйской степи, на большей части Улаганского

плоскогорья и пр. оно по климатическим условиям отсутствует совсем. В остальных местах земледелие, хотя и имеет древнее происхождение (остатки древних оросительных каналов на Чуе, Башкаусе, Чулышмане, в Минусинской степи), но до последнего времени сохраняло очень ограниченные размеры. Посевы даже зажиточной семьи измерялись дробью гектара: сеяли 2—4—8 «загонов» (загон — $\frac{1}{12}$ десятины) на семью. Работа производилась примитивной мотыгой «абылом» или примитивной однолемешной и одноконной сохой «андазыном». Сеяли почти исключительно ячмень. Жали его серпом или ножом, вымолачивали палкой или отжимали солому на огне. Ячмень поджаривают, толкут в ступах, растирают на ручной зернотерке («паспах») и употребляют полученный «талкан», подмешивая его в чай. Лепешки пекутся редко, кислого хлеба нет совсем.

Относительно большее значение имело земледелие в северной, «черневой» полосе Алтая и в Хакассии. Здесь вместо зернотерки употребляется ручная мельница, видное место в питании занимает вареное тесто — лапша.

Помимо земледелия существовало, в частности в лесной полосе, примитивное собирательство: женщины выкапывают мотыгой или копачкой («озуп») корни кандыка, сараны, собирают дикий лук, ягоды и т. п.

Подсобное значение в скотоводческой горной полосе и основное в северной горно-таежной (в «Черни») имеет охотничий промысел. Тубалары, шорцы, лебединцы и другие черневые племена — прежде всего охотники. Охота — главным образом пушная, сезонная, причем главный промысловый сезон осенне-зимний (октябрь—декабрь), а главный промысловый зверь — белка. Имеет значение также охота на соболя, лису, марала, медведя, колонка, горностая. Охота на пернатую дичь имеет продовольственный характер. В горно-степной полосе промысловые животные — сурок, горный козел, горный баран. Весенне-летняя охота на мелкого зверя — крота, бурундука, крысу — до последнего времени почти не практиковалась.

Помимо охотничьего промысла в черневой полосе имеет значение (местами большое) орешный промысел. Он тоже сезонный (август—сентябрь). Занятие пушным и орешным промыслом обуславливает отход значительной части мужского населения на промысловое время в тайгу, что делается обычно артелями по 3—10 человек. Значение этих лесных промыслов в хозяйстве населения главным образом товарное, и таким оно было довольно давно. Прежде пушной платился и ясак.

Население этой северной полосы, промысловое, отчасти земледельческое и еще меньше скотоводческое, является в основном оседлым, никаких форм кочевания тут нет, если не считать упомянутых отлучек из дома на промысловый сезон.¹

¹ См. библиографию в конце: Швецов (г), Швецов (в), Юхнев, Radloff (а), I, Ядрицев (а), Ямпольский и Абанов, Реминный, Эдоков (б), Богатырев, Костров (в), Кузнецова и Кулаков, Яковлев, Григорьев, Ярилов.

Таковы основные черты национального населения Алтайско-Саянского нагорья и его хозяйства, как оно сложилось к моменту начала социалистической реконструкции. Эта последняя уже сейчас внесла, разумеется, большие изменения в хозяйственный уклад населения. Но нам в рамках нашей задачи сейчас нет нужды говорить об этих изменениях, поскольку наша задача — понять историческую обусловленность докапиталистических пережитков у изучаемых народов, пережитков, связанных со старыми хозяйственными формами. Для характеристики последних сказанного в основном достаточно, и мы можем теперь непосредственно перейти к нашей теме.

4. РОДОВЫЕ ПЕРЕЖИТКИ

Что представляют собой реально те социальные отношения, которые мы имеем в виду, когда говорим о «докапиталистических пережитках» в Саяно-Алтайской области? Таков первый вопрос, подлежащий нашему рассмотрению. Прежде чем перейти к тем или иным обобщениям, мы должны попытаться установить, с какими социальными фактами мы имеем здесь дело.

Прежде всего мы сталкиваемся с наличием у саяно-алтайских народов особых родовых группировок, деления на так называемые «сёбки». ¹ Эти «сёбки» — группы, обладающие, как мы скоро увидим, рядом признаков, характеризующих обычно именно род, — привлекали к себе внимание многих наблюдателей. Едва ли можно сомневаться в том, что тут мы имеем перед собой остатки не только докапиталистических, но и доклассовых первобытнокоммунистических форм, остатки родового строя. Но этим еще ровно ничего не говорится о том, что реально представляют собой эти остатки в настоящее время. Чтобы уяснить себе это, надо исследовать эти «сёбки» не только с формальной стороны, но и по существу, исследовать их подлинный характер и социальную значимость для определенного отрезка времени.

Так поставленный этот вопрос оказывается далеко не таким простым. Если взять литературу об алтайско-саянских племенах, то, несмотря на ее обилие, ответ на наш вопрос в ней найти трудно.

Самые ранние упоминания о родовых делениях алтайцев и хакасов встречаются еще у авторов XVIII века. Герард Миллер упоминает ² о трех «поколениях» калмыков (ойротов) и об их делении на «роды». Георги говорит о «поколениях» качинцев, телеутов и других племен. ³

Более поздние авторы почти все упоминают о родах у данных племен, но никто из них не дает отчетливого представления об их характере, а большинство, повидимому, и не задавалось подобным вопросом. Так, В. Радлов говорил о делении алтайцев на 24 рода,

¹ Söök — букв. «кость».

² Миллер, 20.

³ Георги, II, 150, 156 и др.

члены которых имеют «ein starkes Gefühl der Zusammengehörigkeit»,¹ но в чем эта «Zusammengehörigkeit» выражается—он не говорит, если не считать указания на экзогамию и на родовой культ. Миссионер Вербицкий писал, что «алтайские инородцы, кроме официального разделения по дючинам и волостям, разделяют себя еще на множество родов или поколений (сеок, кость)»,² и приводил несколько преданий о происхождении этих родов.³ Согласно Потанину, кроме деления на три племени или «отделения», «существует другое на сеоки (кости или поколения) числом 24».⁴ Далее Потанин приводит ряд преданий, поверий и поговорок, относящихся к отдельным родам, и в заключение упоминает о классифицирующей системе обозначений родства.⁵ Ряд интересных фактов, касающихся родовых пережитков у чуйских теленгитов, сообщает Калачев,⁶ не отмечая впрочем их значения.

Наибольше интереса проявил к этому вопросу С. П. Швецов, посвятивший в своем большом исследовании об алтайских племенах целую обширную главу «родовому быту», изучивший очень тщательно географическое размещение отдельных родов, их распределение по дючинам и волостям и все, что он мог узнать по поводу родовых делений. Он придает очень большое значение родовым формам быта алтайцев. «Если родовое начало и не является в настоящее время определяющим весь строй жизни инородцев Алтая, как это, повидимому, было еще в недавнем прошлом, то влияние его все-таки еще очень сильно, и оно сказывается на всем, начиная от семейных отношений и кончая религиозными воззрениями современного алтайца. . .»⁷ И, действительно, факты, собранные Швецовым, способны, как мы скоро увидим, пролить некоторый свет на характер родовых пережитков у алтайцев, а его собственное понимание смысла и роли этих пережитков стоит (конечно, в границах буржуазной методологии) на довольно значительной теоретической высоте. Однако отчетливое представление о характере родовых форм у этих племен трудно составить себе и по работе Швецова: конкретных фактов, говорящих о социальной значимости рода, в его книге почти нет, если не считать только вопроса о формах брака и о родовой преемственности записанства.

Несколько особняком стоят записи Н. П. Дыренковой. Эта исследовательница, суммируя свои наблюдения, пишет, что «турецкие племена Алтая, алтайцы и телеуты. . . живут еще до сих пор родовым бытом, основанным на кровном родстве по отцовской линии».⁸ Но приводимые Дыренковой в подтверждение этого мнения фактические указания, как мы увидим дальше, вызывают

¹ Radloff (a), I, 253.

² Вербицкий (б), 8—9.

³ Ibid., 9, 136.

⁴ Потанин (a), IV, 1—2.

⁵ Ibid., 2—9.

⁶ Калачев (a), passim.

⁷ Швецов (r), I, 90.

⁸ Дыренкова (a), 247.

большие сомнения в их достоверности, и цитированное только что общее заявление этого автора нельзя считать обоснованным.

В одной из статей сборника «Десять лет Советской Ойротии» мы находим столь же общую и категорическую формулировку (стоящую, однако, в полном противоречии со всем остальным содержанием сборника), что трудящиеся массы Ойротии вплоть до первых лет советской власти «переживали стадию патриархально-родового строя, стадию племенной и родовой разобщенности. . .» и т. д. ¹ При этом ни здесь, ни где-нибудь в другом месте мы не найдем фактического обоснования этой формулировки.

Что касается хакасских племен и шорцев, то о них соответствующие литературные указания еще более скудны. Некоторый материал имеется только в работах Н. А. Кострова, значительно меньше — у более поздних авторов: Адрианова, Яковлева, Григорьева и др.

Во всяком случае едва ли оправдано общее утверждение В. Ватина, писавшего о Минусинском крае XVIII века: «Инородческие племена Минусинского округа не выходили еще из стадии родового быта». ² Из сообщаемого им же материала видно, что даже и в XVIII веке это было далеко не так.

Я попробую все же нарисовать общую картину того, что представляют собою сохранившиеся до последнего времени элементы родовых отношений в изучаемой области, пользуясь для этого как своими собственными материалами по Алтаю, так и прежними описаниями.

Внешняя форма родовой организации сохранилась до последнего времени у алтайцев с большой полнотой. Существование и номенклатура родовых делений заметны даже поверхностному наблюдателю. Каждый алтаец, теленгит, туба-кижи и др. — отлично знают свой сёбк, так же как и сёбки своих земляков. Родовые деления, существующие в данном урочище, известны обычно даже детям. Алтайцы без долгих размышлений отвечают, сколько в данной местности представителей рода Майман, сколько Тодошей, Тёёлёсов, Кергилей, Соёонов и т. д. Правда, мелкие роды иногда при этом упускаются из виду. ³ Кроме того алтайцы обычно знают, где распространен тот или иной сёбк, в данной местности отсутствующий. ⁴ В числе первых стереотипных вопросов, взаимно задаваемых незнакомыми алтайцами при первой встрече, всегда фигурирует вопрос: «сёбгин не?» — «какого рода?» Этот вопрос нам приходилось, напр., ежедневно слышать из уст грамотного обруселого алтайца, нашего проводника, летом 1932 г., причем он и сам без вопросов обычно рекомендовался: «Петр Кучук из Чемала, сёбк Тёёлёс». Наконец, до недавнего времени в кругах национальной

¹ Десять лет Сов. Ойротии, 3.

² Ватин, 127.

³ Ср. Швецов (r), I, 102.

⁴ Что, несомненно, связано со сравнительной подвижностью населения, сохранившего кочевые традиции отчасти даже в оседлых районах.

интеллигенции сохранялся обычай присоединять к своей фамилии название рода: Чорос-Гуркин (известный художник), Тибер-Петров (один из вожаков буржуазно-националистической интеллигенции), Чагат-Строев (национальный писатель и переводчик) и т. п.

Типичную форму рода воспроизводят алтайско-саянские сёбки в том отношении, что они являются строго однолинейной агнатической организацией. Счет происхождения ведется всегда по отцу, от которого наследуется принадлежность к сёбку. Женщина ни в коем случае не передает своего родового имени потомству.¹ Сама женщина при замужестве переходит в сёбок мужа, и часть свадебного ритуала как раз состоит в том, что новобрачная отдается под покровительство родовых божеств мужа. Внебрачных детей зачисляли в род отца, причем в сомнительных случаях руководствуются показаниями матери ребенка, которая называет сёбок отца ребенка.² Этот порядок отразился, между прочим, на преданиях о происхождении сёбков: так, возникновение рода Оргончи предание объясняет тем, что одна девушка рода Тёёлёс, родив ребенка, отказалась назвать его отца, поэтому родовое начальство вынуждено было изобрести для него новый сёбок — Оргончи (Записано в 1932 г.).

При наличии этой строго агнатической родовой филиации особенно интересно отметить несомненные реликты материнско-родовой организации на Алтае. Реликты эти следующие:

1) Слово «карындаш», означающее брат (в широком смысле) или сородич, происходит от корня «карын» — утроба, и следовательно переводится буквально «единоутробный». В этом термине, таким образом, палентологически вскрывается идея материнского, а не отцовского родства.

2) Сохранились обычаи, связывающие особыми узами племянника с материнским дядей — обычай, типа авункулата, называемые «баркы». Племянник имеет право потребовать от дяди того или иного подарка, и дядя не может ему отказать, хотя бы дело шло о лучшей лошади. Племянник иногда заранее предупреждает дядю: «Я у тебя возьму то-то», и дядя после этого не может продать этой вещи. Дядя и без всякой просьбы должен сделать племяннику какой-либо ценный подарок. Обычно в таких случаях дарили коня (Записано в Чемальском и Онгудайском айм. в 1930 г.).³ Этим же термином «баркы» обозначается и обычай, согласно которому на свадебном пиру, где встречаются вместе (хотя бы в качестве гостей) дядя и племянник, первый должен поднести второму большой кусок мяса. Пиршество начинается не раньше, чем будет выполнен этот ритуальный жест. Мне приходилось самому наблюдать этот обычай (Курата, Онгуд. айм., 1930 г.). Известно, что авункулат вообще

¹ Ср. Швецов (г), I, 107.

² Согласно Швецову, в 1-й алтайской дючине существовал в этом отношении особый очень любопытный обычай: внебрачного ребенка зачисляли в род заисана. См. Швецов (б), 14.

³ Ср. Дыренкова (а), 258.

является частью системы матернитета и сохраняется как пережиток последнего.

3) У телеутов, а может быть и у алтайцев, имеются остатки культуры женских предков «эмэгэндэр» («бабушки»), описанные Л. Э. Каруновской¹ и А. Ефимовой.²

Величина сѡбков очень различна. Данные 1897 г. дают полную картину численности отдельных сѡбков у алтай-кижи (семь Алтайских дючин), у теленгитов (две Чуйские волости) и у тубаларов (4 Черневые волости). Самый крупный из алтайских родов Тодош — насчитывал тогда 2 978 душ, за ним следовали Ыркыт — 1 928 душ, Майман — 1 912, Кыпчак — 1 681, Мундус — 1 342, Тѣёлѣс — 1 333, Кергиль — 1 035. Дальше идут менее крупные роды, 15 из которых насчитывали от 100 до 1 000 душ, а 14 — менее 100 каждый, в том числе были такие «роды», как Могол, насчитывавший всего 3 человека, Мерет — 2 чел., Тогус и Суузар — по одному. Что касается двух Чуйских волостей, то в них только один род — Кѡбѡк — состоял более чем из тысячи человек (1 039), остальные насчитывали сотни или десятки душ. То же надо сказать и о четырех Черневых волостях, где только один сѡбк Комдош насчитывал 1 038 душ, остальные менее 700 душ, а большинство (14 сѡбков) даже менее 100 каждый.³

Соответствующей статистики для хакасских, шорских и др. родов, повидимому, не имеется.

Система родовых делений у алтайцев и хакасов представляется с внешней стороны очень простой, в отличие, например, от сложно-разветвленной родовой системы у казаков или туркмен, а также у якутов. Если у туркмен племя делится на два главных подразделения, те в свою очередь — на более мелкие, и это расчленение доходит до 6-ступенной лестницы родовых делений, то у алтайцев и хакас ничего похожего нет. Если алтаец, напр., говорит, что он из рода Саал, то этим полностью определяется его родовая принадлежность. Крайняя степень расчлененности родовой системы на Алтае и в Хакасии состоит в делении некоторых родов на 2, реже 3 или 4 подрода. Но эти подроды имеют очень небольшое значение и часто неизвестны самому населению: тем более оставались они чаще всего незамеченными исследователями. Так, дающий наиболее полный перечень алтайских родов С. Швецов не упоминает почти ни одного из этих родовых подразделений, кроме только деления рода Тодош на Кара-Тодош и Кытот-Тодош.⁴ В. В. Радлов вовсе не говорит о таких подразделениях. Потанин дает следующие деления сѡбков: Тоѣлес — Сары-Тоѣлес и Кара-Тоѣлес; Иркыт — Кара-Иркыт, Шира-Иркыт и Кальджан-Иркыт; Союн — Кара-Союн и Сары-Союн; Мундус — Чулум-Мундус и Коткор-Мундус; Алмат — Кара-Алмат и Сары-Алмат; Майман — Кара-Майман и Коголь-Майман,

¹ Каруновская, 22—23 прим.

² Ефимова, 232.

³ Швецов (г), I, 91—96.

⁴ Швецов (г), I, 237, прим.

Тотош — Кара-Тотош и Кытат-Тотош. ¹ А. И. Ярхо собрал данные о подразделении родов: Иркыт — на 2 подрода, Тёёлёс — на 4, Кергиль — на 2, Мундус — на 3, Сойон — на 2, Чаапты — на 2, Кёббк — на 5, Майман — на 3, Монгол — на 2. ² Мне удалось в 1930 и 1932 гг. отметить подразделения следующих родов: Кёббк — Ак-Кёббк, Кара-Кёббк и Тас-Кёббк; Тодош — Кара-Тодош, Кыдат-Тодош, Манди-Тодош; Сойон — Кара-Сойон и Сары-Сойон (или Коболу-Сойон); Комдош — Кара-Комдош, Тас-Комдош и Балам-Комдош; Чагат — Сары-Чагат и Ко-Чагат; Майман — Кара-Майман и Кёгён-Майман; Мундус — Яан-Теленгет-Мундус и Күчү-Теленгет-Мундус. Некоторые из этих подразделений, а может быть и большая часть их, ограничены каждое очень узким районом. Так, разделение Кёббков на части известно только теленгитам и неизвестно алтайцам. Деление Мундусов на «больших» и «малых» отмечено мною только на р. Куюме (Чем. айм.) и неизвестно в других местах. Сары-Чагат — деление, найденное только в Артыбаше, Манди-Тодош — только в Каспе. Большинству алтайцев последние подразделения неизвестны.

Такие же подроды есть и у хакасов. В перечнях родов, приводимых Катановым, мы находим такие подразделения родов племени Бельтиров: Ак-Чыстар и Кара-Чыстар, Суг-Какпыназы и Таг-Какпыназы, Ак-Бельтир и Кара-Бельтир. ³ О подразделениях других хакасских племен ничего не говорится.

Таким образом, эти подразделения — в отличие от основных родов — не представляют собой устойчивых и всем известных группировок. Об их происхождении мне пришлось записать несколько преданий, одно из которых заслуживает некоторого внимания как отголосок, быть может, действительного факта. Род Кёббк является в Улаганском аймаке настолько распространенным, что местами к нему принадлежит более 50% населения. Так как это, при наличии экзогамии, сильно затрудняло браки, то зайсан 2-й Чуйской волости, как рассказывают, разделил этот род на 2 подрода: Кара-Кёббк и Ак-Кёббк, разрешив им вступать в брак друг с другом (Запис. в Карасу, Улаганский айм., 1932 г.). В некоторых случаях, как мы позже увидим, названия подразделений могут дать известные указания на историю их происхождения.

Дальше этого деления на 2—3—4 подрода, имеющих обычно узко местное значение и не привлекающих к себе особого внимания, разветвление родовой системы у алтайцев и хакасов не пошло. Род, следовательно, представляет собой здесь устойчивую, маловетвящуюся или совсем не ветвящуюся группу, из поколения в поколение сохраняющую свою целостность и единство — по крайней мере поскольку таковое проявляется в общем имени. К этому факту мы вернемся, когда будем говорить об истории алтайско-хакасских родов.

¹ Потанин (а), IV, 2.

² Ярхо (рукопись).

³ Катанов (в), кн. 5—6, 51

С другой стороны, некоторые роды считаются у алтайцев между собой близкими, иногда — происходящими один от другого. Так, по поводу рода Оргончи я уже приводил записанное мною предание об его происхождении от рода Тёёлёс: предание относит это событие ко времени более 100 лет тому назад. От того же рода Тёёлёс произошел, по другому преданию, и сёёк Дъеты-Тас (Титтас).¹ Взаимная близость родов Тёёлёс, Титтас и Оргончи и теперь проявляется в запрете браков между ними. Такой же запрет браков, свидетельствующий о какой-то близости между родами, существует у Ыркытов с Соёнами. Близость эта подтверждается и преданиями и общностью культа: оба сёёка молились одному богу Иер-су (Запис. в уроч. Улета, 1930 г.). О родстве Ыркыта и Соёна говорит и Потанин. Он же указывает на близость между Кёбёком и Джабаком.²

Эти указания на бóльшую или меньшую близость между отдельными алтайскими родами точно так же имеют значение для вопроса об их происхождении, и к ним мы еще вернемся.

Деление на роды не укладывается в рамки отдельных племен, и один и тот же род часто встречается у теленгитов и алтайцев, у алтайцев и тубаларов, у алтайцев и телеутов. Довольно точные арифметические подсчеты этих совпадений и несовпадений проделал Швецов по данным экспедиции 1897 г. По его подсчетам, напр., из 36 сёёков, распространенных среди алтай-кижи, у черневых татар (тубаларов) встречается 10, у теленгитов — 12.³ Такие сёёки, как Тёёлёс, Мундус, Соён, Кергиль, встречаются и у теленгитов, и у алтай-кижи, и у тубаларов, и отчасти у телеутов. Более обособляком стоят в этом отношении черневые племена, у которых как раз больше всего своих, в других местах не встречающихся сёёков.⁴

На них похожи в этом отношении хакасские племена, которые имеют различные роды у каждого племени, за немногими исключениями не повторяющиеся в других. К этим исключениям относятся роды Сарыг (у сагайцев и бельтиров), Чода (у сагайцев и койбалов).

С алтайскими племенами у хакасов в названиях родов тоже мало общего. Здесь мы находим только род Иргит у сагайцев, Ара у качинцев, Джеты-пюрю у сагайцев.

У шорцев тоже свои особые роды, из которых, правда, 7 совпадают с одноименными родами у сагайцев, а один — род Шор — с таким же у тубаларов.⁵

¹ Сначала были только Тёёлёсы. Но их расплодилось очень много. Один демичи не справлялся с делами. Назначили двух демичи, но они стали ссориться между собой. Тогда было решено (родовым начальством) разделить Тёёлёсов — от них отделили род Титтас. Это было больше 100 лет тому назад. Но и до сих пор Тёёлёс и Титтас не вступают в брак друг с другом (Записано в Усть-Улагане, 1932 г.) Другое предание об этом же роде записано Потаниным (а), IV, 9.

² Потанин (а) IV, 7.

³ Швецов (г) I, 100—101.

⁴ Ibid.

⁵ См. Аристов, 343. Согласно Кострову, 7 сагайских родов — недавние выходы из Кузнецкого округа, т. е. от шорцев. Костров (в), 210.

В еще меньшей степени можно найти совпадение родовых делений с территориальными, в особенности у южных алтайцев. По подсчетам Швецова, только 40% алтайских родов — по преимуществу мелкие роды — входят каждый в какую-нибудь одну волость или урочище, остальные 60% встречаются каждый в нескольких волостях или районах.¹ Конечно, известная локализация родов все же есть. Так, почти все члены родов Оргончи и Титтас живут в низовьях Чулышмана.² Кюбёки живут главным образом в бассейне Башкауса, меньше на Чуе и на Чулышмане и т. д. Большую локализованность обнаруживают опять-таки роды тубаларов, кумандинцев, шорцев и других племен северной лесной полосы,³ а также хакасских племен.⁴

При определении происхождения отдельных родов их географическое распространение имеет, конечно, большое значение, но нельзя забывать о сравнительной подвижности кочевого населения, с чем связана известная подвижность границ этой географии.

Количество всех родовых единиц у алтайско-саянских племен, даже если не считать подразделений, трудно установить с полной точностью. Радлов полагал, что у алтайцев их 24.⁵ Потанин повторяя эту цифру, сам не придает ей значения действительной.⁶ Экспедицией 1897 г. было зарегистрировано 36 родовых названий у алтай-кижи, 28 у черневых, 16 у теленгитов, — и эти данные, обработанные Швецовым, наиболее полны.⁷ У телеутов Аристов перечисляет 16 родов,⁸ А. И. Ярхо записал 17,⁹ но из этих двух перечней только 11 названий совпадают. Для шорцев Аристов дает перечень 21 рода,¹⁰ Ярхо перечисляет 14.¹¹

Подсчитать количество родов у хакасских племен еще труднее, так как введение русскими властями больших административных «родов» чрезвычайно запутало родовую номенклатуру. Границы между туземными сёком, административным «родом» и, нередко, племенем установить трудно. Кроме того, старые родовые деления здесь иногда забывались, в особенности обруселыми хакасами. Поэтому у качинцев Семенов перечисляет 10 родов, Катанов тоже 10, но из них совпадают только 7 названий, Адрианов же дает 13 названий, а у Аристова мы находим только 6. У сагайцев насчитывают от 10 (Катанов) названий родов до 23 (Радлов). У бельтиров Катанов насчитывает 7 родов, но их можно свести к 5. У койбалов

¹ Швецов (г), I, 100.

² Луценко (а), 18—19.

³ Швецов (г) I, 100—101.

⁴ Григорьев, 441—443 и пр.

⁵ Radloff (а), I, 258.

⁶ Потанин (а), IV, 1—2.

⁷ Швецов (г), I, 91—96.

⁸ Аристов, 340.

⁹ Ярхо (рукопись).

¹⁰ Аристов, 344.

¹¹ Ярхо, (рукопись),

Кастрен записал 12 родов, но Катанов—только 7. У кызыльцев отмечено 10 родов.¹

Самая характерная черта родовых делений у описываемых народов — это экзогамия. Наличие строгой экзогамии у алтайцев отмечалось рядом исследователей: Радловым,² Швецовым,³ Дыренковой⁴ и другими. У хакасов обычай экзогамии подтверждается сообщениями старых исследователей, собранными у Риттера,⁵ Костровым⁶ и другими. В позднейшее время, в связи с общим процессом обрусения хакасов, экзогамный запрет у них стал терять свою силу.⁷

У алтайцев же мне пришлось убедиться в необычайной крепости экзогамного запрета даже сейчас, когда многие старые обычаи забываются. На вопрос, можно ли жениться в своем роде, я каждый раз и везде получал отрицательный ответ в самой категорической форме. «Йок, йок, алышпас» — нет, нет, нельзя жениться! — тоном, не допускающим сомнений, заявлял мне старик теленгит в урочище Мандилу (Улаг. айма.), и такие или подобные ответы приходилось постоянно слышать и в других местах. Были случаи, когда алтайцы даже смеялись надо мной по поводу таких нелепых с их точки зрения вопросов.

Мотивировка экзогамного запрета всегда одна и та же: члены одного рода — «карындаш» — братья. Как же можно жениться брату на сестре? — «Алышпас».

Выше упоминалось уже, что это «алышпас» распространяется и на отношения между некоторыми сёбками. Биркыт и Соён не вступают в брак друг с другом, точно так же как Тёёлес, Титтас и Оргончи. Не бывает браков обычно и между подразделениями одного рода.

Экзогамия нарушается только вполне обрусевшими алтайцами, но и в этой среде обнаруживается неодобрение такому поведению.⁸

Многие авторы отмечали, что в экзогамном запрещении проявляется чувство взаимного родства между членами сёбка. Этот несомненный факт подтверждается употреблением слова «карындаш» — брат и сестра (букв. «единоутробный») — в качестве мотивировки запрета. Именно такое значение экзогамии подчеркивалось еще Энгельсом.⁹ Ясно, что в живучести обычая экзогамии и подобной терминологии сказывается наличие достаточно крепкого внут-

¹ Яковлев, 8, 12; Аристов, 344.

² Radloff (a), I, 258.

³ Швецов (r) I, 107.

⁴ Дыренкова (a), 253—254.

⁵ Риттер, III, 519, 520.

⁶ Костров (b), 216.

⁷ Яковлев 82—83.

⁸ Имеют место весьма любопытные отдельные факты перехода экзогамного правила с рода на колхоз. Такие факты отмечены Л. П. Потаповым в 1931 г. в колхозах Чемальского аймака. «В колхозе живем,— значит, все мы друг другу братья, свои, и жениться между собой нельзя.» Потапов (б), 42.

⁹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1934 г., стр. 81—82.

ренного сцепления в родовой группе. Уже один этот обычай, если бы мы не знали ничего другого о роде у алтайцев, должен был бы заставить нас серьезно задуматься над условиями устойчивости родовых форм.

С сохранением экзогамии связана своеобразная система обозначений родства, обнаруживающая ряд черт так называемых классифицирующих систем родства (Морган—Энгельс). Я не буду здесь приводить полностью всей исследованной мною и другими авторами¹ терминологии родства алтайцев, а остановлюсь кратко только на тех ее особенностях, которые сохраняют связь с родовыми нормами.

В алтайской номенклатуре родства (как и в других турецких языках) сохранились следы эпохи, когда индивидуально семейные отношения имели меньшее социальное значение, чем группировка членов рода по возрастам. Так, термин «агам»² означает старшего брата, но в то же время и старшего дядю по отцу и даже сына брата (племянника), если он старше меня возрастом. Термин «ачым», наоборот, означает младшего брата, а также сына брата — племянника, который моложе меня, и даже дядю по отцу, если он тоже моложе меня. Точно так же слово «эйем» означает старшую сестру, но также и тетку по отцу, а слово «синим» — младшую сестру, тетку по отцу, младшую, чем я, и племянницу (дочь брата). Первоначальное древнее значение всех этих терминов, очевидно, сводилось к обозначению старших и младших мужских и женских сородичей (членов рода), индивидуальный же смысл, относящийся к ближайшей кровной родне, был им придан в позднейшее время.

Такое не индивидуальное, а групповое — родовое — значение этими терминами и теперь еще не вполне утрачено. По крайней мере, Потанин отмечает очень широкое — и именно родовое — употребление родственной номенклатуры. Он пишет: «Люди одного поколения (рода. *С. Т.*) у алтайцев считаются родственниками; Тотощ, встретив Тотоша, старше себя годами или хоть днем, называет его дядей, абагай; младшего возраста соплеменника он назовет ачим, племянник; женщину Тотошку старше годами — тенге, тетка, старуху — абёнеш, бабушка, девочку — сийным (младшая сестра) или едем (старшая сестра).»³

Вторая черта номенклатуры родства алтайцев, характерная для родового строя и связанная тесно с экзогамной организацией, состоит в обособлении родни по отцу и по матери, т. е. по существу в отделении членов своего рода от других. Так, дядя по отцу называется «абагайым» или «агам», а дядя по матери «таайым». Тетка по отцу называется «эйем» или «синим», а тетка по матери «таайэйем». Важно отметить, что в материнской родне, т. е. в чужом со́бке, различения по возрасту не делается, и еще в меньшей степени,

¹ Ср. Дыренкова (а), 253—258.

² Здесь и в дальнейшем термины даются с притяжательным суффиксом 1-го лица ед. ч.

³ Потанин (а), IV, 9.

чем в своем сёоке, соблюдается различие поколений: тот же термин «таайим» означает не только материнского дядю, но и всех его сыновей (двоюродных братьев говорящего), а термин «таай-эйем» — теток и дочерей дяди. Таким образом, термин «таай» в сущности означал первоначально просто членов рода матери. Кстати, это первоначальное значение, кажется, и сейчас не забыто, судя по сообщению, полученному мною от алтайцев в Куюме (Чем. айм.). Различение по принадлежности к сёокам проводится и в младшем поколении: племянники — дети брата — называются «ачым» («агам») и «сииним», а дети сестры — «йееным». Последний термин означает и детей дочери (внуков), следовательно, и здесь обращается внимание не на поколение, а на принадлежность к чужому роду.

В ряде терминов, относящихся к свойству, точно также вскрывается их прежняя родовая семантика. Так, слово «йенэм» («йенгэм») означает жену старшего брата и жену дяди (брата отца). «Кельдым» означает жену младшего брата и жену сына. «Йестэм» значит муж сестры отца, муж старшей сестры и брат жены. «Куйум» — муж младшей сестры и муж дочери. Первоначально эти 4 термина, по видимому, означали старших и младших мужских и женских родственников. Еще в большей степени такое родовое значение сохранил термин «каайным», относящийся прежде всего к свекру и к тестю, но также и вообще к старшей родне мужа и жены: при этом к данному слову прибавляются уточняющие термины: «каайын-агам» — старший брат мужа, «каайын-эйем» — старшая сестра мужа, «каайын-энем» — теща или свекровь и т. п. Приведем еще один пример; термин «кеединим» означает жену сына, но он значит и вообще «замужняя женщина» (Терминология записана в Чемальск. и Онгудайск. айм., 1930 г.).

Наконец, самое общее значение имеет упоминавшийся уже термин «карындаш», означающий вообще сородича, члена своего сёока (в узко-семейном смысле он относится к младшему брату). Как мы видели, слово «карындаш» употребляется, между прочим, для мотивировки экзогамного запрещения. Оно употребляется и в других случаях между сородичами, но, кстати сказать, с ним едва ли связаны какие-либо реальные и существенные права и обязанности: об этом речь будет у нас дальше. Мне приходилось слышать слово «карындаш» только в полусуштливом-полуласкательном значении, напр., при обмене приветствиями между сородичами.

Вместе с особенностями терминологии родства, палеонтологически сохраняющей воспоминание о чисто-родовых, до-семейных отношениях, надо отметить и пережитки до-индивидуального группового брака. Эти пережитки уже отмечались исследователями. Так, уже Швецов указывал, что легкость заключения брака и развода, весьма либеральное отношение к внебрачным связям, в частности девушек, ряд обычаев и обрядов при сватовстве и свадьбе, ряд обычаев в семейной жизни — все это свидетельствует о том, что теперешней индивидуальной (малой) семье и индивидуальному

браку предшествовали иные, более широкие их формы.¹ В несколько неопределенных выражениях об этом говорит и Дыренкова.² С большой четкостью, хотя и кратко, выражена эта мысль в статье Гершельмана об «Обычном укладе семейных отношений у алтай-кижи».³ Я только коротко перечислю наиболее убедительные факты.

Практикуемое иногда и теперь заключение брака посредством похищения невесты само по себе может считаться пережитком родового строя. Момент межродовой отчужденности особенно заметен в обычае, согласно которому родители похищенной девушки притворно сердятся и даже бьют свата, приезжающего к ним после похищения улаживать дело. Еще более отчетливо говорит о прежних групповых формах брака то обстоятельство, что во всем сватовстве и в свадебном обряде очень большую роль играет родня жениха, и, наоборот, роль самого жениха очень мала. Организовать увоз невесты, уладить дело с ее родителями, устроить свадебный пир — дело родни жениха. Даже в самом ритуале свадьбы жених как-то незаметен. Можно присутствовать на алтайской свадьбе с начала до конца и, если не спросить, то так и не узнать, кто же жених: он помогает варить угощение, ходит между гостями и ничем не выделяется. Эту особенность алтайского свадебного обряда отмечает Гершельман,⁴ случалось ее заметить и мне. Свадьба имеет, следовательно, такой вид, как будто это дело вовсе не личное, а общеродовое.

В аналогичном смысле истолковываются и те характерные ограничения, какие обычай налагает на замужнюю женщину в отношениях ее к старшей мужской родне мужа — свекру и другим. Женщина у алтайцев не может быть при свекре с непокрытой головой, босиком, без «чэгэдэка» (верхней одежды), показывать ему обнаженную руку выше локтя. Она не называет его по имени, не может шутить с ним, повертываться к нему спиной и т. д. Свекор не может садиться на постель снохи и пр. Повидимому, нравы Швецов и Гершельман,⁵ видящие в этих обычаях следы той борьбы, какая велась когда-то за господство индивидуального брака против группового, за исключительность брачных прав мужа против таких же прав всей его родни.

Быть может, нрав Швецов и тогда, когда он объясняет подобным же образом известный обычай, запрещающий женщине называть имя своего мужа; «предполагается, что она как бы не знает его имени»,⁶ т. е. этот обычай мог возникнуть как пережиток эпохи, когда отдельного мужа у женщины не было.

Приведенные обычаи являются, таким образом, реликтами

¹ Швецов (б), 14—15; (г), 126—127.

² Дыренкова (а).

³ Гершельман, 134—141.

⁴ Ibid., 136—137.

⁵ Швецов (б), 10—15; Гершельман, 140.

⁶ Швецов (б), 16.

группового брака, т. е. тем самым пережитками подлинных родовых отношений.

Отметим еще некоторые обычаи, с браком не связанные, но имеющие отношение к родовым формам.

Алтайцы говорили мне, что, хотя никакой розни и отчужденности между сёбками в настоящее время не существует, но следы такой розни наблюдаются иногда в детских играх, и в шутках взрослых, когда члены разных родов поддразнивают, подшучивают друг над другом. Проявляется такая рознь, по их словам, иногда и в пьяных ссорах (Записано в Курате, в 1930 г.).

Калачев отмечает обычай, наблюдавшийся им у чуйских теленгитов. Во время общественных праздников происходят состязания певцов. Два таких певца, из разных сёбков, садятся друг против друга и по очереди поют, «восхваляя каждый свой сёбк, осмеивая противника и род его». Все присутствующие сородичи певцов с горячим интересом слушают пение, «знают, что поражение на этом турнире покроет стыдом весь его род». Состязание иногда кончается дракой.¹ Кстати, Потанин записал целый ряд насмешливых поговорок, шутливых песенок про членов того или иного сёбка.²

В настоящее время, кроме перечисленных фактов: общеродового имени, экзогамии, некоторых архаических черт терминологии родства и некоторых незначительных обычаев — едва ли сохранились какие-либо проявления внутривидовой связи. Но в недавнее сравнительно время были и другие проявления этой связи. К числу их надо отнести хотя бы родовой культ. Если сейчас обряды его и не исполняются, то всего несколько лет тому назад моления родовым божествам у алтайцев производились.

О существовании своих особых божеств у каждого рода упоминают В. В. Радлов,³ миссионер Вербицкий.⁴ Однако и тот и другой авторы приводят только по одному примеру наличия таких божеств: по Радлову, сёбк Чорос молится богу Тэнгри, а Вербицкий говорит о духе Тотю-Шаяне у родов Мундус и Тёёаёс. В статье Дыренковой приводится тоже только один пример: Тодоши молятся Каршиту, сыну Ёльгения; о других сёбках говорится, что каждый из них чтит какого-нибудь одного из сыновей Ёльгения.⁵ Анохин сообщает о наличии своих духов-покровителей у каждого рода, какими являются духи гор, рек, скал и т. п., а также сыновья Эрлика; несколько имен последних он приводит, но какой род какого духа чтит, он не указывает.⁶

Список родовых божеств, хотя далеко неполный, мы находим у Швецова, который называет следующие имена: «Харшит, которому молятся сёбки Майман, Мундус и другие; Бахтуган — молятся

¹ Калачев (а), 481—482.

² Потанин, (а), IV, 2—9.

³ Radloff, (а), I, 258.

⁴ Вербицкий (б), 136.

⁵ Дыренкова (а), 252.

⁶ Анохин, 7, 16.

Кобек, Алмат и пр.; Кёко-Монко — Аара, Тербет и др.; Яжил-хан или Атаган — Сойон и др.; Карагужа — Мундус, Кондош и др.» При этом люди одного рода, живущие в разных местах, чтут разных богов.¹

Мне удалось записать следующие имена родовых божеств: Каршит (Карчит) — у сёюков Майман, Тодош, Кергиль, Тонжуан, Чаапты, Улюп; Ёльгень — у Кергиля, Тодоша, Тонжуана, Кыпчака; Карагуш-хан (Карагайя) — у Мундуса, может быть, у Ёркыта и Сойона; Урчахан² — у Чаапты; Йер-су — у Ёркыта, Сойона и Йетти-Сары, Пахтуган — у Тёёлёса; Абаган — у Кёббка и Тёёлёса (на Чуе). При этом, как видно из прилагаемой таблицы,³ сведения, полученные в разных местах (Куюм, Улета, Каракол, Баратал), частично расходятся, есть расхождения и с данными Швецова.

Помимо родовых богов, у каждого сёюка есть, как мне говорили алтайцы, своя священная гора. Так, Чаптыган считается священной горой Кергилей, Улюпов и Тонжуанов,⁴ Куляган — рода Чаапты, Карагаз — Мундусов, Ялминку — Тодошей (Запис. в Куюме, 1932 г.).

Подробности относительно этих родовых божеств и священных мест, равно как и о молениях им, Masse алтайцев плохо известны, и они отсылают по этим вопросам к камам, которые знают все эти подробности, и без которых не могли совершаться и моления.

Тот факт, что географически разделенные части одного рода могут иметь разных патронов, подтверждается и моими наблюдениями. Так, о Тодошах мне говорили, что живущие в Куюме молятся Ёльгению, а в вершине Бешпельгира — Карчиту; часть рода Кергиль молится Ёльгению, а другая часть — Чаптыгану. Этот факт, вместе с разноречивостью отдельных сообщений о родовых богах и в особенности вместе с фактом общности некоторых богов для нескольких сёюков — говорит о том, что родовой культ испытал на себе сложные и разнообразные влияния исторических перемен. Отдельные роды сближались между собой, и воспоминанием о таком сближении остался общий патрон этих родов. С другой стороны, они раздроблялись территориально на части, и эти части усваивали себе разных патронов для почитания. В конце концов рамки родового культа расплывались до превращения родовых богов в общеплеменных. Так, Ёльгень, который по одним указаниям является богом Кергилей и Тодошей (Куюм 1932 г.), а по другим — Тонжуанов (Улета, Баратал, 1930 г.), а еще по другим — Тодошей и Кыпчаков (Каракол, 1930 г.), этот Ёльгень, по более обычному представлению⁵ является главным богом для всех алтайцев. То же с Йер-су, который, по словам некоторых алтайцев (Онгуд. айм., 1930 г.), является богом Ёркытов, Сойонов и

¹ Швецов (г) I, 75.

² По сведениям Л. П. Потапова — Пырча-хан.

³ См. табл. I в конце книги.

⁴ Впрочем, название этой горы заставляет скорее связывать ее с родом Чаапты.

⁵ Ср. Вербицкий (б), *passim*; Radloff (a), II, 6 и др.; Анохин (a), 12—13 и др.

Йети-Сары, — а по данным Швецова¹ и Анохина² — общеплеменным божеством. По словам алтайцев, каждый род вообще может молиться не только своему богу, но и другим; впрочем, как говорил алтаец Тунги (Улета Онг. айм. 1930 г.), здесь есть исключение: сёбки Ыркыт и Соён молятся только одному Йер-су.

Одним словом, родовой культ у алтайцев в том виде, как он сохранился сейчас и даже к концу XIX в. — представляет собою сильно модифицированную форму, лишь в очень слабой степени отражающую единство и замкнутость рода. С этим сопоставить надо и то, что родовой культ находился, по крайней мере в последние десятилетия, не в руках каких-либо родовых старшин, а в руках обычных камов. Как обстояло дело в этом отношении прежде, данных, к сожалению, нет.

У хакасов тоже существовали определенные родовые формы культа, хотя по имеющимся данным трудно отграничить их от общеплеменных, с одной стороны, от семейных — с другой. Наиболее вразумительное описание этого культа дает Яковлев. Он описывает, напр. «моление небу» «тигьр таих» — «общественное моление, бывшее, наверно, родовым или даже племенным, и ставшее теперь территориальным». Жители определенной местности молятся на своей священной горе, причем важно отметить, что руководит молением не шаман, который даже не принимает в нем участия, а «уважаемый всеми старик».³ Этот «уважаемый старик», видимо, замещает когда-то действовавшего здесь старейшину рода. Другая форма обрядов — горное моление («таг таих») — совершается уже под руководством шамана, но и здесь родовой характер моления сохраняется, напр., в обычае посвящать горному духу коня определенной для каждого рода масти: «Представители сеока (кости) кыргыс освящают искони коня сивой масти, пюрют — солового коня», и т. д.⁴ Имен родовых божеств у хакасов никто из исследователей не сообщает. Вообще родовой культ и у этих племен уже в XIX в. был в распадае, отчасти, разумеется, под влиянием христианизации.

Итак, мы констатировали наличие у алтайских — и отчасти хакасских — племен: 1) четкой, известной всему населению номенклатуры родов, 2) сохранившейся в полной силе родовой экзогамии вместе с характерной для нее терминологией родства, 3) некоторых родовых брачно-семейных обычаев и 4) достаточно отчетливых элементов родового культа. Эти факты, взятые сами по себе, составляют то, что можно назвать внешней оболочкой или формой родовой организации. Самого социального содержания этой организации мы еще не видели. В самом деле существование системы родов с определенными названиями, охватывающих поголовно все туземное население, еще ничего не говорит о характере, сущности

¹ Швецов, (г) I, 75.

² Анохин, 15.

³ Яковлев, 101—103.

⁴ Ibid., 103—105.

этих родов как социальных единиц, о характере внутренних отношений, взаимной связи между членами рода и т. п. Родовая экзогамия является, как уже говорилось, внешним выражением чувства взаимного родства членов рода, — но на чем основывается это чувство, каковы его более материальные проявления и корни, — из обычая экзогамии всего этого не видно. Брачно-семейные обычай и подавно не являются какими-либо самостоятельными формами родовой связи. Наконец, родовой культ есть система идеологического скрепления внутри родовой группы, своеобразное, в религиозной форме, искаженное отражение каких-то реальных связей и отношений, но эта идеологическая надстройка сама по себе никак не заменяет этих реальных связей и отношений.

Совершенно неизбежно рождается вопрос: каковы же были или есть эти связи внутри рода, в чем социальное содержание родовых отношений, что представляет собою алтайский и хакасский род как социальная группа, как система материальных производственных отношений, или — точнее — является ли он такой системой?

Обратимся к данным по экономической характеристике рода.

По этому вопросу мы, к сожалению, сталкиваемся с почти полным отсутствием всяких данных в печатных источниках. Из исследователей, писавших об алтайцах, ни Радлов, ни Потанин, ни Ядринцев, ни тем паче Вербицкий и Анохин, ни ряд других наблюдателей ни слова не говорят о каких-либо экономических связях между сородичами: ни о родовом землевладении или землепользовании, ни о каких-либо иных формах родовой собственности, ни о родовых формах ведения хозяйства и т. п.

Это молчание источников не может быть случайным. Оно одно уже заставляет думать, что род алтайцев в действительности ни в одном из указанных отношений не представляет собой социального единства. Что это так и есть, в этом убеждают данные, собранные Швецовым. Как уже говорилось, этот автор придает большое значение остаткам родовой организации у алтайских племен и склонен объяснять влиянием «родового начала» чуть ли не все особенности общественно-экономического строя алтайцев.¹ Этот исследователь, кроме того, серьезно и вдумчиво подходит к анализу экономики туземных племен Алтая, дает на основе богатого собранного им материала конкретную картину разнообразных форм землевладения и землепользования, распределения угодий, форм кочевания и т. д. Но мы тщетно будем искать в его книге каких-либо фактов, относящихся к экономической характеристике рода: ни о родовых угодьях, ни о совместных кочевках сородичей, ни о других формах экономических связей между сородичами у Швецова нет ни звука.

Это, правда, совершенно не значит, что Швецов ошибался, приписывая «родовому началу» (по его выражению) большое влияние

¹ Швецов (г), I, 90.

на общественный уклад алтайцев. Он понимает это влияние гораздо шире, считая основные черты экономической и общественно-политической организации алтайцев продуктом, с одной стороны, развития, а с другой — *разложения* родового начала.¹ И в этом отношении он в значительной мере прав, как мы увидим позже. Мы пока только констатируем, что при всем богатстве собранного материала и при всем внимании к родовым отношениям, Швецов не нашел фактов, характеризующих непосредственно род как экономическую категорию.

Поэтому трудно довериться сообщениям Н. П. Дыренковой, стоящим совершенно одиноко в литературе. Как уже говорилось, эта исследовательница считает, что алтайцы «живут еще до сих пор родовым бытом». По экономике рода она пишет следующее:

«Члены одного сёлка до последнего времени землю пользовались сообща; даже в тех местах, где отчасти занимались и земледелием, работали у сородичей все вместе по очереди; скот пасся вместе и в более отдаленное время был общей собственностью всего сёлка. В недавнее же время лишь более близкие сородичи имели общий скот.»² Далее говорится о родовой взаимопомощи в случаях падежа скота, уплаты калыма и т. п.³

Что в *отдаленные* времена существовало родовое владение скотом, пользование пастбищами и т. п., — это допустить можно. Но что эти факты сохранились в недавнее время, в этом можно усомниться в виду приведенных выше отрицательных свидетельств. Здесь скорее всего Н. П. Дыренкова, ездившая на Алтай еще студенткой и находившаяся под влиянием идей ее учителя Л. Я. Штернберга, переоценила сохранность остатков родового строя и дала легкую веру тем общим ответам, которые ей давали алтайцы и которые, вероятно, ею же были им подсказаны, как это часто бывает с неопытными этнографами.

Относительно хакасских племен есть отдельные указания, как будто бы позволяющие заключить о сохранении у них родового землепользования, — но в действительности указания эти говорят о другом. Так, Костров пишет о кызыльцах: «Местность, состоящая в собственности известного рода, состоит в общем пользовании всего этого рода, и ни малейшая часть ее не может быть отчуждена без согласия всех старейших родовичей».⁴ Однако значение этого сообщения, на первый взгляд столь важного, ослабляется, если иметь в виду, что «роды», о которых Костров здесь говорит, это не «сёлки», а просто административные единицы, разделяющиеся на «улусы».⁵ Здесь речь идет, таким образом, об общинном землепользовании, а не о специфически родовом. Угодья были закреплены обычаем и русским начальством за теми «родами», которые

¹ Швецов (г), I, 90.

² Дыренкова (а), 250.

³ Ibid., 251.

⁴ Костров (а), 112; ср. Костров (в), 219.

⁵ Ibid., (а), 101—102.

были созданы русской администрацией. В этом же смысле должно разуметь и сообщение о качинцах в «Землеведении Азии» Риттера: «Пастбища у них разделены между различными родами их племени».¹

Такое понимание этих старых сообщений подтверждается более поздними данными. В 1900-х годах формы землепользования хакасов были очень обстоятельно изучены В. Ю. Григорьевым. Этот исследователь пишет, что в «Абаканском ведомстве» (у качинцев и койбалов), где «роды» (административные) более или менее территориально локализованы, пастбищные угодья используются целыми группами улусов — «родами», тогда как пользование покосами и пашнями приурочено к отдельным улусам или небольшим группам их. В «Сагайском ведомстве» (у сагайцев и бельтир) административные «роды» перемешаны территориально в такой степени, что и они никакого отношения к землепользованию не имеют, и право пользования пахотными и покосными угодьями принадлежит отдельным улусам, а пользование пастбищами — «всем инородцам» Сагайского ведомства.² О настоящих родах — сёёках в связи с землепользованием или какими-либо другими хозяйственными отношениями не говорится ни слова.

В моих собственных исследованиях на Алтае я специально интересовался вопросами экономических отношений внутри рода. И вот, несмотря на все самые тщательные распросы, я не смог найти почти ни одного подтверждения существования теперь или в прошлом на памяти людей каких-либо форм экономических связей между сородичами. Говорю «почти», имея в виду некоторые указания, которые все же удалось получить и о которых речь будет в дальнейшем.

В кочевых и полукочевых скотоводческих аймаках, где, вообще говоря, сохранилось больше от старого уклада жизни алтайцев, не удалось найти ни следа общеродового землепользования, родовых кочевков, совместной пастьбы скота сородичами и т. п., не говоря уже о совместном владении скотом или другим имуществом. Не желая задавать наводящих вопросов, я в этих случаях, говоря о формах кочевания, о пастбищах, покосах и других угодьях, обычно избегал употреблять слово «сёёк» или как-либо напоминать о нем. Мои собеседники-алтайцы в таких случаях тоже не вспоминали о роде. Когда же я прямо задавал вопрос: не было ли общих покосов, пастбищ и прочих угодий у сородичей, то всегда получал категорическое «йок» (нет) в ответ. Пастбища, места кочевков были свободны, и каждый хозяин кочевал, где хотел, — таков общий смысл всех ответов на соответствующие вопросы с моей стороны. О совместном пользовании скотом или другим имуществом тоже никто не помнит. «До нынешнего года, — развил свой отрицательный ответ один теленгит, — вообще каждый жил сам по себе, только теперь появились артели» (имеется в виду коллективизация) (Мандилу Улаг. айм. 1932 г.).

¹ Риттер, III, 519.

² Григорьев, 439—448.

Я не отрицаю возможности того, что местами, даже в тех же районах, где я работал, кое у кого сохранились воспоминания о прежних родовых формах собственности и хозяйства, и что такие воспоминания в дальнейшем исследовании будут обнаружены. Но во всяком случае род как экономическое единство перестал здесь существовать достаточно давно, чтобы из памяти большинства, если не всех, прочно изгладились сами воспоминания об этом.

Это не значит, что все следы экономического единства рода исчезли. Известные, хотя и слабые следы его остались до последнего времени. Я имею в виду, во-первых, обычаи взаимопомощи, сохранявшийся до последних лет, а может быть, местами проявляющийся и теперь. В той же статье Дыренковой приводятся некоторые факты, которым можно более доверять, чем общим голословным ее утверждениям. Так, она приводит факты обязательных подарков жениху со стороны его сородичей — остаток того порядка, при котором калым за невесту собирался и уплачивался всем родом жениха. Помнят алтайцы и о других случаях взаимной помощи между сородичами. «Бывало, как обеднеет кто, едет он с аракой по своим сородичам, и каждый уж непременно даст или нетель или жеребца. Глядишь, через год-два выправится человек; в нужде и он другому сородичу поможет.»¹ Такие же сообщения приходилось слышать от алтайцев и мне. «Члены сёбка должны были помогать друг другу» (Чемал, 1930 г.). «Родовая связь сказывается в обычае гостеприимства и взаимопомощи, которая обычно чаще оказывается своему сородичу, чем другому» (Сообщ. учителя-алтайца К. П. Чевалкова, Куюм, 1930 г.). «Сородичи помогали друг другу, например, если скот падал и т. п. Вообще считались родственниками» (Улета, 1930 г.).

Правда, мы имеем здесь дело в сущности с одним из проявлений того общего типа отношений, который существовал в эпоху господства патриархально-натурального уклада у населения Алтая, и исследованием которого мы займемся в дальнейшем. Хозяйственная взаимопомощь, вместе с целым рядом других форм циркуляции материальных благ в их потребительной форме, являлась непременным элементом этого натурально-хозяйственного уклада, и такая взаимопомощь существовала, как мы увидим дальше, не только между сородичами. Но все же именно от сородича алтаец чаще всего ждал помощи при той или иной случившейся с ним беде, — и это свидетельствует о сохранении родом каких-то остатков хозяйственных связей.

Пережитком последних является и употребление в недавнем прошлом родовых *тамг* для клеймения скота. Если грамотные и крещенные алтайцы сравнительно давно перешли к клеймению скота русскими буквами, своими инициалами, то у значительной части некрещеного населения скотоводческих аймаков употребление родовых тамг («тангма») не совсем вывелось и теперь. Во всяком

¹ Дыренкова (а), 251.

случае мне и в 1932 г. приходилось видеть эти тамги на бедрах лошадей и удалось приобрести (в 1930 и 1932 гг.) несколько железных клейм (находятся в Музее народов СССР в Москве). Удалось также записать целый ряд тамг с их названиями и указаниями на родовую принадлежность.¹

Из прилагаемой таблицы,² конечно, далеко неполной, видно, между прочим, что связь данных тамг с определенными родами хотя и имеется, но в значительной степени ослабла. Во-первых, один и тот же род обладает зачастую несколькими тамгами, и это не только в разных местностях, но иногда и в одной и той же. Так род Майман имеет своей тамгой «чорго», но кроме того и «кулдья», а также и комбинацию обеих «кулдья-юректу-чорго». Алмат имеет в одном месте «гусь» (Кокури, Кош-Агачск. айм.), в другом «кулдья» (Саратац, Улаг. айм.), в третьем «серьгу» (Журата, Онгуд. айм.). С другой стороны, несколько сббков притязают на одинаковые тамги: так клеймо «тооскур» ставится членами родов Тёёлёс, Кёббк, Тодош, Мундус; «гусь» — родами Кергиль и Алмат; «месяц» — Кышчак и Кергиль; «крест» — Кышчак и Кёббк и т. д.³

Такая путаница в присвоении тамг определенным родам находит свое объяснение в том более важном факте, что настоящий хозяйственный смысл в употреблении этих тамг давно исчез. Скот клеймится родовыми тамгами, но этот скот давно уже составляет не родовую, а индивидуальную собственность. Постановка такого клейма, как «месяц» или «баран», все равно не указывает еще на настоящего владельца скота. Это противоречие повело к употреблению добавочных средств обозначения принадлежности скота. Например, как мне говорили в Онгудайском аймаке, каждый хозяин ставил родовую тамгу по-своему: один ставил ее вертикально, другой горизонтально, третий — две одинаковые тамги рядом, 4-й переносил тамгу на правое бедро лошади, вместо левого и т. д. В Улаганском аймаке «те, у кого было много скота, ставили сверх тамги свою отдельную метку: напр., разрезали определенным образом ухо и т. п.»⁴ В таком случае употребление родовой тамги, утратив непосредственный хозяйственный смысл, превращалось на практике лишь в традицию, своего рода ритуал. Смысл этой традиции, взятой

¹ Рисунки 12 тамг имеются в книге Радлова: Radloff (a), I, 279, но, к сожалению, без указания, какая тамга какому роду принадлежит.

² См. таблицу в конце.

³ Что касается хакаских племен, то их тамги в большом количестве зарисованы Катановым: для Бельтирского «рода» (административного) 11 тамг, для Кивинского 10, для Сагайского 25, для Дальнекаргинского 7, Ближнекаргинского 12, Казановского 10, Койбальского 4 (см. Катанов (в), кн. 3, 17—18). К сожалению, Катанов не указывает ни названия, ни принадлежности отдельных тамг. Можно только сделать приблизительный вывод, что, поскольку число тамг больше, чем число сббков, каждый из последних имеет по несколько тамг; кроме того, некоторые тамги повторяются у разных «родов» и, видимо, у разных сббков. Следовательно, положение дел таково же, как у алтайцев.

⁴ В. Радлов, не говоря ничего о родовом значении тамг, замечает только, что «эти знаки собственности употребляются только богатыми людьми, так как бедняки знают своих немногочисленных лошадей и без них». Radloff (a), I, 279.

изолированно, довольно непонятен. Но одно указание, полученное мною случайно от алтайцев (Саратап, 1932 г.), помогает раскрыть этот смысл: как оказывается, «тамги ставились по распоряжению родового начальства», — т. е. зайсанов. В дальнейшем мы увидим, какое значение имело поддержание подобных родовых традиций для того социального слоя, элементом которого являлся зайсанат.

Таким образом, и в употреблении тамг мы видим лишь пережиток, — хотя и довольно «материальный», — прежних экономических связей внутри рода.

Считается установленным, что распадающийся род передает свои функции «большой семье», существование которой, таким образом, указывает на господство в прошлом родового строя. У алтайцев, в особенности в скотоводческих районах, большой семьи не сохранилось. Там господствует малая семья. По данным статистической экспедиции 1897 г.¹ средний размер семьи для всего населения горного Алтая определился в 5,3 чел. (на одно «хозяйство»); для кочевого населения («калмыков») эта цифра даже ниже — 5,2 чел., тогда как обруселые «оседлые инородцы» имели в среднем более высокий состав семьи — 6,2 чел. В чисто животноводческом кочевом районе — Чуйском — средний состав семьи оказался еще ниже — 4,8 человек.

Правда, этим цифрам решающего значения придавать нельзя. Методология буржуазной земской статистики, совершенно пренебрегавшая качественной стороной явлений, стригла под одну гребенку все типы и оттенки социальных отношений. В данном случае эта статистика регистрировала лишь количественный состав малой семьи, живущей в одном аиле, игнорируя возможность существования каких-либо экономических связей между несколькими родственными семьями. Существуют ли такого рода связи, этого вопроса мы сейчас коснемся, приведенные же цифры интересны постольку, поскольку они говорят о характере основной мелкой хозяйственной единицы — малой семьи.

Мне при моих поездках почти не приходилось встречать семьи, включающей хотя бы одного женатого сына. Я могу отметить лишь несколько случаев подобного рода. В 1930 г. в Баратале (на Чуе) мне встретилось кочевье из 3 юрт, где жили: отец с матерью, два женатых сына с женами и детьми, два неженатых сына и одна дочь, глухонемая и слабоумная; живут и кочуют они вместе. В 1932 г. в Мандилу (на Башкаусе) я попал к теленгиту, женатый сын которого летом живет в особом аиле рядом, но отдельным хозяйством, а зимой у них одна общая изба за $\frac{1}{4}$ километра оттуда. Вообще алтайский обычай требует, чтобы с самой женитьбы молодой алтаец жил в своем особом аиле (юрте). Постановка нового аила, украшение его березовыми ветками, торжественное вступление туда молодых — все это составляет непрременную часть свадебного обряда. На ал-

¹ Швецов (г), I, 46.

тайском языке слово «женатый» переводится «аилду», буквально «имеющий свой аил»,¹

Конечно, вопрос о большой семье не сводится целиком к вопросу о форме поселения—в отдельных или в общих жилищах. Отдельные родственные семьи, живущие каждая в своем аиле, могут иметь между собой целый ряд экономических связей, и в таком случае вопрос о наличии большой семьи можно было бы ставить. Но в том-то и дело, что таких связей ни мне, ни другим исследователям не пришлось наблюдать, если не говорить о такого рода взаимопомощи между родственными семьями — от случая к случаю — которая, конечно, имеется и у алтайцев, но которая имеется и в любом обществе, не исключая и капиталистического. Таких же форм *постоянной* хозяйственной связи между хотя бы близкими родственниками, которые говорили бы о наличии специфической социальной единицы — большой семьи, — за единичными исключениями у алтайцев не сохранилось.²

Следы родовых норм в области имущественных отношений можно видеть, наконец, в порядке *наследования*, но и здесь следы эти довольно слабы. Наследование имущества идет, как правило, по мужской линии, и в этом можно было бы усмотреть связь с агнатическим родом, но вся беда в том, что ведь такой же порядок наследования господствует и в капиталистическом обществе. Родовые нормы могут более отчетливо обнаруживаться в тех случаях, когда прямых наследников не оказывается налицо. Но, к сожалению, и здесь обнаруживается упадок родовых связей: при отсутствии прямого наследника имущество идет ближайшим родственникам, причем хотя, повидимому, отдается предпочтение отцовской родне, но могут наследовать и дочери, и имущество может, таким образом, уйти в чужой сбек.³

У хакасов точно так же следы родовых норм наследования очень слабы. Еще Костров отмечал свободу завешания имущества у этих племен. Только в случае отсутствия и завешания и прямых наследников имущество умершего, по словам Кострова, «поступает в собственность рода», но это значит, по его же разъяснению, только то, что имущество делится между братьями, или дядьями, или сестрами и т. п.⁴

В скотоводческих районах изучаемой области этим, пожалуй, и ограничивается все, что мы имеем сейчас в качестве следов или пережитков экономических связей родового характера. На более живые воспоминания о подобных связях мне пришлось натолкнуться неожиданно для меня в «черневом» охотничьем районе Алтая. Здесь мне удалось получить сведения о существовании в сравнительно

¹ Такое же положение дел мы находим и у хакасов, см. Костров (в), 218.

² По словам С. А. Теплоухова, он не раз встречал «большие семьи» у качинцев. По материалам, собранным Л. П. Потаповым, можно говорить о наличии большой семьи у шорцев.

³ Ср. Швецов (б), 14; Гершельман, 139—140.

⁴ Костров (в), 220; (а), 113.

недавнем прошлом родовых охотничьих угодий и родовых промысловых артелей. Сведения, полученные мною здесь, были для меня тем поразительнее, что я уже привык к неизменно отрицательным результатам своих расспросов об этих вещах, и что никаких наводящих вопросов с моей стороны не было: речь шла только об организации охотничьего промысла теперь и в прошлом. Я приведу полученные сообщения в этих местах мною, а затем и моими товарищами по экспедиции.

«Прежде, лет 50 тому назад, на промысел ходили родами; Чагат с Чагат, Тибер с Тибер. Так было и в Артыбаше и в других местах (в Черни. С. Т.). На промысле сказывалась родовая вражда, друг у друга отнимали пушнину. Напр., если 5 Чагатов встретятся в тайге с двумя Мундусами, то отнимали у них пушнину, или наоборот. Роды захватывали для себя угодья, других на них не пускали. Например, на Абакане были угодья Чагатов, они пускали туда только своих» (Запис. в уроч. Яйлю, Лебедск. айм., берег Телецк. озера, 1932 г.).

«В старое время, рассказывают старики, были родовые угодья. На реке Чульче (приток Чулышмана) были угодья Тёёлёсов. У других родов тоже были свои места, но где, — не помнят» (Записано в уроч. Карасу, Улаг. айм., 1932 г.; население недавно переселилось с Чулышмана).

Такие же сообщения, и тоже без всяких наводящих вопросов, получены в уроч. Балыкчи, а также в Челюше и Кырсае (в последних двух местах записано Н. Г. Маркеловой, участницей экспедиции).

Чрезвычайно интересно участие и в этих делах зайсанского управления. Спорные дела разбирались зайсанским судом. Так, в урочище Кырсае помнят еще об одном таком деле, случившемся, по словам алтайцев, лет 15 тому назад. Партия охотников с р. Лебеди, шалганцы, в количестве 10 человек, пришла на р. Били промыслять соболя и белку. Охотники рода Титтас отобрали у них пушнину. Для разбора дела приезжал секретарь зайсана соответствующей «иностранческой волости» (Кузнецкого округа). В результате суда отобранная пушнина была шалганцам возвращена, но им было впредь запрещено промыслять в угодьях рода Титтас (Запис. Н. Г. Маркеловой). Возможно, что об этом же случае, но в несколько иной передаче (а может быть, дело шло и о другом подобном случае) рассказывают в уроч. Челюше (недалеко от Кырсая, берег Телецкого озера): речь идет об охотниках-шалганцах, незаконно промыслявших на угодьях Тёёлёсов и Чагатов. Дело разбирал Чуйский зайсан, и решение были одинаково с вышеприведенным: рассказывающие относят это событие ко времени 18 лет тому назад (Запис. Н. Г. Маркеловой). В этих случаях дело идет, правда, о спорах из-за охотничьих угодий с представителями не только чужого рода, но и чужого племени (шалганцы) и другого округа (Кузнецкого). Но все же указания на родовую принадлежность угодий достаточно ясны. Роль зайсаната, оберегающего тра-

диционный порядок пользования этими угодьями, опять-таки заслуживает особого внимания, к чему мы еще вернемся в дальнейшем.

В достоверности всех этих фактов я не вижу оснований сомневаться. Они были записаны, как уже сказано, в 5 местах от разных лиц, без всяких наводящих вопросов с нашей стороны. Подобные же факты, кстати, передавал мне, тоже для Черневого охотничьего района, этнограф А. И. Новиков, работавший ряд лет в Ойротии.

Подобно этому, и в Горной Шории прежде «охотничьи угодья делились по отдельным улусам и семьям». «Куда ходили деды, отцы, туда — новое поколение, постепенно закрепляя за собою определенные охотничьи угодья. Если в эти места приходил «чужой» то его выгоняли, отбирали добытую пушнину и отправляли в свой улус на суд стариков.»¹ Возможно, что и здесь хозяевами угодий были родовые группы, которые у шорцев более локализованы, чем в Ойротии.

Отметим, таким образом, факт, к объяснению которого мы обратимся позже: в то время, как в скотоводческих горно-степных районах исчезла всякая память о родовых пастбищах и сенокосных угодьях, о совместных кочевках и пастьбе скота сородичами и пр., — в Черневом горно-таежном охотничьем районе воспоминания о родовых охотничьих угодьях, о родовых промысловых артелях, о межродовых стычках на этой почве — еще сравнительно свежи и крепки.

В свете этих фактов получает свое объяснение и один любопытный охотничий обычай, о котором мне рассказывали в Онгудайском аймаке: это обычай «учалап-турым», согласно которому всякий, случившийся в момент выстрела охотника около него и сказавший эти слова, имеет право взять себе часть добычи, а если убит мелкий зверь, то и всю ее. Это, очевидно, пережиток древних коммунистических обычаев, сохранившихся у охотников от эпохи родового строя. Аналогичный обычай «южа» или «уджа» у тоджинских сойотов-охотников описывают Яковлев и Ф. Кон.²

Помимо чисто экономических связей, мы могли бы ожидать найти у изучаемых племен такие обычно встречающиеся проявления родовых отношений, как кровная месть или выкуп за убийство или обиду сородича. Однако никаких следов подобных обычаев здесь не сохранилось. В литературе указания на кровную месть или межродовой выкуп отсутствуют, и мои расспросы на месте по данному вопросу тоже дали отрицательный результат.

Итак, мы должны отметить как общий итог всего, что говорилось выше, следующий факт: с одной стороны, очень хорошо сохранившуюся внешнюю форму рода — родовую номенклатуру, экзогамию и пр., а, с другой стороны почти полное отсутствие в настоящее время всяких реальных связей материального характера внутри рода и исчезновение почти всяких воспоминаний о таких связях

¹ Янушевич, 93.

² Яковлев, 66—67; Грум-Гржимайло, т. III, I, 63—64.

в прошлом. В скотоводческих районах сохранились лишь очень слабые следы их, в виде обычая взаимопомощи сородичей или традиционного употребления тамг. В лесном промысловом районе следы хозяйственных родовых связей, в виде родовых угодий и охотничьих артелей, более сильны.

Налицо совершенно определенное противоречие: необычайная устойчивость родовой формы при полном почти выветривании ее социального содержания. Сущность рода исчезла, осталась пустая шелуха, лишь по видимости напоминающая родовой строй и обманывающая этой видимостью наблюдателя.

В чем разгадка этого противоречия?

5. ФЕОДАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ

Традиционный взгляд на сущность всяких пережитков в общественной жизни — взгляд, идущий от Тэйлора — состоит в том, что пережитки понимаются как общественное явление, утратившее свой социальный смысл и продолжающее существовать как бы по инерции, не имея для себя в настоящем никакой основы.¹ В отличие от этого взгляда марксист не может допустить существования каких бы то ни было общественных явлений, которые бы не были строго закономерно обусловлены. Всегда должны быть налицо достаточные причины не только возникновения и развития явлений, но и их сохранения. Существуют, следовательно, и причины, вызывающие сохранение тех или иных явлений в иной социальной среде, нежели та, которая их породила, — то, что мы называем пережитками. Таким образом, пережитки мы понимаем как социальное явление, утратившее свой *первоначальный* смысл вместе с исчезновением данной общественной среды, но получившее в иной среде *новый* смысл, не соответствующий самому характеру данного явления.

Этому закону не могут не подчиниться и пережитки родového строя. Раз они продолжают существовать вне породившей их среды, явно утратив, как мы это видели, свое настоящее значение, то это с несомненностью указывает на приобретение ими какого-то нового значения, нового социального смысла.

Но в классовом обществе социальный смысл любого общественного явления состоит в том, что оно удовлетворяет потребности и интересы одного из борющихся классов. Не обстоит ли дело именно так и с родовыми пережитками у алтайско-хакасских народов?

Мы сможем ответить на этот вопрос, когда изучим классовую структуру коренного населения этой области, к чему мы теперь и обращаемся.

Самое существование классов среди коренного населения Алтая и Хакасии может показаться нуждающимся в доказательствах. По крайней мере цитировавшийся выше взгляд, будто алтайцы

¹ Э. Тэйлор, Первобытная культура, II, 1872 г., т. I, стр. 140—141.

«живут еще до сих пор родовым бытом», означает не что иное, как отрицание классового расчленения алтайского общества. А взгляд этот имеет известное хождение до сих пор. Но этот вопрос решается сразу, если обратиться хотя бы к показателям имущественного расслоения среди алтайского туземного населения. Перепись 1897 года, организованная Управлением Алтайского горного округа, дает для этого большой материал.

Этой переписью выявлено, например, что 5,1% туземного кочевого населения не имели собственных жилищ,¹ т. е. представляли собой или пауперов или живущих у хозяев наемных рабочих. Далее, при господстве скотоводческого хозяйства мы имеем среди того же кочевого населения 10,6% хозяйств, не имеющих рабочих лошадей, 8,2% не имеющих рогатого скота и 2,6% не имеющих никакого скота.² Таким образом, сравнительно значительный социальный слой лишенных средств производства — налицо. Этому слою противостояла группа крупных скотовладельцев. Хозяйств, владевших каждое более чем 100 головами лошадей, насчитывалось 23, имевших более 100 голов рогатого скота — 31, более 150 овец — 290.³ Но эта обработка цифр переписи, следующая доброй буржуазной земской традиции, еще значительно смазывает полярную противоположность богачей и неимущих, и, кроме того, к концу XIX в. резко обозначился общий экономический упадок скотоводческого национального населения в результате русской колонизации и торговой эксплуатации. В действительности и в несколько более раннее время имущественное неравенство достигало неизмеримо больших пределов.

Так, Ядринцев говорит о богачах, владевших 2 000 лошадей, 1 000 голов рогатого скота,⁴ а Радлов в 60-х годах знал богача, имевшего 6 000 коней; зайсан Магдай имел их тоже несколько тысяч,⁵ и т. д.

Русские миссионеры писали в своих отчетах: «Западный Алтай находится в вековой зависимости немногих богатых родовичей... Если тщеславен и спесив разбогатевший русский торговец, то богатый калмык, особенно родовитый, совсем невозможен в своем обращении с бедными кочевниками. Бедняк буквально ползает перед богачом, чтобы вымолить у него лоскут на одежду и горсть другую хлеба на пропитание семьи... И не найдете вы на Алтае ни одного богатого калмыка (алтайца), живущего совместно с кем-либо. Всегда он один занимает огромную площадь земли, и если около его юрты ютятся еще чьи-либо жилища, то это жилища его пастухов, безответных рабов богатея.»⁶ Такое подчеркивание классового расслоения в алтайском населении мы находим в миссионерских отчетах

¹ Швецов (г), I, 62—63.

² Ibid., 327.

³ Ibid., II, 302—6.

⁴ Ядринцев (а), 250; (г), 105.

⁵ Radloff (а), I, 284.

⁶ Отчет об Алт. дух. миссии 1909 г., 37—38.

чуть не за каждый год, причем миссия, может быть, несколько даже и преувеличивала размеры этого расслоения в своих собственных целях (миссионерам важно было изображать себя защитниками угнетенной алтайской массы от местных баев-язычников). Но попытки основывались на реальных фактах, говоря о богаче Кыйтыке, владевшем 80 табунами коней, об Аргымае с тысячами голов скота, о «Крезе Алтая» Саве Евтиекове, «обладавшем завидным богатством: бесчисленными табунами верблюдов, лошадей и рогатого скота...»¹ и о других подобных «якшиларах» («лучших людях» в буквальном переводе).

Еще в 1930 г., по использованным мною материалам аймачной избирательной комиссии, в Кош-Агачском аймаке жили такие богачи, как Керек-Йох Матыргалов, имевший 2 524 головы скота, Карабай Ташжаков с 1 986 головами скота, Степан Таранов—1 284 головы, Никита Суразов — 1 986 голов и т. д., и это после ряда лет проведения политики ограничения и вытеснения кулачества.

Уже одних этих цифр и фактов достаточно, чтобы и думать за быть о «доклассовом» характере алтайского общества. Перед нами—имущественное неравенство, достигшее такой степени, когда оно переходит в классовую дифференциацию.

С каким же типом классовых отношений мы имеем здесь дело?

Первое, что бросается в глаза при изучении этого вопроса по литературе и непосредственно на месте, это отношения обычного капиталистического типа. Те баи («якшилары»), с которыми велась и ведется борьба передовыми слоями трудящихся масс Ойротии и Хакасии, это прежде всего кулаки, торговцы, скупщики. Целая галерея этих типов может легко быть продемонстрирована.

Вот богач Тюхтень, живший в конце XIX в. в Верх-Майме (Майм. аймак). Имел 500 лошадей, 300 коров, 200 ульев пчел. Торговал скотом, а больше орехом. Скупал орех, по обыкновению всех ростовщиков-скупщиков, кредитую промышленников, беря за долги орех по 30—40 коп. пуд, и продавал его в Бийске по 1 р. 50 коп. пуд. Он имел 6 амбаров для ореха, выстроил себе большой дом, выписал для детей учителя из города.

Его сын Сапыш, умерший в начале революции, не обладал коммерческими «талантами» отца, и хотя тоже торговал орехом и скотом, но отцовское богатство сильно уменьшил: продал дом, лошадей оставил всего 50 (Запис. в Верх-Майме, 1932 г.).

Вот Дючин Дюдин, теленгит из Кокури (верх. Чуи). Он еще в 1930 г. имел 355 голов скота и доход в 1319 руб., имел постоянных батраков-пастухов. Занимался перепродажей в кооперацию шкурок сурка, собирая их от своих земляков теленгитов (Материалы Кош-Агачской избир. ком.).

Вот Степан Таранов, из той же местности, начавший свою жизнь батраком и постепенно, повидимому, участвуя в торговых операциях своего хозяина, добившийся самостоятельности и мало-

¹ Ibid., 13, 39; Отчет об Алт. дух. миссии за 1912 г., 76.

по-малу разбогатевший на торговле. Живя недалеко от монгольской границы, он вел постоянные торговые дела в Монголии, торговал скотом, шерстью, кожей, сурком, привозил из-за границы чай, шелк, трубки и разный мелкий товар. Еще в 1930 г. Степан имел 1 284 головы скота, из них рабочих лошадей 160, верблюдов 28, держал постоянного батрака. Весь доход его за 1930 г. исчислен в 10 104 р. (Те же материалы и опросные данные.)

Таких примеров можно привести и еще немало. Господствующим моментом в них является посредническая деятельность баев, их роль как скупщиков и торговцев. Но торгово-капиталистическими формами не исчерпывается их эксплуататорское положение. Мы имеем налицо несомненные данные и об элементах подлинно капиталистических отношений.

Переходной формой здесь является своеобразный тип эксплуатации, складывавшийся на почве пушного и орешного промысла в черневой полосе. Здесь богачи нередко организовывали промысловые (охотничьи и кедровые) артели, снабжая их орудиями производства: ружьями, вьючными и верховыми лошадьми и т. д. Разумеется, значительную долю добычи они брали себе (сообщено А. И. Новиковым). Эта форма эксплуатации аналогична роли «раздатчика» в кустарной промышленности, промежуточная ступень от скупщика к хозяину мануфактуры.

В скотоводческих же районах местами создавалась подлинная капиталистическая форма хозяйства, подобие капиталистических животноводческих ферм где-нибудь в Аргентине или Австралии, разве что в меньших размерах. Бай-скотовод скупал молодняк у окружающего населения, его наемные пастухи пасли его в течение лета, а осенью подросший скот продавался приезжим купцам. Такие отношения не представляли собой редкости в скотоводческих районах Алтая и Хакассии в конце XIX и начале XX в., вплоть до революции и даже после нее. Здесь все основные элементы настоящего капиталистического производства налицо: покупка сырья, создание прибавочной стоимости внутри «предприятия» путем эксплуатации наемного труда, реализация продукта на рынке.

Повидимому, этот тип отношений перед революцией в скотоводческих районах постепенно укреплялся и становился ведущим. Эти-то кулацкие, капиталистические хозяйства в значительной мере и впитывали в себя ту группу бездомных и бесскотных пролетариев, которая зарегистрирована была переписью 1897 г. Эксплуатация этих *пролетаризированных* элементов свойственна именно капиталистическому строю.

В своих исследованиях по урочищам Ойротии я долгое время и не замечал никакого *другого* типа классовых отношений. Мои поиски сохранившихся элементов *феодалных* отношений довольно долго, казалось, не приводили ни к какому результату. Я склонен был уже прийти к выводу, что на Алтае родовой строй подвергся разложению под влиянием проникновения непосредственно капиталистических отношений.

Такое мнение высказывалось не раз и другими. Мало того: вопрос о существовании на Алтае — и в Хакассии — феодальных пережитков вообще не ставился до последнего времени ни одним из исследователей. Если о родовых пережитках у алтайцев и хакасов писали и пишут (хотя и не в очень ясной форме) очень многие авторы, то самый термин «феодализм» или какой-нибудь близкий к нему едва ли отыщется хотя бы в одной из посвященных этим народам работ.¹ Феодализм на Алтайско-Саянском нагорьи, таким образом, просто отрицался, одними прямо, другими молчаливо.

Но этот взгляд является ошибочным, как это легко можно было бы показать, и с общен исторической точки зрения, а кроме того, он разбивается в пух и прах конкретными фактами. Эти факты показывают, что феодализм на Алтае и в Хакассии не только существовал, но был ведущим общественным укладом в течение очень долгого времени и оставил весьма заметные следы и пережитки, сохранившиеся до самых последних лет.

Но прежде чем обратиться к этим фактам, я хочу показать, какие моменты мешают исследователям (мешали раньше и мне) находить феодальные пережитки у алтайско-саянских народов.

Эти моменты сводятся к отсутствию у этих народов некоторых, считающихся обычно необходимыми элементов феодальных отношений. Так, мы не найдем здесь каких-либо оформленных сословий, аристократии,² дворянства, крепостных. Далее, такого, казалось бы, неотъемлемого признака феодальной системы, как крупное землевладение, мы здесь тоже, повидимому, не найдем. Формы землевладения и землепользования на Алтае были обстоятельно изучены Швецовым,³ который ни слова не говорит о каких-либо следах феодального, да и вообще частновладельческого права на землю и самое большее, и то в редких случаях, находит зачатки наследственного пользования отдельными земельными участками.⁴ Земельное право хакасских племен было изучено Григорьевым⁵ и Козьминым,⁶ которые тоже не нашли у них феодальных норм. Тем более отпадает, как будто, вопрос о феодальных «держаниях», ленном землевладении, а вместе с тем и вообще вопрос о феодальной иерархии для данного района.

Нет ничего удивительного, если вопрос о наличии остатков

¹ Практика и здесь, как это бывает часто, опередила теорию: в практической советской партийной работе в Ойротии и Хакассии термин «полуфеодал» получил уже права гражданства. Впрочем, и в научной разработке вопроса (в марксистской литературе) начался сдвиг: в новой статье Л. П. Потапова (см. «Сов. Этнография» 1932 г., № 5—6), а еще более в его последней книге (Очерки истории Ойротии, Новосибирск, 1933 г.), появившейся уже после составления настоящей работы, вопрос о феодализме в Ойротии не только ставится, но и весьма удачно трактуется.

² Об «аристократических» родах см. ниже стр. 63—64.

³ Швецов (г), I, 136—154 и др.

⁴ Ibid., 143.

⁵ Григорьев, 439—449.

⁶ Козьмин (а), (б).

феодализма или решался в отрицательном смысле, или даже вовсе не ставился исследователями.

И, однако, как уже сказано, такое отрицание наличия феодализма и его пережитков у изучаемых народов ошибочно и с методологической и с фактической точек зрения.

Чтобы в этом убедиться, полезно прежде всего сосредоточить внимание на одном комплексе отношений, где, как мы скоро увидим, лучше всего сохранились до последнего времени элементы феодализма. Я говорю о *зайсанате* и параллельных ему формах так называемого «родового управления». Поймав в поле зрения элементы феодальных отношений в этой области, мы потом без особого труда сможем отыскать их и в других сторонах общественной жизни алтайско-саянских племен.

Что представлял собою зайсанат¹ дореволюционной эпохи? Этот институт пережил в своей истории ряд изменений, все больше и больше стиравших его первоначальные особенности. Законом 1913 г. «родовое управление» — институт зайсанства — вместе с делением алтайцев на «дючины» был упразднен правительством, и взамен этого было введено стереотипное разделение на волости с обычными старшинами, писарями и т. п. Но это упразднение подготовлялось издавна. В 1880 г. было издано распоряжение, заменявшее наследственных зайсанов выборными на 3 года, ограничивавшее их власть и присваивавшее им наименование «родовых старост». ² Это в свою очередь было шагом к ликвидации того порядка, который был узаконен знаменитым «Уставом об управлении инородцев» 22 июля 1822 г. — своего рода основным законом, на котором базировалось управление туземными народами Сибири. ³ Этот «Устав», о котором мы еще будем говорить в дальнейшем, легализовал и регламентировал власть туземных князьков — зайсанов, тайшей, мурз и др., превращая их *de jure*, на своего рода конституционном основании, в фискально-административную агентуру царского правительства среди национального населения Сибири. Но фактически эти князьки — зайсаны и др. — уже выполняли эту самую роль и раньше, с самого момента русского завоевания, точнее, с момента прекращения вооруженного сопротивления этому завоеванию, в XVII—XVIII вв. Туземные князьки, «тайши» как они чаще всего именуются в документах XVII в.), признав-

¹ Для краткости я буду в дальнейшем называть *зайсанатом* эту форму туземной власти, хотя ее представители в Хакассии, напир., назывались «родоначальниками», «башлыками», «эсаулами», а низшие члены этой системы носили на Алтае титулы: демичи, шуленга, кюндэ, бошко, арбанак. Слово «зайсан» — от китайского цзайсян — было употребительно в социальной терминологии монголов чингисхановского времени (ср. Владимирцов (6), 138—139). В Ойротский период (XV—XVIII вв.) зайсагами назывались средние феодалы (см. ниже). В русских источниках слово «зайсан» появляется с XVIII в. До этого, в документах XVII в., местные алтайские и хакаские (киргизские) князьки фигурируют обычно под именем «тайша».

² Швецов (г), I, 236.

³ См. «Устав об управлении инородцев», Полн. собр. зак. Росс. имп., т. 38, стр. 394—417.

шие господство завоевателя и вынужденные платить ясак, сохраняли всю свою прежнюю власть в своем народе, которую царское правительство на первых порах не думало умалять, под неперменным только условием исправного внесения ясака. Последним ограничивались на первых порах обязательства князька перед русскими властями, в остальном он сохранял свое прежнее положение.

Итак, те зайсаны, власть которых окончательно ликвидировала Октябрьская революция, хотя царизм ее исподволь и ограничивал, зайсаны, некоторых из коих я видел живыми еще в 1930 г., суть прямые потомки и преемники власти тех «князцов» или «тайшей» XVII в., которые были носителями местной «государственности» до царских колониальных походов. Их авторитет и полномочия, сохранившиеся у них накануне революции, — прямой, хотя бы и слабый отголосок их власти в ту и в более раннюю эпоху. Какова же была природа этой власти, что представляли собой «тайши»-зайсаны XVII и более ранних веков и что сохранили они от своей прежней власти до наших времен?

В документах эпохи царского завоевания Алтая и Хакассии (XVII в.) перед нами выступают, в лице крупных и мелких «тайшей» и «князцов», типичные феодалы разных рангов, связанные между собою иерархическими вассальными отношениями, предводительствующие крупными военными силами и взимающие дань («ясак») со своих «кыштымов» — подвластных племен. Приведу несколько характерных примеров.

Особенно часты сообщения о феодальных войнах и грабительских походах. В 1676 г. томский воевода Барятинский писал в Тобольск, что в феврале этого года «пришел на Очюрту тайшу (князя «черных калмыков») войною черных же калмыков тайша Кегень и Очюрту де тайшу и с улусными его людьми он Кегень повоевал и разорил совсем, и Очюрга де тайша сам и жена его и сын и внук разбежались врознь, а людей де Очюртиных он Кегень тайша с женами и с детьми всех взял к себе в полон, да иных де черных же калмыцких тайш и с людьми их повоевал и поймал в полон, с женами и с детьми, многих...»¹ — Несколько раньше, в 1649 г., телеутский князец Кока Дбаков сам сообщал воеводе: «...Да на нас же приходил на белых колмаков Каругуна улуса Карагула... в семи тысячах, на отца моего на Обака, и у нас убил у белых калмаков Ендая Багатыря да 10 человек наших же, да мы у них убили у черных колмаков 200 человек, а лутчево человека у них убили Кетеня Кошеучина...»²

С помощью этих своих вооруженных сил ойротские князьки оказывали сопротивление и русскому завоеванию. Так, в 1667 г. верхотурский воевода писал, что «...Кучюк царевич стоит за Тоболем в Еитцких вершинах..., а с ним де калмыцких тайшей

¹ Доп. к АИ, т. VII, 158.

² Спб. прик., 393, лл. 24—25 (ГАФКЭ).

4 человека, а воинских де людей с ними тысяч с 20, а наряжаютца де итти под государевы города и слободы войною». ¹

Крупнейшие из этих феодалов вели между собой войны в большом масштабе. Главными соперниками в XVII в. были Джунгарский (Ойротский) контайша и монгольский—Алтын-хан. Ездивший в 1637 г. послом к контайше сын боярский Филипп Обольянинов сообщал: «Съехали де они контайшины улусы от Тобольска в 10 неделях, а в контайшиных де, государь, улусех заехали контайшину мать да жон ево, а кон-де-тайша и иные тайши пошли в мугалы в войну. А весть де поситца, что они побили мугалских Чоктуя контайши улусных людей 40 000 человек на голову, и самово де мугалсково Чоктуя тайшу убили. А которые де, государь, мугалцы з бою уходили, и те за женами и за детми многие *x контайше отъезжают сами* [известное русскому феодализму право «отъезда» вассалов — французское «*désaveu*». *С. Т.*]. Да и сами де они Филипп с товарищи в контайшиных улусех то видели, что шлет контайша в улусы свои многой мугалской полон беспрестани, а иные мугалцы за женами и за детми своими приезжают сами.» ² — А в 1653 г. служилый человек Степан Колосковой писал Красноярскому воеводе, «что пришел на Яринскую и Тубинскую землю Мугалские земли Алтын царь с сыном своим Ложаном, а с ним де пришло воинских людей 4 000 человек, а после де пришел к нему Алтыну царю на помочь тайша его, а с ним 1 000 человек. А стал де он Алтын царь со всеми воинскими людьми на Ербинском устье от Красноярского острогу в 5 ж днищах. А племянника де своего Мерген тайшу со всеми людьми Алтын царь осадил накрепко в каменном городке ниже Сыды реки, и Киргиских и Тубинских всех лутчих князцов поймал де Алтын царь к себе силно 70 человек...» ³

В последнем случае дело шло, как видим, не только о войне, но и о союзе между отдельными феодалами, точнее, о военной помощи («*auxilium*») вассала своему сюзерену («пришел к нему... на помочь тайша его, а с ним 1 000 чел.») Упоминания о таких союзах и вассальной «*auxilium*» в источниках нередки. Так, после погрома кузнецкими казаками «белых калмыков» улуса князца Табуна, в 1673 г., этот князец «пошел от себя из улуса в черные калмаки к тайше Кегеню Кутухте *прошать людей на помочь*, кем воевать Кузнецкой острог и уезды...»; поездка имела успех: «дал де тайша Кеген Кутухта Табунку *для войны людей* черных калмаков 200 человек, а у Табунка де в улусе в сборе ныне конных и пеших 200 человек...» ⁴ В другом случае, в 1627 г., речь идет о жене тайши Мангыта, что она «стакався с Айдаром тайшою, поставили в прикрыте людей своих человек с 200 и болши, а велела приходить на... государевых людей...». — «Да и иные, — говорится далее, —

¹ Доп. к АИ, т. V, 288.

² Сиб. прик., кн. № 83, л. 737.

³ Доп. АИ, т. III, стр. 380.

⁴ Доп. АИ, т. VI, стр. 315.

колмацкие люди кочуют, опричь Мангытовой тайшина жены и Айдара тайши, многие мелкие тайши с своими улусы...»¹

От своих вассалов сюзерен требовал не только военной помощи в случае нужды, но и повиновения своим приказам. «Да он же Сеньга тайши, — читаем в одном документе 1664—1665 гг. — ... послал ближнего человека своего Табаган Дурала, да с ним улусных своих нарочитых людей 30 человек, в белые калмыки х князю Коке и к Мачику, а приказал он тайши Сеньга к ним з жесточью, чтоб они Кока и Мачик своих воровских людей под Томской город и под Кузнецкой острог не посылали, и ссоры никакой не чинили, и сами б они под государевы города с войною не ходили.»² В отписке Тобольских воевод от 1639 г. говорится, между прочим, о том, как «присылали к Талай тайше колмацкие Елден да Торгучи и иные многие тайши и абашы, чтоб им итти под твои государевы города под Тюмень и под слободы. И Талай де тайша им отказал...»³

Со своей стороны сюзерен считал своей обязанностью (что, впрочем, было и в его интересах) защищать своих вассалов от внешнего врага. «Да и то де... (контайше) ведомо, — говорил русским послам один из ойротских тайшей, Кула, в 1640 г., — что посылают на контайшинных ясачных людей на киргисцов ис твоих государевых городов в войну. И кон-де-тайша терпеть станет ли, пошлет в киргизы для береженья людей тысячи 3 или 4, и велит оберегать, воевать не даст... А барабинских де татар всех велит поимать к себе в улусы» (Зюнгорские дела, 1640—1647 гг., л. 5).

Как известно, феодальное право требовало от вассалов, кроме «auxilium», еще «consilium» своему сюзерену, т. е. участия в его феодальной курии. Крупнейшие вассалы Джунгарского хана несли эту обязанность. «Великих дел контайша без советов зайсанских не делает, — писал капитан Унковский, бывший в Джунгарии в 1722—1723 гг., — а в иные дела и протчих начальных людей и из знатных калмык призывают.»⁴

Но вассалы далеко не всегда фактически повиновались сюзерену, а зачастую выступали против него с оружием в руках. Об одном из таких фактов, напр., сообщал в своем «статейном списке» русский посол Данила Аршинский, бывший у контайши в 1646 г. Незадолго до этого «ходил контайша войной в Казачью орду на Ялгира царевича и многих людей побил, да и брата Ялгирова з женою и з детьми и со многими людьми в полон взял. А как де с того бою контайша поехал назад, и ево контайшу встретил, не доехав до улусов его за 2 дни, Кунделен тайша [один из его вассалов] со многими воинскими людьми, и тут у них был бой, и убил контайша у Кунделеня 250 человек, а тут у них Кунделен убил 20 человек, да за тем боем меж себя помирился»⁵

¹ РИБ, т. 8, XXXIX, стр. 502.

² Сиб. прик., ст. № 646, л. 94.

³ Сиб. прик., ст. № 83, л. 732.

⁴ Унковский (а), 194.

⁵ Зюнгорские дела, 1647 г., л. 27.

Как видим, попытка восстания вассала была на этот раз неудачна, и контайша после этого мог, будучи уверен в покорности побежденного, говорить русскому послу: «И калмыцких Кундалай да Учерту тайшей с калмыцкими людьми.... [он, контайша] от Барабинских и от иных [подвластных русским] волостей отведет прочь на прежние кочевья».¹

Понятие «вассал» в русских документах XVII в. большей частью выражалось словом «тарха» или «тархан». Тот же Талай тайша в том же 1639 г., на вопрос русских послов о захваченных ойротами полоняниках из Тюмени, отвечал, «что ходил человек ево тархан под Тюмень без ево Талай тайшина ведома, и он де за то велел того своего человека *огрabitь*...»² В другом документе, от 1644 г., сообщается, что «пришел по Кузнецкий острог... из-за Ямыша озера тайшин Аблаев *тарха* Чечень Бакши, а с ним 60 человек их улусных людей».³ В том же году Кузнецкий воевода Аф. Зубов посылает к контайше требование, чтобы последний «в... государевых ясашных людей не вступался, и в улусы к себе не принимал, и своим тархам и улусным людям и белым колмаком грабить и побивать... ясашных людей не велел...»⁴ В 1651 г. в Кузнецкий острог «пришел Чекура тайши *тархи* Самарган-Ирги улусной мужик (т. е. подданный вассала)...», и т. д.⁵

Как видим, источники строго отличают от «тарханов» — т. е. вассалов, принадлежащих к тому же классу феодалов, — «улусных людей» или «улусных мужиков» — зависимое от феодалов крестьянство. Но подвластное этим феодалам население состояло не только из их собственных «улусных людей», но и из покоренных племен, которые назывались «кыштымами». С последних, так же как, вероятно, и с своих «улусных мужиков», феодалы собирали дань — «ясак».

«...А кыштымы, государь, те сагайские люди — киргиские», — писал в Москву кузнецкий воевода в 1644 году.⁶ В другой отписке, из Томека (1647 г.), мы читаем показание татарина Бусгарской волости (около Ачинска) Чахрака, что «приезжал де к нему Чахраку Киргиской князец Инбей для ясашного збору. И он де Чахрак давал ему Инбею вместо бобра лисицу красную да кошлока, и он Инбей тое лисицы красной и кошлока в ясак за бобра не взял, а взял де у него Чахрака насильством 3 лошади да саадак с стрелами».⁷

В свою очередь киргизские князьки, считавшиеся вассалами монгольского Алтын-хана, платили ему со своих «улусных людей» ясак. «...Мы де ево Алтыновы люди и ясак платим Алтыну

¹ Ibid., л. 25.

² Сиб. прик., ст. № 83, л. 734.

³ Сиб. прик., кн. № 136, л. 443.

⁴ Ibid., л. 500

⁵ Доп. к АИ, т. 3, стр. 319—20.

⁶ Сиб. прик., кн. № 136, л. 441.

⁷ Сиб. прик., ст. № 252, л. 172.

царю», — говорили киргизские князцы в 1644 г.¹ «Да говорили де киргизы и качинцы: емлют де с нас Алтыновы люди ясаку на Алтына царя по 5 соболей с юрты, да на дву Алтыновых братьей емлют по соболю с юрты, да с нас же де емлют по 100 лошадей на год». ² «... В Кыргызскую землю и в Тубу, — писал тогда же красноярский воевода Ф. Баскаков, — приезжают калмаки и мугалы и емлют с кыргызских людей и с тубинцов ясак неокладной, з 10 скотин емлют 10-ю скотину, сверх мяхкой рухляди, соболей, и лисиц, и бобров, и кошлоков.» ³

Для выколачивания ясака со своих кыштымов алтайско-саянские феодалы располагали достаточными средствами принуждения, прежде всего в виде уже упоминавшихся вооруженных отрядов. В 1646 г. жители Тюлюберской волости жаловались томскому воеводе: «приказывал де к ним в Тюлюбери белых калмаков князец Кока Абаков, велел де им Битюгечку да Бучайку приехать к себе в улус от Тюлюберской волости с ясаком. А толко де... они дней в 7 или в 8 колмаки не приедут, и Кока де хочет *приехать с своими улусными людьми* к ним в Тюлюбери, и ячень у них татар хочет выкать, и их Тюлюберских татар хочет *пограбить и побить...*» ⁴ Подобные карательные экспедиции трудно порой отличить от завоевательно-грабительских походов, особенно когда дело касалось *периферии* той области, на которую распространялось влияние данного феодала. Так, в 1644 г. князьки Итиберской волости (с р. Кондомы) доносили Кузнецкому воеводе, «что де, государь, в твоих государевых ясашных улусах и в волостях по Кондоме и по Мрасе объявились многие воинские люди черных калмаков контайшина улуса и иных многих прибылых дальних улусов, контайшинных людей томчаков, с вогненным боем болше 500 человек, а с лучным боем и с копыи тысячи с 3 и болше. А говорят де калматцкие люди, что оне идут в киргизы. А с ними де, государь, с калматцкими людьми идет киргисково князца Ишеев сын Акан Табун. А еще де, государь, и за теми многие калматцкие воинские люди объявляютца и идут в киргизы трема дорогами...» ⁵ «...А иные, государь, калмацкие люди контайшина улуса по Кондоме и по Мрасе... ясашных людей *грабят*, всякой живот и всякое разное железо...» ⁶

Своим «улусом» и подвластными племенами — «кыштымами» феодал распоряжался, как своей наследственной собственностью. Так, в 1653 г. монгольский Алтын хан посылает всем подвластным ему племенам извещение, «что Алтын царь на свое место сажает сына своего Лоджана, потому что он Алтын царь устарел, и они б де все люди, которые его Алтына царя слушали и ясак давали, потому ж слушали сына его Алтынова Лоджана и *ясак давали по прежнему*

¹ Сиб. прик., кн. № 136, л. 753—754.

² Ibid., л. 754.

³ Ibid., л. 722.

⁴ Сиб. прик., кн. № 252, л. 101.

⁵ Сиб. прик., кн. № 136, л. 474.

⁶ Ibid., л. 475.

нему...»¹ Власть могла передаваться наследникам и на время, по случаю отъезда: в 1664 г., напр., русские послы Вас. Литасов «с товарищи», ездившие в «Калмыцкую землю», — «приехали на реку Темирь-Чеургу в улус к тайше к Чокуру Убаши, а ево тайши Чокура Убаши у себя в улусе нет, преж нашего приезде поехал в Тангутцкую землю, а поехав, приказал он улусы свои и всякие дела ведать детям своим тайшам Баахан Манже да Чегаму...».² Иногда во время отлучки князя заменяла жена. Напр., в 1627 г. взятые русскими в плен калмыки (алтайцы) сообщали тарским казакам, «что они люди Табытая тайши, а Табытай де тайша пришел с бою на Камышлов, а с ним де людей его 4 тысячи... И ему де ведомо учинилось, что жена его всем улусом пошла за Иртиш с Сенгалом да с Кюяном тайши вместе. И он де их послал, а приказал жене своей, где ее доедут, дожидатца себя со всем улусом, а сам де хотел за улусом своим идти вскоре...».³

Не вдаваясь пока в дальнейшие подробности, мы уже из приведенных фактов отчетливо видим картину развитых феодальных отношений в изучаемой нами области в эпоху русского завоевания. Нам еще придется не раз обращаться за справками к материалам этой ранней эпохи, сейчас же постараемся уяснить себе, какие перемены произошли в положении «калмыцких» (алтайских) и «киргизских» (хакасских) феодалов со времени их подчинения российскому царизму, с момента, когда они один за другим, стали «шертовать» царю «в вечное ясачное холопство» и приносить ясак с себя, со своих «улусных людей» и с «кыштымов».

Не наша задача сейчас проследживать шаг за шагом все изменения в положении этих князцов с XVII в. до наших дней. Как уже говорилось, на первых порах царская администрация ничем не затронула власти этих князцов среди их «улусных мужиков», ограничиваясь требованием ясака. В дальнейшем укрепление колониального режима в завоеванных царизмом областях, особенно же начавшийся в XIX в. захват принадлежавших туземному населению земель, заселение этих земель хищническими пришлыми элементами — все это повело к постепенному ограничению власти туземных князцов, ко все большему вмешательству русского начальства в дела коренного населения. Оставляя пока без рассмотрения все перипетии судеб туземной власти в колониальную эпоху, мы сразу перенесемся к новейшим временам.

Я попытаюсь, по собранным мною сведениям, нарисовать картину организации местной власти на Алтае в дореволюционные годы.

Официальное положение алтайского зайсана (Sajzan) до реформы 1913 г. состояло в том, что он был выборным старостой «инородческой» волости или дючины, ответственным перед русскими уездными властями за исправный взнос ясака и земских сборов, за об-

¹ Доп. к АИ, т. 3, стр. 382.

² Сиб. прик., ст. № 646, л. 84.

³ РИБ, т. 8, XXIV, стр. 440.

щий порядок и спокойствие. В его руках находился местный суд, юрисдикция которого простиралась на гражданские и мелкие уголовные дела, решавшиеся им по нормам неписаного обычного права. Избирался зайсан общим сходом мужского населения дючины или волости на 3 года. Жалованье, получаемое им, составляло 60—80 р. в год. Помощниками зайсана по части судебной и сбора податей были демичи, от 3 до 6 на волость (дючину). Низшей же административной агентурой были шуленга, бошко, арбанаки, в Чуйских волостях — кюньдэ, нечто вроде сельских исполнителей. Все эти должности были выборными.

Формально положение зайсана отличалось от положения обычного волостного старшины тем, что, во-первых, сфера ведения его определялась не территориально, а по признаку приписки: каждый алтаец был раз навсегда приписан к определенной дючине или волости и оставался к ней прикрепленным и подсудным соответствующему зайсану, где бы он ни жил. Во-вторых, внутренние судебно-административные дела вершились зайсаном на основе обычного права. В остальном полномочия зайсана не превышали полномочий любого русского волостного старшины. Так обстояло дело формально.

Но уже само допущение, в известных пределах, норм обычного права давало значительный простор осуществления более широкой власти зайсана, и традиции, сохранившиеся от старых времен, придавали *de facto* этой власти характер, далеко идущий за пределы официальных рамок. На практике власть зайсана — в особенности в более глухих, более отдаленных от русских селений местах — была нередко почти безграничной.

Эта широкая власть зайсана, в известных пределах свободная от вмешательства со стороны русской администрации, отмечалась не только старыми авторами, как Бунге,¹ Чихачев,² Радлов,³ но и более поздними, писавшими уже после реформы 1880 г., которая сузила официально рамки зайсанской власти.

Так, Калачев, бывший у чуйских теленгитов в 1896 г., пишет: «Власть зайсанга, прежде почти безграничная, и теперь стоит гораздо выше власти волостного старшины. Зайсанг имеет право без суда наказать любого теленгита, начиная с наложения штрафа, кончая наложением телесного наказания до 25 ударов. Вместе с демичами, т. е. выборными почетными судьями, он решает все гражданские дела без ограничения суммы иска». ⁴ Луценко, работавший среди теленгитов в 1897 г., подтверждает значительную власть зайсана, могущего без суда наказать любого из своих подчиненных, не стесняясь узаконенной нормой 25 розог. ⁵

Воспоминания о «строгих», по местному выражению, зайсанах,

¹ Ledebour, II, 57.

² Tchihatcheff, 65—66.

³ Radloff (a), I, 254—255.

⁴ Калачев (a), 485.

⁵ Луценко (a), 16.

наводивших страх и трепет на население одним своим появлением, эти воспоминания живы и сейчас, и мне в 1932 г. приходилось слышать немало рассказов об этих зайсанах, об их полномочном положении.

По этим рассказам и по сообщениям исследователей, писавших в последние десятилетия, фактическое положение алтайского зайсана рисуется такими чертами.

Ограничение срока его полномочий 3 годами оставалось в большинстве случаев на бумаге. Фактически алтайцы выбирали из раза в раз одних и тех же лиц, а по смерти их, согласно старому обычаю, их сыновей или ближайших родственников.

Так, зайсаны 2-й Чуйской волости, правившие друг за другом в последнее столетие, были почти все из прямых или боковых потомков того зайсана Монгола (имя), встречу свою с которым описывал еще Бунге в 1826 г.,¹ а потом Чихачев в 1842 г.² Сам Монгол заступил место своего отца зайсана Чебека, — дальше в глубину прошлого родословие теряется. Сын Монгола, Мандай, был зайсаном во времена Радлова.³ Радлов, повидимому, ошибается, причисляя Мандая к роду Кыпчак: мне говорил старик-теленгит Унтай, помнивший Мандая в своей молодости, что тот был из рода Ак-Кёбёк. Луценко тоже считал, что 2-я волость — зайсанство Ак-Кёбёков.⁴ Потомки Мандая, тоже Ак-Кёбёки, конечно, были в свою очередь зайсанами. Это были богач Будья, сын Мандая, его брат Отурдьян и Кудай-Берген, сын Отурдьяпа. Будья и Отурдьян зайсанствовали каждый по 10 лет, Кудай-Берген — 5 лет. Однако между этими последними зайсанствами вклинились зайсаны из другой, тоже байской, семьи Юлуковых, рода Саал: братья Семен, правивший около 15 лет, и Николай — последний зайсан (записано в Улаг. и Кош-Агачск. айм., 1932 г.).

В 7-й алтайской дючине, образовавшейся лишь в 40-х годах XIX в., зайсанами были почти исключительно потомки Побока из рода Кара-Майман. Побок был зайсаном до самой смерти, после него зайсанил его старший сын Татарак, а потом другой сын — Кулдыя. Все они правили пожизненно. Следующий же зайсан Чинат в старости сам отказался от зайсанства в связи с конфликтом с Манджей Кульджиным, заступившим его место. Манджа и его брат Аргамай зайсанили недолго и опять уступили место старому зайсанскому роду. Последними зайсанами были Оиска и Мышлак (Запис. в Караколе, в 1930 г.).

В Керегжеской волости некогда был зайсаном Арыжок из рода Чагат (это тот Орошок, свою встречу и разговор с которым в 1861 году записал Радлов).⁵ После него был зайсаном его сын Кабык, потом — брат последнего Эжилин, умерший около 1890 г. После

¹ Ledebour, II, 93—6 и др.

² Tchihatcheff 65—67.

³ Radloff (a), I, 63, 253.

⁴ Луценко (a), 16—17.

⁵ Radloff (a), I, 371—372.

него зайсаном называют сводного брата Арыжока—Максима Ивановича, потом Кармана Эдыекова и, наконец, Атапая Шокшеньча — последнего зайсана. Кроме Атапая, все зайсаны были из рода Чагат (Запис. в Яйлу, в 1932 г.).

Таким образом, своеобразные зайсанские династии, списки которых для своего времени приводил Радлов,¹ могут быть свободно продолжены и для последних десятилетий.²

В своей налогово-административно-судебной деятельности зайсан был фактически гораздо более независим и извлекал из этой деятельности гораздо больше своей личной выгоды, чем это полагалось ему официально. Отвечая перед уездными властями за исправное поступление податей (ясака) и земских сборов в целом, он совершенно бесконтрольно производил сборы и распоряжался собранными деньгами. Сумма ясака и земских взносов устанавливалась для всей дючины или волости в целом. Раскладка этой суммы производилась на общей сходке раз в год, осенью, причем принимались во внимание количество мужчин в семье, достаток и пр. Никаких окладных листов, ни квитанций не существовало. Сбор производился демичами, которые сдавали собранные суммы зайсану. Какое количество из собранных денег прилипало к рукам зайсана, секретаря, демичей и других представителей администрации, — проверки этого не существовало ни сверху, ни снизу. Установить это трудно и сейчас. Алтайцы говорят только в общей форме, что зайсан, конечно, брал себе часть податных денег. Из более точных цифр я могу сослаться только на сообщаемые Калачевым. Волостной писарь в Кош-Агаче говорил Калачеву (в 1896 г.), что с обеих Чуйских волостей ясак определен в размере 57 р. 14 коп., но земские сборы, которые должны составлять 1,5—2 тыс. рублей, фактически взыскиваются в размере 11 000 руб. «Деньги эти идут, — заключает Калачев, — повидимому, зайсану и его помощникам.»³ Если это верно, то в карманы «местной» власти должно было попадать в 5—6 раз больше того, что шло в казну. Калачев, кстати, придает этому моменту большое значение при объяснении общего экономического упадка чуйских теленгитов.⁴

¹ Ibid., 251—253.

² См. табл. 3, 4, 5. Ср. записанные Л. П. Потаповым генеалогии зайсанов Кольянской, Кузенской и Южской волостей и 1-й алт. дючины [Потапов (г), стр. 54—55]. Есть данные говорить и о некоторой тенденции к сословно-аристократической замкнутости зайсаната. Браки, повидимому, заключались чаще внутри своего круга, своего класса. Так Бунге сообщает — случайно и не делая из этого выводов — о богатом демичи Баране, который «через своих двух жен породнился с двумя зайсанами и пользовался поэтому большим почетом» (Ledebour, II, 37—8), 122—123. Факты этого рода вспоминаются и сейчас. Приемный сын зайсана Семена Юлукова был женат на дочери бая Семена Акчина и т. п.

³ Калачев (а), 486—487.

⁴ Податный гнет и коррупция, введенные в систему *казахскими* родовыми властями, очень рельефно описаны у Д. Е. Лаппо. «Подати с инородцев взыскиваются с неумолимой жестокостью». — «При взыскании податей... у плательщиков денег налично не оказывается; и десятник начинает неуплатившего таскать немилосердно за волосы и бить по щекам, а тот, в свою очередь только кланяется и просит подождать

Если такой порядок сбора податей по существу мало чем отличается от чисто феодального, то уже совсем феодальным и по форме и по содержанию является сохранявшийся до последнего времени обычай давать зайсану определенные дары — как периодические, так и в определенных случаях. Подобные обычаи дольше держались в бассейне Чуи и на Улаганском нагорьи, где их лучше и помнят. Возможно, что тут имело место и личное налоготворчество некоторых особо корыстолюбивых зайсанов, но самая возможность для них устанавливать такие поборы свидетельствует о наличии соответствующих правовых — обычно-правовых — норм. Особенно много рассказов ходит о «строгом» и корыстолюбивом зайсане Семене Юлукове 2-й Чуйской волости, жившем в Балыктуюле в 90-х и 900-х годах. Этот Семен заставлял, например, приносить ему от каждого «сомона» — участка, подведомственного демичи — в год по лисице. Ему же каждое хозяйство должно было ежегодно давать определенную часть заготовленного сена (повидимому, это относится к населению, кочевавшему поблизости). Кажется, что такое натуральное обложение устанавливали и другие зайсаны, избавлявшие таким образом себя от необходимости заготавливать сено в своем хозяйстве (Запис. в Кош.-Агачск. айм., 1932 г.).

Чисто феодальный характер носил также обычай давать зайсану при женитьбе 4-годовалую корову — «куунап». Этого обычая, повидимому, не было в алтайских дючинах (хотя и там подарки зайсану при женитьбе делались), но его хорошо помнят у теленгитов. Этот свадебный дар так и назывался «тойдын куунаны» — свадебная корова. По некоторым сведениям, однако, зайсану давали корову не во всех случаях, а лишь тогда, когда опасались, что зайсан будет чинить препятствия свадьбе (Запис. в Кош.-Агачск. айм., 1932 г.). Этот «тойдын куунаны» есть не что иное как «maritagium» феодальной Европы.

Были, повидимому, и другие случаи, когда зайсан требовал подарков. По словам теленгитов, зайсан заставлял вообще приносить ему подарки, а уклоняющихся от этого бил плеткой.¹ Зайсану, таким образом, возили бесплатно дрова, сено и пр. (записано в Кош.-Агачск. айм., 1932 г.).

Упомянутый Семен практиковал и такой способ: если в его табуны попадали лошади его поданных, он приказывал клеймить их своим тавром «Ю. С.», и прежний хозяин лошади лишался ее (Запис. в Оруктое Улаг. айм. М. С. Макаровой, членом экспедиции, 1932 г.).

Нечего и говорить, что при разъездах зайсана население должно

день, два...» Деньги затем добываются у богачей на кабальных условиях [Лаппо (а), 52—53]. Родовой староста столь же неукоснительно взыскивает следующие деньги со сборщиков, десятников, старшин. Но в Инородческую управу сообщаются преуменьшенные данные о числе плательщиков, «а остатки, полученные от утаенных душбойцов..., идут в карман старосте». Ibid., 53—54; ср. Островских (а), 333.

¹ Про зайсана Николая Юлукова рассказывают, что он «шибко ругался» и пускал в ход плеть, если не скоро подводу к нему пригонишь, построишь ему аил, если барана не привезешь (Запис. в Кош.-Агачск. айм., в 1932 г.).

было встречать его с почетом, щедро угощать, колоть скотину, варить араку и опять-таки делать подарки.

Эти и разнообразные другие поборы суть разные формы типичного феодального оброка — ренты продуктами (частично денежной). А вот и отработочная рента — барщина.

По узаконенному обычаю, зайсану полагалось от дючины 1—2 бесплатных работника — так называемых «ярчи». Этот «древний обычай», отмечаемый между прочим Швецовым,¹ получил в последнее время ту благовидную мотивировку, что «зайсан, занятый общественными делами, не имеет времени для ведения своего хозяйства».² Мы уже видели отчасти, в какой мере эти «общественные занятия» зайсана наносили урон его личному хозяйству. В обычае же этом мы узнаем типичную феодально-крепостническую барщину. По некоторым сообщениям, этот ярчи выделялся поочередно от каждой части волости, управляемой отдельными демичи, на 3 месяца, после чего его сменял ярчи от другого демичи и т. д. Этот работник «седлал коня зайсану, дрова носил, скот пас и пр. Оплачивало его общество через демичи, а зайсан ничего не давал» (Усть-Улаган, 1932 г.).

Если таковы были, так сказать, легальные рамки барщины, то действительность далеко перешагивала их. Зайсан заставлял очень часто косить для него сено, помогать при перекочевках, возить дрова и т. д. Тот же Семен Юлуков поступал, например, так. Перед сенокосом приказывал, чтобы все привезли ему по одному тажууру (кожаный сосуд, вместимостью около литра и больше) араки. Так собирал он 5-6 бочонков вина, а потом приглашал население к себе на покос и работников угощал этой аракой. Если кто не придет, «он заметит и подкочается и наказание даст». «А если с добром прийти, сказать: не могу, болен, он зимнюю работу заставляет делать взамен: дрова возить, сено, лес для ремонта маральника, или перевозить товары» (Записано М. С. Макаровой, Оруктой, 1932 г.). От английских средневековых «прекарий» это отличается разве лишь тем, что запасы для угощения прекарников доставляли заранее они же.³

Как видно из сообщенного, зайсан черпал меры понуждения непокорных барщинников и оброчников в своей судебной власти. Зайсан мог всегда «завинить», — говорят алтайцы, объясняя, почему приходилось исполнять все приказания зайсана. Бесконтрольный суд, можно прямо сказать — *вотчинный суд*, — вот реальное орудие власти в руках зайсана.

С другой стороны, зайсан и более прямым способом обращал свои судебные права в свою личную пользу. Судебные штрафы были,

¹ Швецов (г), I, 238.

² Ibid.

³ В упомянутой выше недавно вышедшей работе Л. П. Потапова перечисляется ряд изученных этим исследователем форм феодальной барщины, практиковавшихся алтайскими зайсанами: таковы «полыш» — раздача скота на выпас, «тен-юлеш» — исполная аренда или промысловая покрута, «айбы-кюн» — «помочи» [Потапов (г), 37—42 и др.]. Эти формы совпадают с описанными мною выше.

повидимому, немаловажной статьёй в доходном бюджете зайсана. Один теленгит, ныне секретарь сельсовета, рассказывал мне бывший с ним самим случай. Его и другого теленгита зайсан обвинил в краже коровы. Обоих подозреваемых арестовали и без дальних околичностей потребовали с каждого по 10 руб. за освобождение; один из них, учитывая соотношение сил, заплатил сразу и был выпущен (сам рассказчик), другой упрямылся некоторое время, но кончил тем же (Сообщ. Кузьма Колов, Теленгит-Сортогой, 1932 г.). О подкупах зайсана с целью выиграть дело рассказывают тоже немало. Практиковалась и еще более характерная форма: отработка осужденного зайсанским судом в пользу зайсана. «Кто украдет, зайсан заставлял столько-то месяцев пасти свой скот», — рассказывает другой теленгит (Ялбачев, председ. Кош-Агачского с/с, 1932 г., записано также в Кокури, 1932 г.). И эта сверхфеодалная, если можно так выразиться, форма юстиции вовсе не приписывается личному творчеству такого изобретателя повинностей и поборов, как Семен Юлукон, а относится, повидимому, к зайсанскому суду «en général». Дело вообще совершенно не в тех «злоупотреблениях», которые допускал тот или другой зайсан, и объяснять все подобные приведенным факты личными качествами отдельных зайсанов — никак нельзя. Дело в той обстановке, которая сложилась для применения зайсаном целой системы поборов и повинностей, дело в обычном праве, дававшем для этого определенные возможности, и в реальном аппарате власти для их проведения в жизнь. Ясно, что и обычное право носило феодальный — по крайней мере в этой части — характер, и таков же был характер реальной власти, предоставленной зайсану.¹

Нет надобности после всего сказанного особо разъяснять, что зайсаны принадлежали, как общее правило, к богачам.² С одной стороны, в зайсаны избирали, если и не всегда по праву наследства, то во всяком случае из «почетнейших», наиболее уважаемых, иначе говоря, из наиболее зажиточных элементов. С другой же стороны, ясно, что самое положение зайсана давало ему в руки все возможности увеличить свое богатство. Поэтому и понавший тем или иным образом в зайсаны середняк мог стать баем. Характерен пример одного такого зайсана — Кармана из Кержежской черневой волости. Карман был небогат, но, будучи избран зайсаном, скоро разбогател. Разбогатев, он завел торговлю пушниной, открыл лавки, а впослед-

¹ О зайсанском суде ср. Потапов (г) 71—73 и др. Быть может, наряду с этим зайсанским феодальным судом местами сохранялись следы и более древних форм настоящего родового суда. Возможно, что именно так надо понимать сообщение Калачева о Чуйских теленгитах: «Кроме суда зайсанга существует интересная форма третейского суда, членами которого выбираются 6 лиц, по 3 от каждой стороны, под председательством зайсана. Решение этого суда безапелляционно». [Калачев (а), 485]. «Кроме этих, полуофициальных форм суда у теленгитов существует *аильный суд стари ков*, который разбирает все мелкие споры и ссоры; решению их теленгеты подчиняются *добровольно*» (ibid., 486).

² «Сами зайсаны были первые богачи, как помещики» (Кош-Агач, 1932 г.) «Все зайсаны были богатые; скот считали табунами» (Аччлман, 1932 г.).

ствии, найдя, что зайсанство мешает этому более выгодному занятию, отнимая слишком много времени, отказался от должности, отдавшись целиком коммерции. Это было, по рассказам алтайцев, около 1909 г. (Запис. в Яйлю 1932 г).¹

О таком же почти случае сообщает П. М. Юхнев: зайсан Комляжской волости Михаил Тобоков, бывший бедняк, став зайсаном, быстро разбогател и стал одним из крупнейших торговцев орехом.

То же имело место и у хакасов. Адрианов упоминает о встреченном им в 1883 г. в районе Ташгыпа богаче, «бывшем родоначальнике Марке Егорове». «Будучи родоначальником, Марк, конечно, наживался, как вообще родоначальники наживаются».²

Для характеристики экономического положения зайсанов достаточно привести только несколько примеров.

У Семена Юлукова было лошадей около 400, дойных коров 60, овец сотни четыре, около 80 маралов. Скот он постоянно покупал и перепродавал. В сфере спекуляции он, кстати сказать, тоже пускал в ход свои зайсанские прерогативы. Он покупал весной «торбоков» (годовалых телят) за $\frac{1}{8}$ кирпичка чая, летом его пастухи пасли их, а осенью он отдавал их старым хозяевам на бесплатный прокорм до весны; отказаться нельзя было: «завинит». Он построил себе избу на Балыктуюле и жил там, не кочуя. Теленгиты и сейчас вспоминают это обстоятельство: из всего населения не кочевали только такие баи, как Семен Юлуков и Василий Тадышев (тоже зайсан). Им незачем было кочевать, так как за них скот перегоняли их пастухи. Луценко, бывший в этих местах как раз в зайсанство Семена, отмечает, что единственные два дома, имеющиеся на территории теперешнего Улаганского аймака, принадлежат зайсану и одному демичи (остальное население живет в аилах).³ Как раз во время пребывания там Луценко Семен приказал всему населению волости собраться около его дома для встречи помощника начальника Алтайской миссии.⁴ Кстати сказать, Семен и сейчас вспоминается теленгитами, как один из ревностнейших распространителей православия. Его отец, богач Юлук, был в числе первых крестившихся, сам Семен помогал в строении церквей, дружил с попами, заодно и здесь проявляя свои спекулянтские наклонности: привозимые миссионерами образки и крестики он скупал оптом, а потом продавал своим согражданам с надбавкой (Сообщ. М. И. Ялбачев, пост. предст. Ойротии в Москве, 1932 г.). Семен держал пастухов, работников, которым денег не платил, а только кормил и давал одежду.

Василий Тадышев, зайсан 1-й волости, жил вместе с 3 женатыми

¹ Этот Карман в 1917 г. принимал видное участие в деятельности национал-демократической контрреволюционной «Алтайской горной думы», См. Протоколы заседаний съезда представит. инородч. волостей Алтая, стр. 4, 7—8.

² «Служба демича и зайсана (у кумандинцев) так хлопотлива, — говорит Шерр, — а вознаграждение так ничтожно, что с этой стороны не представляет ничего привлекательного. Привлекают кого — обаяние власти, кого — надежда пожить на кочевьях до дохода» (Шерр, 110).

³ Луценко (а), 26.

⁴ Ibid., 29.

сыновьями, имел большое хозяйство. Лошадей у него было 300, коров 150, овец до 1000. Имел маральник. Подобно Семену, он не кочевал, скот его перегонялся наемными работниками.

Моисей Тадышев, тоже зайсан, жил большим хозяйством в верховьях Улагана, имел там зимник и летник. Имел сотню лошадей, 40 коров, 400 овец. Наемных рабочих держал немного (Запис. М. С. Макаровой, Оруктой 1932 г.).

Богачом был и зайсан Отурдьяп. У него было около 400 коней, 200 голов рогатого скота, 700—800 мелкого скота, 10 верблюдов. Подобно другим, и он держал батраков, которым денег не платил, а только кормил и одевал.

К числу зажиточных принадлежали и помощники зайсана, демичи,¹ а отчасти и бошко, кюндэ и шуленги.² Та или иная часть зайсанских доходов, очевидно, перепадала и им.³

Нет ничего удивительного, что, принадлежа сам к байству, зайсанат, вообще говоря, в классовой борьбе стоял на стороне баев. «Зайсаны держали руку баев», — говорят алтайцы. «Зайсан держал сторону богатых, им и покровительствовал. А из бедняков покровительствовал тем, кто его поддерживал» (Казакск. сельсовет Кош-Агачск. айм., 1932 г.). Как своеобразное исключение, вспоминают зайсана 1-й Чуйской волости Павла Кызмаева, который и сам был небогат и стоял за бедноту. На этой почве у него были постоянные стычки с Семеном Юлуковым, современником которого он был. «Оба зайсана тягались. Павел упрекал Семена за жестокость, насилия над народом». Но этот зайсан-демократ продержался недолго, 3—4 года, и был русским начальством смещен «за то, что держал народ слабо». Умер Павел около 1915 г., а сын его жив и сейчас, прав не лишен, и твердое задание с него сняли (Усть-Улаган 1932 г.).

Мы должны теперь попытаться на основе приведенных фактов дать более четкую классовую характеристику зайсанату (эпохи конца прошлого и начала нынешнего века) в целом, а за одно и той социальной группе, частью которой он являлся. Такой характеристикой не является, конечно, квалификация зайсанов, как баев (богачей), поскольку не только имущественное положение определяет собою классовую принадлежность.

Однако мы уже отчасти подошли к решению этого вопроса. Мы видели, что зайсаны — не просто богачи, а являются обладателями больших табунов и стад скота — основного средства производства в скотоводческом хозяйстве. Обладание основной массой средств производства — признак господствующего класса. Но какой класс противостоял ему в качестве эксплуатируемого, и каков здесь был тип эксплуатации?

Выше говорилось о наличии известного пролетарского слоя и об элементах капиталистического хозяйства на Алтае. Нет сомнения, что зайсаны пользовались в известной мере чисто наемным

¹ «Демичи были тоже богатые, плохие не бывают» (Зап. в Кош-Агаче, 1932 г.)

² «Бошко, кюндю — все богатые, бедняков не выбирается» (Там же).

³ «Бошко, кюндю брали взятки, избавить от наказания» (Там же).

трудом, кулацко-капиталистический тип эксплуатации им не был чужд; об этом будет речь впереди. Но все, что до сих пор сообщалось о зайсанате, говорит о другом. Для зайсаната характерна эксплуатация не пролетаризированного населения, а преобладающего количественно слоя самостоятельных производителей, середняков и бедняков. Основной же способ эксплуатации, присущий именно зайсанату, это прием внеэкономического давления в виде наличия в руках зайсанов политической власти. Таким образом мы имеем перед собой не что иное, как феодально-крепостнические отношения *rig sang*. Мы уже отмечали ведь и феодальную природу и даже феодальную форму власти, суда, оброка, повинностей.

Итак, зайсанат представляет собой ни больше ни меньше, как живой обломок феодализма, доживший благополучно почти до наших дней. Но, утверждая его, мы должны сейчас же ответить на возражения, которые неизбежно возникнут. Если мы находим здесь феодализм, то где же, — скажут нам, — феодальное землевладение, где сословный строй, где вассальная иерархия, — эти характерные элементы феодализма?

В этих вопросах-возражениях необходимо разобраться. Что касается сословий и вассальной зависимости, то о них речь будет идти ниже, вопрос же о феодальной земельной собственности надо рассмотреть сейчас же.

Прежде всего попытаемся разобраться теоретически в вопросе о значении земельной собственности в феодальном обществе. Почему сосредоточение *земли* в руках крупных собственников должно считаться не переменным признаком феодализма? Сама по себе земля не является социальной категорией. Ее делает таковой ее определенная роль в производстве — и прежде всего в *земледельческом* производстве. Понятно, что при господстве земледельческого хозяйства в странах классического феодализма (так что это господство земледелия некоторые склонны чуть ли не зачислять в неотъемлемые признаки феодальной формации) земля является не чем иным, как основным из средств производства. Обладание этим основным средством производства, концентрация его в определенных руках и является конститутивным признаком господствующего класса феодалов.

Не то в *скотоводческом* хозяйстве. Здесь земля, разумеется, тоже является не переменным условием производства, поскольку скот ходит по земле и ест растущую на ней траву. Но при экстенсивном скотоводстве, при редком населении и избытке земли, обладание собственным участком земли не является таким важным с производственной точки зрения моментом, который обусловил бы классовую борьбу на *этой* почве. Поэтому и эксплуатация в феодальном обществе, живущем главным образом скотоводством, может основываться на концентрации в руках господствующего класса не земли, а *скота* как главного средства производства, что мы и видим в изучаемой стране.

Однако роль присвоения земли этим нисколько не отрицается. Оно выступает там и постольку, где и поскольку создаются условия для классовой борьбы за определенные участки земли. Так, например, если, при достаточной земельной обеспеченности вообще, *удобных* или *хороших* пастбищ и сенокосов не хватает, — тем самым возникают условия борьбы за эти пастбища и сенокосы и монополизации их в руках господствующего класса.

Как раз это самое мы находим на Алтае. Юридически частной земельной собственности — все равно ленного или аллодиального типа — на Алтае не было. Официально, для царского правительства, все земли Алтайского горного округа составляли собственность «Кабинета его величества», и из них выделялись земли для пользования «инородческих» земельных обществ — управ, волостей и дючин. В пределах этих «инородческих» земельных дач существовало *de jure* общинное землепользование. С другой стороны, обычное право алтайцев, судя по ряду сообщений самих алтайцев, тоже не признавало частной земельной собственности. Вся земля считалась общей, и на земле, фактически незанятой, имели право свободно кочевать, пастись скот, косить траву, пахать, охотиться все алтайцы. Это и отмечалось, как мы видели, Швецовым и другими исследователями, а для Хакассии — Костровым, Григорьевым и др.

Но, то же обычное право отражало, как оказывается, и другой тип отношений. Зайсан распоряжался всей землей, где жило население, ему подчиненное. Право зайсана решать все спорные вопросы о пользовании угодьями никем не отрицалось. В другой связи нами уже приводились примеры перенесения спорных дел об охотничьих угодьях на зайсанский суд. Если фактически зайсаны обычно не вмешивались в порядок кочевков и пользования угодьями, то в случаях, когда они считали это нужным, они могли это делать. Известны факты, когда из этого своего рода феодального права *Grundherrschaft* зайсан извлекал материальную выгоду. Так, Коп-Агачские казаки, поселившиеся там в последние десятилетия прошлого века, и сейчас вспоминают, как теленгитские зайсаны — особенно Семен Юлуков — вымогали с них взятки за оставление их на вновь занятых землях, угрожая в противном случае выслать их на прежнюю родину — в Каттон-Карагай. Семен каждый год угрожал кому-нибудь из казаков высылкой, вызывал в Каш-Агач и брал взятку (Юкури и Казакск. сельсовет 1932 г.).

В отношениях с русскими поселенцами это использование зайсанами своих прав на распоряжение землею сделалось обычным правилом. Поселенцы арендовали землю формально у «инородческих обществ», фактически же получали ее за взятку зайсану и почетным родовичам. По данным обследования 1908 г., 61,8% всей арендованной крестьянами земли было получено ими в аренду от «инородческих обществ», т. е. фактически от зайсанов.¹

Будучи, таким образом, даже на основании обычного права

¹ Потапов (г), 63.

Grundherr на своей территории — зайсан, естественно, мог лучшие земли присваивать себе. Действительно, факты показывают, что, при сохранении по видимости общинного землепользования, фактически лучшие пастбища, лучшие сенокосные участки были захвачены баями и в частности зайсанами.

Так, на Башкаусе (Улаганский аймак), где хороших сенокосных площадей сравнительно мало, там лучшие угодья были захвачены зайсанами. Наиболее плодородная и густо населенная долина Балыктуюла (приток р. Улагана) была антропоприорована зайсаном Семеном. «Вся Балыктуюльская долина принадлежала Семену. До того как стать зайсаном у него было только несколько засек,¹ а став зайсаном, он захватил всю землю. Когда его сместили, земля осталась за ним» (Сообщ. Вас. Акчин, Улаган, 1932 г.). «На свои земельные участки он не пускал никого. Река Балыктуюл с притоками так и звалось «земля зайсана» (Запис. М. С. Макаровой, Оруктой, 1932 г.). «Брат и преемник Семена Николай столько земли не захватывал. Он взял часть той же земли, что была у Семена» (Вас., Акчин, Улаган, 1932 г.).

Василию Тадышеву, другому зайсану, принадлежали покосные угодья по реке Турале, где стояли его засеки.²

Более яркие факты этого рода имели место в те времена, когда могущество зайсанов было больше. Бунге, ездивший по Алтаю в 1826 году, зафиксировал любопытный факт: проезжая по долине Чуи мимо Чибита и Сардыма, он нашел здесь небольшие поля, засеянные ячменем, которых не встречалось выше по долине Чуи. (Кстати, и теперь Чибитский сельсовет — единственный в Кош-Агачском аймаке, имеющий заметные посевы; выше хлеб не вызревает.) Оказалось, что эти поля «принадлежат зайсану Монголу (жившему около Кош-Агача, за 100 км), который заставлял живущих здесь калмыков их обрабатывать, на расстоянии более 100 верст от своей юрты, в стране, куда он никогда и не ездит».³ Здесь, таким образом, единственные во всем бассейне верхней Чуи земледельческие угодья были монополизированы зайсаном.

Итак, в тех случаях, где это диктовалось естественными условиями, там частное землевладение, точнее — концентрация земли в руках господствующей общественной верхушки — *de facto* имело место. Дело сводилось в этих случаях к захвату феодалами лучших угодий на общинной земле, на «альменде». Как же отражалось такое положение вещей в области правовой?

Правовые нормы общинного землепользования сами по себе здесь не отменялись. Ведь и общинное земельное право допускает фактическое освоение отдельных участков земли отдельными хозяевами. В свободном пользовании находится, согласно обычному

¹ Засеками называют огороженные сенокосные участки.

² Эти сенокосы принадлежат теперь колхозу Чебелю. На одном из них был при мне, в августе 1932 г., организован комсомольский воскресник по сенокоске, причем я лично убедился в хорошем качестве травы, в этих местах вообще очень скудной.

³ Ledebour, II, 103.

праву, лишь фактически незанятая и неиспользованная земля. Таким образом, захват зайсанами земли мог происходить в рамках обычного права, не упраздняя его. Но это обычное право принимало тем самым противоречивый характер. Сохраняя по видимости нормы общинного первобытнокоммунистического землепользования, оно в то же время санкционировало захватное право феодалов-зайсанов.

Если это противоречие не было разрешено в пользу бесповоротной легализации феодальной земельной собственности, то это свидетельствует о второстепенном все же, вернее, повсеместном значении вопроса о пользовании пастбищными и сенокосными угодьями. Ввиду избытка свободной земли в большинстве районов Алтая, этот вопрос не приобрел там острого характера. Поэтому и монополизации зайсанами земли на большей части территории Алтая, по видимому, не было.

Сформулируем выводы, к которым мы до сих пор пришли. На Алтае до 1917 года сохранялись элементы феодальных отношений, сосредоточивавшиеся вокруг зайсана. Эти феодальные элементы существовали бок-о-бок с капиталистическими. Зайсаны, крупные скотовладельцы, осуществляли феодальную эксплуатацию населения при помощи тех средств, какие давало им их узаконенное царским законодательством политическое положение. Опорой власти зайсана, орудием его феодального господства служила своеобразная административная система, введенная царизмом на национальных окраинах.

Но этот вывод, вскрывая одно из условий сохранения пережитков феодальных отношений на Алтае, еще ничего не говорит ни о генезисе этих феодальных отношений, ни об их социологической закономерности, ни о своеобразной диалектике их развития и переплетения с другими исторически сложившимися укладами. Царская власть не создала феодализма у алтайцев, она лишь содействовала его консервации.

Нам необходимо теперь перейти к вопросу о генезисе и историческом развитии феодальных отношений на Алтае, чтобы поставить потом в более общей форме вопрос об их закономерности.

6. РОД И ФЕОДАЛИЗМ

Проблема происхождения феодальных отношений у кочевых скотоводческих народов Центральной Азии, в частности Алтая и Хакассии, разумеется, очень сложна. Пытаясь дать ее решение, хотя бы в схематичной форме, мы начнем с выяснения наиболее простой ее стороны. Если носителями феодальной власти являлись зайсаны (башлыки и т. п.), то каково происхождение этих последних? Откуда пошли алтайские зайсаны?

Для ответа на этот сравнительно несложный вопрос материал имеется достаточный, и большинство исследователей, и старых и новых, не затруднялось на него ответить. Зайсан — это родовой старшина. Точнее говоря, из родового старейшинства родилась

власть зайсана, и следы этого рождения, следы связи с родом она сохранила до сих пор.

Еще Горохов — земский исправник Бийского уезда — писал около 1840 г.: «Каждая дючина, или волость, составляет особый род, управляемый зайсаном, которому подчиняется один или два демича...» «...Право начальства между калмыками — наследственное, исключая десятников. Не разбирая личных способностей, сын назначается после отца, а за неимением его вступает в право старший в роде».¹ Это сообщение нельзя понимать буквально, так как в середине XIX в. дючина — единица, управляемая зайсаном — не могла состоять из одного рода, а включала по нескольку родов. Однако элементы родового старейшинства в зайсанате Горохов видел совершенно правильно.

Из поздних авторов родовое происхождение зайсаната отмечает Швецов. «Ранее дючина представляла из себя родовую единицу, находившуюся под неограниченной властью зайсана».²

Родовой характер зайсанств до 1917 года переживал в их названиях. Семь черневых волостей носили родовые имена: Южская волость (род Юсь), Комдошская или Комляшская (род Комдош), Кузенская (Кузен), Кержешская, Тогульская (Тогус), Верхне- и Нижне-Кумандинская (род Куманды). Алтайские дючины, правда, в последнее время назывались просто по номерам: 1-я, 2-я и т. д., но еще около 1840 г. Горохов писал, что алтайцы делятся на «6 дючин или волостей, называемых по именам родоначальников».³

Алтайцы до сих пор сохраняют предания о времени, когда зайсан был родовым старейшиной. «В старину, — говорил мне старик-теленгит Василий Акчин, — до прихода русских, в каждом роде был свой зайсан. Каждый зайсан знал только свой сббк, других сббков он не касался» (Усть-Улаган, 1932 г.). Я должен оговориться однако, что в такой отчетливой и вместе общей форме я слышал это сообщение только в одном этом месте. Но о том или ином древнем зайсане, бывшем «у такого-то рода», приходилось слышать не раз. «У Коббков был когда-то зайсан Бүдүгеш, потом был Ярнак, стояли они на Телецком озере... Эти зайсаны были только для Ак-Коббков и Кара-Коббков» (Чаган-Узун, 1392 г.). «У Тейлсов и Алматов был зайсан Чичкан...» (Там же).

Только что названные имена относятся вовсе не к отдаленным именам. Чичкан жил во времена Радлова.⁴ Имена Бүдүгеша и Ярнака мне в письменных источниках пока не встречались, но, судя по преданиям, и они жили не раньше XVIII в. Впрочем, у нас есть и более прямые указания на непосредственную связь зайсанов с родом.

В последний период Ойротско-Джунгарского царства — 1-я

¹ Горохов, 204.

² Швецов (г), I, 235.

³ Горохов, 203—204.

⁴ Radloff (a), I, 253.

половина XVIII в. — ойроты делились на «отоки», «анги» и «цзисаи». «Цзисаи» представляли собой небольшие церковные (ламайские) уделы (их было 9), «анги» (которых было 21) — ненаследственные, не имевшие имен уделы (нечто вроде бенефициев?) ближайшей родни контайши, а «отоки» — были основными подразделениями самого ойротского союза. Их считалось всего 24, и численность их составляла 98 500 кибиток, — т. е. по 4 тысячи кибиток (ок. 12 тыс. душ) в среднем в каждом отоке. Эти отоки были, повидимому, не чем иным, как племенами.¹ В числе названий их мы находим такие, которые известны нам как племенные названия: Орат, Киргиз, Тэлэнгут, Мингат и пр. Отоки в свою очередь делились на «роды» или «поколения», каждым из которых управлял «цзайсан». В 24 отоках считалось всего 54 рода и столько же цзайсанов.² Численность этих «родов», возглавлявшихся цзайсанами, составляла, таким образом, в среднем 1 800 кибиток или 5 500 душ, т. е. почти вдвое больше численности самого крупного из современных сёбков (см. выше, стр. 18). Такие крупные единицы, по всей вероятности, дробились на более мелкие родовые группы, однако и сами они, будучи подразделениями племени, представляли собой родовые союзы («поколения», по Иакинфу). Ими-то и управляли наследственно зайсаны, родовая форма власти которых, следовательно, в ту эпоху была достаточно ясна.

Перестав в определенную эпоху быть родовым старшиной в собственном смысле, зайсан вовсе не потерял связи с родом. Он только объединил под своей властью несколько родов, — и в этом состоял важный шаг в развитии позднейшего зайсаната. Род, из которого происходил сам зайсан, тем самым как бы поднялся на уровень аристократического. Употреблять ли это слово в кавычках или без них, но оно встречается в литературе не раз.

«Die Familien der Saisane und der Temitschi bilden die alten Fürsten- und Adelsgeschlechter, die Würde ist bis jetzt erblich», писал В. В. Радлов.³ Особенно чтутся те зайсаны, которые происходят по прямой линии от зайсанов эпохи Джунгарского царства. Их алтайцы называют «кровными» — «укту», и во времена Радлова их было 4 (не считая 2 Чуйских волостей): это зайсаны Муклай рода Кышчак, Попош рода Ыркыт, Курту рода Мундус и Падрай (и Куа) рода Тодош. Генеалогии этих зайсанов были известны, по словам Радлова, всем алтайцам.⁴

Калачев, перечисляя роды, существующие у чуйских теленгитов, называет сёбки, из которых выбираются зайсаны — Тёёлёс и Кёбёк — «аристократическими родами».⁵ Этот же термин употребляет и Луценко.⁶

¹ Ср. Владимирцов (б), 132—133 и др.

² Иакинф (а), ЖМВД, 1833, ч. IX, стр. 103—108.

³ Radloff (а), I, 251.

⁴ Ibid., 251—252.

⁵ Калачев (а), 478.

⁶ Луценко (а), 16.

При моих собственных исследованиях я убедился, что у алтайцев сохранилось какое-то, хотя и слабое, сознание — вернее воспоминание — об известном превосходстве некоторых родов, и это оказываются как раз те роды, из которых происходят зайсаны. Так, в Куюме — район преобладания 1-ой дючины — мне говорили, что самым главным, самым почетным на Алтае считается сёк Мундус, — род зайсанов 1-й дючины.¹

В уроч. Улета, Онгудайск. айм. в качестве «самых старших, древних сёкков» мне назвали роды Мундус и Тодош — оба зайсанские роды. В Янчете (Онгуд. айм.) главными сёкками считают Мундус и Кыпчак — зайсанские роды. В Баратале (Кош-Агачск. айм.) самым главным родом считают Тёёлёс — род зайсанов 1-й Чуйск. волости. В Кош-Агаче помнят, что род Ак-Кёбёкков считался более знатным (род зайсанов).

Однако это лишь очень смутные воспоминания, и в современности не сохранилось никаких фактов, в которых реально проявлялась бы идея знатности или превосходства того или иного сёка. Неудивительно, что наряду с приведенными высказываниями приходится слышать и обратные. «Были сёки более и менее многочисленные, но не было различия в почете между ними» (Курата, 1930 г.). «Сёк Тёёлёс (из которого были зайсаны 1-й волости) не считался из-за этого знатным, хотя некоторые Тёёлёсы и хвастались своим происхождением» (Чибит, 1930 г.). «Знатных и простых родов не было» (Теленгит-Сортогой, 1932 г.).

Отсутствие каких-либо привилегий и преимуществ у членов зайсанских родов отмечал между прочими Швецов.²

Эта противоречивость показаний объясняется тем, что зайсанская знать представляла собой господствующие *семьи* в известных родах, а не целые роды. Но, так как наследственные зайсанские династии существовали в определенных родах (напр., в роде Ак-Кёбёк, Тёёлёс, Мундус), то и все эти роды в целом получили в сознании алтайцев некоторую видимость превосходства над другими. По существу же дело состояло не в возвышении одного рода над другими, а во внутреннем разложении рода, в результате чего отдельные семьи внутри него входили в состав господствующего класса.

Как бы то ни было, наследственное право определенных сёкков — поставлять из своей среды зайсанов для определенных волостей и дючин — это право, несмотря на законодательные реформы, на практике просуществовало до самой революции. Алтайцы хорошо помнят, из какого рода были зайсаны в той или иной дючине или волости. По собранным мною сведениям, проверявшимся не раз путем опросов в разных местах, зайсанства распределялись так:

¹ Другой алтаец, впрочем, считал род Мундус вторым по значению после Тонжуана (Куюм, 1932 г.).

² Швецов (г), I, 236.

1-я	алтайская	дючина	—	Мундус.
2-я	„	„	—	Кыпчак.
3-я	„	„	—	Кара-Тодош.
4-я	„	„	—	Ыркыт
5-я	„	„	—	Кыдат-Тодош.
6-я	„	„	—	Тёёлёс
7-я	„	„	—	Майман.
1-я	Чуйская	волость	—	Тёёлёс.
2-я	„	„	—	Кёбёк

Эти данные полностью совпадают с приводимыми у Швецова,¹ а также у Луценко.² Но они несколько расходятся с соответствующими данными Радлова, у которого нумерация дючин не совпадает с приведенною мной.³

Это сознание родового характера зайсанств настолько прочно укоренилось у алтайцев, что за 50 лет действия закона 1880 г., отменившего наследственность зайсанов, оно не исчезло, подкрепляясь практикой избрания зайсанов — «родовичей», и сохранилось в памяти донныне.

Еще более сохранили родовые связи подчиненные зайсану демичи. Быть может, с того самого момента, когда зайсан стал управлять несколькими родами, демичи заменил его в роли старшины отдельного рода. «Демичи есть собственно родовый начальник того рода, к которому он сам принадлежит», — пишет Луценко, прибавляя однако, что «у некоторых из них находятся в ведении еще и другие роды, с которых он собирает подати».⁴ «Демичи большей частью избираются также из определенных сейоков», — подтверждает и Швецов.⁵ Такие же сведения получал и я. «Во 2-й Чуйской волости было 4 демичи. У каждого сёока был демичи: один у Кара-Кёбёков, другой у Ак-Кёбёков, 3-й у Кыпчаков, 4-й у Саалов» (Кош-Агач, 1932 г.). Эти данные почти совпадают с таблицей, даваемой Луценко для 1897 г.⁶ В новейшее время демичи собирал подати с членов своего рода и иногда одного-двух других, и по мелким делам своих сородичей он выступал, подобно зайсану, в роли судьи.

У хакасов алтайскому зайсану соответствовал башлык или родовой староста. Хакасский «род» (административный) соответствовал алтайской дючине или волости (8 родов в Абаканской управе и 12 родов в Сагайской).⁷ «Каждый род управляется башлыком или князьком и эсаулом», писал кн. Костров.⁸ Уже во времена Кострова башлычество было выборным, но в более раннее время оно

¹ Швецов (г), I, 237, прим.

² Луценко (а), 17.

³ У Радлова 1-е зайсанство (дючина) — рода Кыпчак, 2-е — Ыркыт, 3-е и 4-е Тодош, 5-е Майман, 6-е Мундус, 7-е — Тёёлёс; [Radloff (a), I, 251—2]. Роды указываются те же, но порядок дючин иной.

⁴ Луценко (а), 16.

⁵ Швецов (г), I, 231.

⁶ Луценко (а), 17.

⁷ Григорьев 392—394.

⁸ Костров (в), 246, ср. Radloff (a), I, 381.

было наследственно.¹ Эти «роды» делились на «сбõки», старые исконые роды, и во главе каждого из последних стоял эсаул (в хакасском произношении «тязъл»). Эсаул, как и алтайский демичи, собирал подати с членов своего сбõка. Впрочем, в последнее время так дело обстояло только в Абаканской управе, где сбõки сохранили до известной степени свою географическую обособленность. В Аскизской же (Сагайской) управе подати собирались улусными старшинами.²

Итак, связь зайсаната с родовой организацией до самого последнего времени сознавалась и ощущалась алтайцами с полной силой. Целый ряд преданий, воспоминаний, связанных с зайсанатом, сохраняет какие-то reminiscenции того времени, когда зайсан был родовым старейшиной. Если зайсан впоследствии поднялся в качестве начальника над несколькими родами, то идея родовой власти от этого едва ли и пострадала. Что касается демичи, то он так и остался — формально — родовым старшиной.

С точки зрения формальной вопрос, следовательно, решается так: зайсанат родился и развился из родового старейшинства, элементы которого он до последнего времени сохранил в преданиях, в порядке избрания, в сфере власти. Сохранив родовую форму власти, зайсан (вместе с демичи и т. п.) фактически превратился в феодала. *Родовая по форме и феодальная по существу* — такова формула власти зайсана эпохи последних десятилетий.³

Подобное решение вопроса было бы, однако, весьма поверхностным. Здесь еще не вскрыты глубокие взаимоотношения между этими двумя элементами власти зайсана — родовыми и феодальными, а указывается только их чисто механическое смешение. Если поставить вопрос о родовых и феодальных элементах зайсаната глубже, поставить его диалектически, то можно вскрыть внутреннее единство этих противоположных, друг друга, казалось бы, отрицающих определений. Попытаемся это сделать.

Легко заметить, что ссылка на родовое происхождение зайсаната так же мало объясняет те феодальные эксплуататорские отношения, какие имели место на Алтае в XIX и начале XX века, как не объясняет их делавшееся выше указание на царскую административную систему. Царская власть просто узаконила реально существовавшие классовые отношения (исподволь их в то же время подтачивая). Возникновение же зайсаната из родового старейшинства в некую отдаленную эпоху уже по одному тому не объясняет реальной власти зайсана, что эта эпоха давным давно прошла, а зайсаны благополучно властвовали почти до наших дней. Чтобы понять жизненность и основы власти зайсаната, необходимо найти

¹ Костров (в), 246.

² Лапко (а), 48—50 и др.

³ В этом отношении достаточно верной является формулировка сущности зайсаната в книге Гордиенко «Ойротия». «Зайсаны и демичи, их помощники, являлись родовыми старейшинами, получавшими право управлять своим родом по наследству. Зайсан был несменяемым полновластным хозяином своего рода, он чинил суд и расправу, собирал подати — ясак, входил во всякого рода административные взаимоотношения с русскими властями» (Гордиенко 33).

Не в отдаленном прошлом, а здесь же, в живой действительности, его материальные корни, пружины его действия, условия его жизнеспособности. На чем реально основывался авторитет зайсана, помимо русской администрации (ибо русские не создали зайсанов)?

Вряд ли будет ответом на этот вопрос ссылка на монополизацию зайсаном основных орудий производства, скота или хотя бы земли. Эта ссылка ничего не объясняет, потому что обладание скотом не дает еще само по себе возможности эксплуатировать *самостоятельного*, т. е. тоже не лишеного скота производителя-скотовода, а роль захвата земли в условиях кочевой жизни, как мы видели, вообще невелика. Объяснению подлежит наличие у зайсана средств *внеэкономического* давления, что является для него самым характерным.

Здесь необходимо отметить некоторые факты, связанные с зайсаном, которых мы до сих пор не касались и которые в литературе совершенно не освещены.

Реальный аппарат насилия в руках зайсанов существовал в довольно вещественной форме. Та вооруженная сила, с которой зайсаны телесские, телеутские, калмыцкие и другие оказывали подчас довольно успешное сопротивление русским завоевателям, — о чем мы говорили выше, — эта вооруженная сила частично сохранилась у них, как оказывается, в гораздо более позднее время. Так, у чуйских зайсанов были отряды вооруженных слуг, готовых в случае надобности выполнить то или иное опасное поручение своего господина. Такие поручения чаще всего состояли в краже скота. Зайсан посылал своих слуг угнать скот в чужом районе. Нередко таким образом угоняли скот из-за монгольской границы. Эти обычаи, как видим, аналогичны казакской баранте и туркменским аламанам. За такую службу зайсан платил тем, что отдавал пригнавшему, скажем, 50 лошадей, одну из них в собственность. Эти факты сообщены мне были в казакском колхозе около Кош-Агача в 1932 г., причем один из присутствовавших при беседе колхозников рассказал, что он сам в свое время, будучи работником зайсана Абдулло, ездил по его поручению в Монголию красть скот.

Кроме скота, вооруженные слуги зайсана занимались и похищением для него женщин. Таким путем зайсан приобретал себе 2-ю и 3-ю жену. Набеги эти тоже практиковались и в Монголию, и в Казакстан, и внутри своей страны. По словам секретаря аймачного партийного комитета в Кош-Агаче т. Тадышева, отдельные случаи этого рода происходили даже в первые годы после революции.

Такие вооруженные отряды на службе зайсана — очень реальная опора и орудие его власти. К несчастью, сослаться на этот факт в качестве ответа на поставленный выше вопрос никак нельзя. Нельзя сослаться на него, во-первых, потому, что факты подобного рода, по крайней мере в последнее время, были едва ли широко распространенными. В литературе о них не сообщается,¹ и

¹ Впрочем, в одном из миссионерских отчетов мы читаем о крупном бае в районе Чуи, Саве Евгиекове, который постоянно совершал хищнические набеги за скотом

лично мне, кроме Кош-Агачского аймака, в других местах подтверждения их слышать не приходилось. А кроме того, ссылка на вооруженные отряды уже по одному тому не является ответом на поставленный вопрос, что, как вполне убедительно показал Энгельс,¹ факт насилия еще ровно ничего не объясняет в экономических отношениях, а скорее сам нуждается в объяснении. «Теория насилия» и в данном случае едва ли с успехом могла бы быть пущена в ход.

Итак, вопрос о реальных основах власти зайсана остается у нас пока нерешенным. Без ответа остался пока и другой вопрос, поставленный выше: о внутренней связи между родовыми пережитками и зайсанатом. Не будет ли ответ на первый вопрос отчасти ответом и на второй? Не состоит ли внутренняя связь зайсаната с родовыми пережитками как раз в том, что зайсан использовал эти пережитки тем или иным способом, базируя на них свою власть?

Именно так ставил я перед собой вопрос, приступая — и в 1930 и в 1932 гг. — к самостоятельному собиранию материала на месте. Не найдя в литературе никаких относящихся сюда указаний, я тщательно искал факты, говорящие об использовании зайсанами родовых отношений в своих классовых интересах.² Результаты поисков были долгое время отрицательными. Из поездки 1930 г. я вернулся убежденный в полном исчезновении всякой социальной роли родовых пережитков. Такой вывод был зафиксирован тогда же в моем отчете Ойротскому облисполкому и в тезисах, доложенных Обществу изучения Советской Азии. Только работа на месте в 1932 г. убедила меня в ошибочности этого отрицательного вывода. Дело было не в отсутствии фактического материала, а в неумении с моей стороны правильно поставить вопрос.

Я ставил вопрос слишком узко, ограничивая свое внимание фактами, говорящими только о прямом использовании зайсаном и байством самих родовых форм, как таковых, в смысле прямой эксплуатации сородичей. Факты этого рода, правда, имели место, но они слишком разрознены. Приведу одно сообщение, полученное мной в Улагане.

Упомянутый не раз богач-зайсан Семен имел около 400 голов овец и коз. Он раздавал их на выпас своей многочисленной родне: родственников у него было до 10 айлов. За выпас сородичи могли брать себе часть шерсти, заколоть одну овечку. Остригши овец, родич, которому они поручены, валял кошму, приносил Семену, а тот отделял ему в виде вознаграждения часть кошмы — $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и меньше, смотря по качеству ухода за овцами и качеству работы. Таким образом, на Семена работали — правда, за известное вознаграждение — члены его сёба Саал. Родственные отношения могут здесь рассматриваться как форма эксплуатации.

как в пределах русского Алтая, так и в Монголию, Урянхай, к казакам (Отчет Алт. экспедиции за 1912 г., 77—78). Ср. Потапов (г), стр. 60—61.

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, Партиздат, 1934 г., стр. 113—124.

² Подобно тому, хотя бы, как это известно о киргизском манашестве.

Но, во-первых, как уже упомянуто, подобные факты носят случайный, разрозненный характер. А во-вторых, приведенный факт сам по себе весьма невыразителен. Если верно, что Семен отдавал работавшему на него сородичу до половины продукта, то такая форма эксплуатации может быть признана относительно мягкой, а родственные отношения, как будто, оказываются совсем не при чем, поскольку ничто не мешало и постороннему взять на выпас у бая овец на таких сравнительно сходных условиях.

Итак, если ставить вопрос узко, сводя его к наличию или отсутствию прямой эксплуатации сородичей как таковых, то алтайский материал не дает достаточных данных для положительного ответа.

Лишь в ходе дальнейшей работы понял я неправильность такой суженной постановки вопроса. Ведь фактически зайсанат, как мы уже знаем, далеко перешагнул рамки *отдельного* рода. Зайсан последних дореволюционных десятилетий был носителем родовой идеи, родовых традиций, понимаемых более широко. Даже чисто формально — ему каждый раз подчинены были *несколько* родов. Родовая форма власти зайсана имела очень широкие, не ограничивавшиеся рамками одного рода пределы, она включала ряд родовых групп, между которыми никакой бытовой грани не было. Тем самым родовая традиция, поскольку она воплощалась в зайсанате, принимала более обобщенную форму, приближаясь к идее общеплеменного единства. И это явление повторяется и в других сферах. Исследуя, напр., родовые тамги, мы уже видели, что одни и те же тавра принадлежат разным родам, что здесь межродовые грани как бы расплываются. То же видели мы и на родовых божествах, которые по большей части также принадлежали не одному, а нескольким сёбкам. Короче говоря, родовая форма, оставаясь сама собой, во всех этих случаях преодолевает свою исключительность, поднимаясь на ступень более широкого единства. Это явление отразилось и в зайсанате.

Раз это так, ясно, что использование зайсанатом родовых отношений как орудия эксплуатации вовсе не должно было носить узко-специфического характера присвоения неоплаченного труда только *своего* сородича. Связь здесь в действительности носила более сложный, но вместе с тем и более глубокий характер. Роль родовой традиции выражалась здесь прежде всего в том, что зайсан и в своих хозяйственных и в общественно-политических операциях выступал в глазах алтайцев как представитель общественных интересов, как родовой старейшина, как своего рода *патриарх*. Эта патриархальная идеология и составляла то правовое основание, которое в глазах населения оправдывало и освящало деятельность зайсана, прикрывая ее эксплуататорскую природу общественно-родовой фикцией.

Что это именно так, мне приходилось не раз убеждаться, когда я заводил с тем или иным алтайцем (не говоря, конечно, о партийно-комсомольском и вообще политически развитом активе) разго-

вор о прежних зайсанах. Очень часто — едва ли не в большинстве случаев — мне приходилось при этих разговорах наталкиваться на непонимание алтайцами эксплуататорской природы зайсаната, да и вообще байства. Так, один из алтайцев (середняк), сообщивший мне о том, что зайсану давался бесплатный работник — ярчи, тут же, спохватившись, стал настойчиво доказывать, что этот ярчи вовсе не был батраком в хозяйстве зайсана, а скорее тоже общественным работником: «Ярчи был посланцем зайсана, телохранителем, держателем печати, ездил вместе с ним. Хозяйственные дела он не делал». Это все после того, как этот же алтаец успел, проговорившись, сказать, что ярчи «седлал коня зайсану, дрова носил, скот пас и пр.» (Улаган, 1932 г.).¹ Эта тенденция оправдывать, прикрашивать задним числом действия зайсана сказывается постоянно. Тот же алтаец оправдывал и защищал даже Семена Юлукова, свирепого зайсана, разнообразные художества которого выше упоминались. «Зайсан Семен был строг, делал жестокости, но для зайсана без этого нельзя». Та же примирительная, оправдывающая тенденция сквозила в словах другого алтайца, говорившего о том же Семене (Балыктуюл, 1930 г.): «Вражды к нему не было. Он помогал людям, они ему отработывали».

В подобных разговорах — а их приходилось слышать немало — совершенно явно сказывается та патриархально-феодалная идеология, которая превращала в глазах населения эксплуататора-феодала в покровителя и защитника бедняков, в представителя общественных интересов. Конечно, ссылка на эту родовую идеологию еще не есть настоящее объяснение ни подобных настроений, ни тех реальных отношений, которые были с ними связаны. В дальнейшем мы попытаемся вскрыть глубже корни того и другого. Мы приведем и материал, несколько обобщающий цитированные факты. Но пока для нас достаточно констатировать, что родовые традиции в этом более широком смысле служили прямой службу зайсанату. Опираясь на эти традиции, рисующие его отцом и благодетелем населения, зайсан мог беспрепятственно развивать свою эксплуататорскую деятельность. Родовые формы его власти затупевывали и маскировали ее классовую феодальную сущность. Они же были тем самым и ее орудием.²

В этом *по преимуществу* и состояли те методы *внеэкономического* давления, которые служили главной пружиной феодальной эксплуатации в руках зайсана. Но в этом состояло и глубокое внутреннее единство родовой формы и феодального содержания, диалекти-

¹ Ср. упомянутую уже приводимую Швецовым благовидную мотивировку алтайцами обычая дачи зайсану бесплатных рабочих (выше, стр. 54).

² «Термин «род» — говорит Лапшо, исследовавший общественно-политический строй хакасов в начале 1900-х годов, — внес только путаницу в понятия, затемнив истинные отношения. Под прикрытием этого термина, не обозначающего совершенно кровного родства или общности происхождения от одного родоначальника, создается то бесправное положение, в котором пребывают инородцы под властью своих князей — родовых старост и родовичей — богатырей (богачей), в зависимости от которых находятся и сами князья». [Лапшо (а), 32].

ческое единство этих противоположных определений. Выросши некогда из родовых пеленок и, очевидно, в начале представляя собой подлинно-родовое старейшинство, зайсанат диалектически перешел в свою противоположность, в орудие классового насилия, сохраняя единство — единство противоположностей — с пережившей себя родовой формой.¹

Этим самым мы отвечаем одновременно на оба поставленные выше вопроса.

Помимо всего сказанного о значении родовых форм для класса феодалов, необходимо отметить, что эти родовые формы играли для тех же феодалов еще иную, особую роль. До сих пор мы видели, что род служил для феодала орудием власти над населением, поскольку родовые отношения связывали его с последним. Но родовые связи, с другой стороны, сплачивали, консолидировали класс феодалов внутри. Правда, эти родовые связи носили иной характер, и, быть может, их следовало бы называть иным термином. Факты этого сорта известны для эпохи сравнительно уже далекой от нас — для XVII в.

Источники этого времени изобилуют указаниями на то, что феодалы были связаны между собой узами родства, что, впрочем, не мешало им часто между собою воевать. Так, в 1653 г. сообщается о войне Алтын-хана против Мергена тайши — его племянника, и об осаде последнего первым в «каменном городке»; впрочем, через короткое время «с племянником... своим с Мерген тайшой Алтын хан помирился, и стоят за одно на речке Ерге со всеми воинскими людьми...»² — В 1666 г. этот же Мерген тайша, совместно с двоюродным своим братом Кутухтой и в союзе с «желтыми мунгалами», шел войною против другого своего двоюродного брата (родного брата Кутухты) — Саина-контайши³ и т. д.

Но особенно интересно то, что феодалы-родственники в некоторых случаях совместно эксплуатировали подвластное население, распределяя между собою полюбовно прибавочный продукт. «Да говорили де кыргызы и качинцы, — читаем в отписке красноярского воеводы 1644 г., емлют де с нас Алтыновы люди ясаку на Алтына царя по 5 соболей с юрты, да на дву Алтыновых братьей емлют по соболу с юрты...»⁴ А в 1647 г. кызыльцы жаловались на тяжесть дани, собираемой с них киргизскими феодалами: «что прежде сего они киргизские князцы имали с них ясашных людей ясак на трех князей, сходило де с человека по 3 бобра, а ныне де оне киргизские люди емлют со всякого твоего государева ясачного

¹ «...Так органы родового строя, — говорит Энгельс, — постепенно отрываются от своих корней в народе ... а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность... Его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа». (Энгельс, Пролет. семья, 143).

² Доп. к АИ, т. 3, стр. 380—381.

³ Доп. к АИ, т. 5, стр. 93.

⁴ Сиб. прик., ст. № 136, л. 754.

татарина на себя ясаку по осми бобров, кроме соболей: княиня (княгиня) де Абакай емлет по бобру, Табун по бобру, Бехтень по бобру, Собу Тахтыкаев сын по 2 бобра, что отец ево умер на Москве, Ишеев сын Айкан по бобру, Ото-урну по бобру, Яга по бобру, Юмукай по 2 соболя, Абжи по соболю, Изерчевы дети по соболю ж с человека...». Далее прибавляется, что эти киргизы «у ясачных людей емлют на себя ясак насильством, и их быют...». ¹ К сожалению, неизвестно, в каких родственных отношениях друг с другом находились эти 10 соучастников феодального грабежа, мирно деливших между собой добычу, но и без того чрезвычайно интересен этот своеобразный коллективизм феодальной эксплуатации.

Если и нельзя называть эти формы объединения феодалов «родовыми» в настоящем смысле слова, то все же едва ли можно отрицать здесь наличие определенных пережитков древних родовых связей, хотя бы они сохранялись в данном случае лишь в виде, так сказать, аристократических фамильных уз.

Но это, конечно, лишь частная и совершенно второстепенная форма, в какой сохранялись родовые пережитки. Да и она, видимо, исчезла сравнительно рано. В новейшее время реминисценцией этой формы оставалась, быть может, только та тенденция к сословно-аристократической замкнутости знатных зайсанских семей, о которой говорилось выше.

Возвратимся к основной нити нашего исследования.

Если такое огромное значение имел для зайсаната род, то вполне понятным делается то ревниво-бережное отношение, которое проявлял зайсанат к сохранению и поддержанию родовых традиций. Не кто иной, как зайсаны, вместе с демичами, бошко и т. п., были строгими блюстителями родовых обычаев. Ряд фактов этого мы уже видели. Я приводил предания, говорящие о роли зайсаната в родовом строе: предания об образовании рода Оргончи, Титтас. Говоря о родовых тамгах, мы отмечали, что, по словам алтайцев, на употреблении тамг настаивало «родовое начальство» — зайсанат. По поводу родовых охотничьих угодий отмечали роль зайсанов как их охранителей. Все эти факты говорят об одном и том же: о стремлении зайсаната всеми силами сохранить, поддержать родовые устои, оградить их от разложения. Смысл этого теперь для нас совершенно ясен.

Вполне понятно в этой связи и то упорное сопротивление, которое оказал зайсанат попыткам правительства его ограничить и ликвидировать. Мы уже видели, что закон 1880 г. фактически населением бойкотировался, и зайсаны продолжали выбираться из тех же родов и семей и переизбираться из срока в срок. На такое же сопротивление наткнулся и закон 1912 г., отменявший полностью дючины и зайсанства. «Зайсаны и демичи не сдавали присвоенные им печати-тамги, — пишет П. Гордиенко — были случаи,

¹ Сиб. прик., ст. № 252, лл. 173—174.

когда они прибегали даже к вооруженному сопротивлению царской полиции. Наиболее стойко проявил себя в этом отношении зайсан 2-й дючины Белэк. Он с приверженцами своего рода разогнал отряд полиции, и только вторично, с участием бийского исправника, полицейского пристава и более сильного вооруженного отряда, удалось взять Белэка и навсегда выслать за пределы Ойротин». ¹ Зайсанату было за что бороться. И если население весьма активно поддерживало его в этой борьбе, то в этом сказывалось лишь безграничное влияние, экономическое и идеологическое, каким пользовался зайсанат среди алтайцев.

7. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ АЛТАЙСКОГО РОДА

Мы вскрыли, таким образом, в основном — хотя пока и не до конца — социальную роль родовых реликтов. В свое время (гл. 4) мы убедились в том, что эти реликты давно уже не имеют в себе своего собственного материального базиса, что сохранившейся родовой форме не соответствует никакое адекватное ей социальное содержание, что она как бы висит в воздухе. Теперь мы выяснили, что является современным социальным содержанием родовых пережитков: это — внешняя форма для феодальных по существу отношений. Прежде чем перейти к более общему и более глубокому анализу этих последних, мы должны посмотреть, в результате *каких исторических процессов* род принял такую столь несвойственную ему, очевидно, в начале социальную функцию. Какие исторические судьбы пережиты были родовыми группировками алтайцев и хакасов?

Уже не раз исследователи — Аристов, Луценко и др. — отмечали, что родовой состав алтайцев носит на себе следы длительных и сложных исторических процессов, отражая все те племенные взаимоотношения, миграции, наслоения, которыми изобилует история кочевых скотоводческих народов. Пытаться дать общую и абстрактную схему происхождения и развития алтайских и хакаских сѣбков, игнорируя их конкретную историю, было бы тщетной и бесплодной затеей. Чтобы уяснить себе даже в общей форме характер тех исторических процессов, которые оставили нам в наследство эти сѣбки, — для этого надо начертить себе картину исторических судеб населения Алтая и сопредельных стран на всем доступном нам хронологическом их протяжении. Ввиду того, что нам и в дальнейшем придется ссылаться на эти исторические судьбы, я попытаюсь здесь их кратко обрисовать, пользуясь для этого работами таких исследователей, как Иакинф Бичурин, Радлов, Васильев, Потанин, Ядринцев, Аристов, Швецов, Баргольд и др., ² и частично дополняя разработанный ими богатый материал кое-какими записанными мною фольклорными данными.

¹ Гордиенко, 33; ср. Отчет Алт. дух. миссии за 1913 г., стр. 73—77.

² См. библиографию в конце.

Политическая история Алтайско-Саянской горной страны отразила в себе особенности ее отдельных естественноисторических районов. Лесистые северные предгорья Алтая и Саян вместе с Кузнецким Алатау с древнейших времен и до наших дней были заселены охотничьими племенами, «лесниками», по выражению Ядринцева. Безраздельное господство турецких языков в этих районах¹ свидетельствует об исторических связях, соединявших эти племена с горно-степными скотоводческими районами, но население этой «черневой» полосы в своем физическом типе сохранило следы не-турецкого и не-монгольского происхождения,² что подтверждается и топонимическими данными, говорящими о господстве здесь некогда палеоазиатских и самоедских языков, и культурными реликтами, о которых мы упоминали в своем месте (гл. 3). В этих гористо-лесных районах крепче, следовательно, сохранились остатки древнейшего населения страны, а это значит, что волны племенных миграций не так сильно и не так часто заливали их.³ В отличие от этого более южные горно-степные районы, в особенности теперешние Усть-Канский, Онгудайский, Кош-Агачский, Улаганский аймаки Ойротии, повидимому, издавна служили ареной для широких передвижений населения, — передвижений, связанных с кочевым скотоводческим хозяйством, но обусловленных каждый раз конкретными историческими причинами.

Отдельные неолитические находки на Алтае и в соседних областях⁴ свидетельствуют о том, что долины этой горной страны были заселены еще в до-классовую эпоху. Непрерывная последовательность культур — афанасьевская, андроновская, карасукская, минусинская курганная (тагарская), «скифская» культура погребений типа Пазырыка и Шибе и т. д. — заставляют считать, что население этой области, если частично и менялось, то в целом все же прошло все стадии распада первобытного коммунизма, становления и развития классового общества.

Уже очень рано эти процессы, связанные с классовой дифференциацией, вовлекли население Алтая и Хакасии в круг широких хозяйственно-политических отношений. В эпоху «царских» погребений (Пазырык), относящуюся, повидимому, к последним векам до н. э., Алтай, несомненно, входил в какое-то достаточно крупное политическое целое. Цари или царьки, погребенные среди возвышенностей Улагана, имели свои резиденции, конечно, не на этих скудных плоскогорьях, а кочевали где-то в более плодородных предгорьях.⁵ Сходство культуры этих погребений со скифской

¹ Оставляя в стороне русское и обрусевшее население.

² Луценко (6), 1—2; Ярхо (рукопись).

³ Интересно, что у населения Черни (тубаларов, шорцев) нет преданий о переселениях откуда-нибудь из других мест. Напротив, эти племена считают себя автохтонами. См. Radloff (a), I, 349; Ядринцев (a), 232.

⁴ Грязнов, 4—5.

⁵ Обычай кочевников хоронить своих царей в отдаленной местности отмечен был еще Геродотом (Геродот, кн. 4, гл. 71—72) для скифов, культура которых очень сходна с культурой Улаганских курганов. В XIII в. Марко Поло писал: «Всех великих госу-

культурой южной России¹ свидетельствует о наличии уже в ту эпоху еще более широких экономико-культурных связей, а быть может и о наличии крупных политических объединений.

С III в. до н. э. китайские источники говорят о крупном царстве хуннов, владения которых захватывали весь Алтай и простирались от Тяньшаня до Желтой реки.² Хунны были скотоводческим кочевым народом. Из описания их социального строя китайцами можно заключать о господстве у них феодальных отношений. Говорится о наследственных сановниках разных рангов, из которых «высшие имеют по 10 тысяч, а низшие по несколько тысяч конницы».³ «Есть упоминания и об обращении военнопленных в рабство».⁴ Цари хуннов, с титулом «шаньюй», воевали с китайцами, иногда с большим успехом, заставляя императоров платить им дань, — а также со своими соседями кочевниками. В числе последних еще во II в. до н. э. упоминаются усунь, юэджи, кангой и др. Самым сильным из них было царство усуней — голубоглазого, рыжеволосого народа, — у которых китайские хронисты насчитывали 120 000 кибиток и 188 000 воинов.⁵ Это были кочевники-скотоводы. Более богатые из них владели табунами в 4—5 тыс. коней.⁶ Государство усуней, во главе которого стоял царь с титулом куен-мо или куен-ми, находилось к западу от хуннов в бассейне р. Или и озера Балхаша. Борьба между хуннами и усунями, в которой на стороне последних принимали участие и китайцы, тянулась до конца I в. н. э., когда оставшаяся независимой северная часть хуннов была оттеснена к западу, за Алтай. В том же I в. распалось и царство усуней, и во II в. господство в Центральной Азии перешло к сяньбийцам, а в IV в. — к царям жужаней (жуапъ-жуаней), которым одни исследователи приписывают тунгусское происхождение,⁷ другие монгольское,⁸ и с которыми повидимому, были исторически связаны авары («обры» русских летописей)⁹ Вост. Европы VI—VII вв.

В числе подвластных жужанским царям племен были уйгуры или хуй-хе по китайским памятникам, которых китайцы считали народом, родственным хуннам. Южная часть их — гао-чан — еще до н. э. была известна китайцам к югу и востоку от Тяньшаня, а потомками этих южных уйгуров Радлов считает нынешних дунган.¹⁰ Северные же уйгуры, гао-гуй (гао-чже) по китайским летописям и чие, дили или теле по самоназванию, жили по Селенге и

дарей, отомков Чингис хана, знают, хоронят в большой горе Алтай (NB); и где бы ни помер великий государь Татар, хотя бы за 100 дней пути от той горы, его привозят туда хоронить» (Минаев, 87).

¹ С. Р., Скифск. погреб. вост. Алтая.

² Иакшиф Бичурип (б), I, 1—151.

³ Ibid., 14—15.

⁴ Ibid., 17.

⁵ Radloff (a), 123.

⁶ Ibid., 124.

⁷ Арстов, 290—3.

⁸ Radloff (a), I, 128; Пеллио, см. Бартольд (в), 5.

⁹ Бартольд, *ibid.*; Castren, 73.

¹⁰ Radloff (a), I, 125—126.

по верховьям Енисея. Китайские источники дают некоторое понятие об их общественном строе в V в.

Эти гао-гюйцы или теле были кочевниками-скотоводами. У них, повидимому, родовые отношения сохранились в сильной степени. Расселялись они родовыми группами. Родовая солидарность проявлялась во взаимной поддержке сородичей в случае военных столкновений и т. п. Гао-гюйцы делились на 12 родов, названия которых в источниках сохранились. Некоторые из этих названий исследователи сближают с современными: род «тулу» — теперешние дулу, «дабо» — туба, «далян» — теленгиты.¹ Во главе каждого рода стоял старшина, которого китайцы называли афу-чжяло. Эти «роды», впрочем, по численности скорее походят на племена. Так, в 490 г. один из родовых старшин рода Фуфуло отказался дальше подчиняться царю жужаней и откочевал вместе со своим родом в количестве 100 000 душ (!) дальше на запад. Общего главы у народа гао-гюй не было. Китайские источники описывают обычаи гао-гюйцев; некоторые из них, как свадебные обычаи, а также клейменные скота (тамгами?) — напоминают обычаи теперешних кочевников, в частности и алтайцев.²

Другим подвластным жужаням народом были ту-гю (турки), жившие, повидимому, в горах и предгорьях Алтая. Родину ту-гю записанная китайцами (в «Летописи сев. династии Вэй» VI в.) легенда помещает во «владении Со», находившемся к северу от хуннов, т. е. возможно, на севере Алтая, и это имя Со исследователи сопоставляют с родом Со у современных кумандинцев. Упоминаемое в той же легенде превращение одного из сыновей родоначальника турков в лебедя может быть истолковано, как мифологизация тотемического самоназвания части турецкого племени, что сохранилось и теперь в именах: лебединцы (р. Лебедь) или ку-кижи (ку — по-алтайски лебедь), ку-манды.³ В южной же части Алтая, к западу от озера Убса — жили апины, часть тех же ту-гю, о которых известно, что они платили дань жужаням железом, добываемым ими в горах.⁴

Итак, в V—VI вв. Алтай был населен народом, повидимому, уже турецкого языка, и входил в большое государство жужаней. Однако здесь были и свои сильные князья, к которым (к тем же апинам) китайцы присылали послов. Один из этих князей, Тумын, сбросивший с себя около 550 г. подданство жужаням, разбивший и подчинивший их себе, считается основателем царства (восточных) ту-гю.⁵

Это царство было одним из самых крупных в истории Централь-

¹ Radloff (a), I, 126; Аристов, 294.

² Иакинф (б), I, 246—252.

³ Аристов, 278—280.

⁴ Иакинф (б), I, 258 и др.

⁵ Резиденцию царя восточных ту-гю, принявшего титул Или-хана китайские источники помещают на «горах Дугинь» — повидимому, в юго-восточных предгорьях Алтая [Иакинф (б) I, 270].

ной Азии. В 568—569 гг. западно-турецкий хан Дизавул обменивается посольствами с Византийским императором Юстином II, причем византийский посол Зимарх был поражен пышностью обстановки двора кагана: последний сидел на ложе из массивного золота, перед его палаткой были расставлены вазы с золотыми сосудами и серебряными изображениями животных, очень художественно выполшенными.¹ Но уже в начале VII в. турецкое государство, уже ослабленное разделением на западную и восточную половины, междуусобными войнами его ханов, попадает в зависимость от Китая, который в 630 г. совершенно подчиняет себе восточных тугю. Новый, вторичный подъем турецкого государства начинается с 680-х годов, когда один из ханов, Ильтерес (Гудулу), сверг с себя вассальную зависимость от Китая и, объединив, в ряде походов, вокруг себя турецкие племена, восстановил крупное централизованное государство.²

Народ тугю этой эпохи описывается китайцами как скотоводы и охотники, кочующие в войлочных юртах и одевающиеся в меховые одежды. У каждого имеется доля в общей земле (Радлов понимает это как указание на наличие родовых пастбищных угодий).³ Во главе их стоит хан, при восшествии которого на трон совершается торжественная церемония обнесения его на войлоке высшими сановниками, 9 раз по кругу. Упоминаются наследственные сановники определенных рангов, что говорит о наличии феодальной иерархии.⁴ В турецком памятнике 732 г. (Орхонские надписи) эта феодальная иерархия видна очень хорошо. Упоминаются высшие сановники «ябху» и «шад», помощники хана, управлявшие особыми провинциями.⁵ Турецкому великому кагану подвластны каганы покоренных народов, ниже их стоят беки — родовые и племенные князьки, далее простой народ.⁶ Говорится также о рабах, захваченных на войне.⁷ Турецкий каган совершал военные походы против окружающих племен. В упомянутых надписях говорится о походах против огузов, против кытаев и «татабы», против «кыркызов», тюргешей, карлуков и др.⁸

По отдельным, хотя и неясным, указаниям источников можно предполагать, что за политической централизацией следовал период более интенсивной эксплуатации феодалами подвластного им населения, что вело к обострению классовой борьбы. Китайские источники говорят о том, что каган Мочжо (Me-tch'oue), брат и преемник Гудулу, к концу жизни стал править с особой «жестокостью», вследствие чего был убит восставшими племенами.⁹

¹ Мелиоранский, 8; Козьмин (г), 9.

² Мелиоранский, 9.

³ Radloff (a), I, 131.

⁴ Иакинф, (б), I, 268—269.

⁵ Мелиоранский, 67, 109.

⁶ Ibid., 71, 73, 65.

⁷ Ibid., passim.

⁸ Ibid., 71, 73, 74.

⁹ Ibid., 10.

В большой Орхонской надписи сам каган Бильге-хан (племянник и наследник убитого), говорит об этом в эвфемистических выражениях, обращаясь с упреком к своему «турецкому народу»: «Вследствие (твоего) непонимания и вследствие твоей низости, мой дядя-каган улетел (умер)». ¹

Около середины VIII в. (745 г.) господство турецких ханов, уже расшатанное классовой борьбой внутри и войнами с Китаем, было свергнуто подвластными им ранее уйгурами. Центр вновь образовавшегося уйгурского государства остался в бассейне Селенги, где перед тем был центр государства восточных тугю.

Господство уйгуров, тоже турецкого народа, в Центральной Азии продолжалось около 100 лет. Уже с начала IX в. началось падение их мощи благодаря войнам с хакасами (кыргызами). Эти войны кончились в середине IX в. переходом преобладания в руки кыргызов.

Кыргызы (хакасы), родину которых китайские источники помещают на запад от хуннов, в районе Тарбагатай и зап. Тяньшаня, описываются как народ, довольно многочисленный, так как они могли выставить войско в 80 000 человек. Китайцы приписывают им занятия земледелием, скотоводством, добычу металлов. Имущественное расслоение было достаточно резко выражено. Богачи владели тысячами голов скота, одевались в собольи и рысьи меха, их женщины — в китайские шелковые ткани. Упоминаются сановники шести рангов, а во главе всего царства — хан с титулом «ажо». Как сам ажо, так и вся знать, жили, впрочем, в войлочных юртах. Народ платил дань соболиными и беличьими шкурками. ²

Эта дань уплачивалась хакасами с 758 г. покорившим их уйгурам. После длительной борьбы они в 840 г. освобождаются от подчинения уйгурам, уничтожают их господство и оттесняют их в Восточный Туркестан. С середины IX в. начинается преобладание хакасов, центр которых — резиденция ажо — перемещается на восток, в бассейн Селенги. Владения хакасского хана простирались на огромную территорию от Байкала до Тибета на юг и до казахстанских степей на запад. Но господство его было кратковременным. Уже в начале X в. кыргызы отброшены монгольским племенем кытаев (киданей), ханы которых становятся наиболее сильными в Монголии, захватив и северный Китай. Кыргызы сохраняют свое господство только на верхнем Енисее, куда переносится их центр, и в Алтайских горах. ³

В то же время в южной части Алтайско-Саянского нагорья и от Иртыша на восток до Орхона получили преобладание найманы — монгольское племя. ⁴ Найманские ханы особенно усилились с начала XII века, после разгрома царства кытаев джурджениями (ню-чжи)

¹ Мелгоранский, 70.

² Иакинф (б), I, 442—448. Бартольд (б), 5—15.

³ Ibid., 450 и др.; Бартольд (б), 15—26

⁴ Бартольд (в), 16, Арстов, 303—5.

в 1125 г. Их преобладающее положение, которое в известной мере уравнивалось господством киреев и татар в Сев. Монголии, продолжалось до начала XIII в., когда создалось новое и наиболее крупное политическое объединение — под властью Темучина.

Царство Темучина (Чингисхана), быстро охватившее огромную территорию от южного Китая до Крыма и Москвы, распалось в том же XIII в. на ряд «улусов». Алтайско-Саянская область оказалась в улусе Угэдэя. В войнах, которые вел один из ханов этой династии, Каиду, против Кубилая из-за территории северо-западной Монголии, выдвинулся и консолидировался западно-монгольский народ ойротов (имя ойрот обозначало раньше одно из небольших черневых племен западной Монголии).¹

К концу XIV в., после изгнания монголов (в 1368 г.) из Китая, ойротские племена элют, шохот, торгот и чорос были объединены под властью чоросского хана Махмуда. Это Ойротское царство с центром в Джунгарии сделалось скоро, на короткое время, самым сильным в Центральной Азии. Могущество ойротских ханов достигло максимума при внуке Махмуда Эсене. Последнему удалось в 1449 г. победить китайцев, захватить их императора в плен и принудить их к почетному для себя миру. Умертвив затем хана Тохто-Бугу, Эсень становится главным ханом ойротов. Однако он сам убит в 1453 г. одним из своих вассалов, и с этого времени, почти на 180 лет, ойроты теряют свою кратковременную гегемонию в Центральной Азии. Их сменяют на это время — до середины XVII в. — восточно-монгольские ханы.² В начале XVII в. из последних, наряду с халхаскими феодалами, выдвигается туметский Алтын-хан, сфера влияния которого охватывала бассейны верховьев Енисея и озер Косогол и Упса.³

С середины XVII в. перевес вновь переходит к ойротам, объединившимся под властью чоросских князей — Хара-Хулы и его потомков. Умершему в 1634 г. Хара-Хуле наследовал его сын Батор-Хун-тайджи — в русских источниках Контайша, каковой титул сохранился и за его преемниками. Добившись подчинения себе всех мелких ойротских феодалов, Батор-Хун-тайджи закрепил объединение, созвав в 1640 г. съезд всех ойротских князей. На этом съезде было принято «Степное уложение», текст которого до нас дошел.⁴ После смерти Батора в 1654 г. борьба между феодалами вновь ослабила на время ойротов, пока сын Батора Галдан не сумел опять добиться гегемонии. Войны его с Алтын-ханом в 1682—1690 гг. привели к полному разгрому последнего и к апогею могущества ойротов, но в 1690-х годах неудачные войны с Китаем вызвали опять раздробление и политический упадок.⁵

¹ Аристов, 205—8.

² Иакинф (а), 293—303, 371—3

³ Бартольд (в), 24.

⁴ См. Голстунский, К. Монголо-Ойротские законы 1640 г. Спб., 1880 г.

⁵ Иакинф (а), ч. 8, 377—409; ч. 9, 36—60.

Последний подъем Ойротско-Джунгарского царства имел место при контайше Цеван-Рабтане (ум. в 1727 г.). Он успешно воевал с «Казачьей ордой», с каракалпаками, подчинил себе ряд городов Средней Азии (Кашгар, Яркенд, Турфан, Аксу и др.), покорил тьяншанских киргизов (бурутов) и пр.¹

Во главе Ойротско-Джунгарского государства стоял, таким образом один из крупнейших феодалов — «контайша». «Начальные люди называются у него контайши зайсанами», — говорит тот же Унковский.² Эти вассалы контайши далеко не всегда, как мы видели, считались с властью своего сюзерена. Во всяком случае, в руках у некоторых из них было не меньше материальной силы. О крупнейшем из них, Черен-дондуке, двоюродном брате контайши, Унковский сообщает: «Сказывают, что столько ж людей с ним, Черендондук, кочует, как и с контайшею».³ Вассалы составляли феодальную курию при дворе сюзерена (см. выше, стр. 46). Более подробные сведения о социальном строе ойротского царства, об его делении на родоплеменные группы — отоки и пр., возглавлявшиеся наследственными зайсанами, мы приводили выше в другой связи.

После этого последнего расцвета могущества ойротов, во 2-й четверти XVIII в., происходит быстрый их упадок. При последних ханах ойроты терпят неудачи в войнах с Китаем, внутри обостряется, повидимому, классовая борьба, отпадают зависимые племена. В 1750-х годах китайцы нанесли последний удар ойротскому государству, опустошив, в союзе с одним из ойротских ханов, Амурсаной, кочевья ойротов (1755—1757 гг.).⁴

Падение Ойротско-Джунгарского царства отдало весь Алтай (к северу от водораздельных хребтов) в руки Российского царизма. Этим завершилась полуторавековая борьба, которая велась за обладание этой областью между русскими завоевателями и местными алтайскими князьками — вассалами ойротов. Эта борьба началась с появления русских на верхней Оби во втором десятилетии XVII в.

Какую обстановку застали здесь русские? Каков был состав населения и политические отношения в изучаемой нами области в XVII веке?

В бассейне верхней Томи, в теперешнем Горно-Шорском районе, русские столкнулись с «кузнецкими татарами», жившими по Кондоме и Мрассе. Здесь, в частности на Кондоме, в это время были «волости»: Итиберская (Етиберская), Карачорская, Каргинская, Елейская, Кумандинская, Кузенская, Комнашская, Щелкалская

¹ В записке «О контайшине родстве» капитана Унковского, ездившего в Джунгарию в 1722—1723 гг., читаем: «Под его контайшным владением обретаются разные народы, а именно: его настоящий народ, именуемый зюнгоры (джунгарцы, т. е. ойроты. С. Т.), киргизы, урянхайцы, теленгуты, мингаты, каюты, кошеуты, Эркенские бухарцы... буруты, которые около озера Тускея кочуют, барабинцы, которые ясак платят в сторону императорского величества и контайше» [Унковский (а), 193].

² Унковский (а), 194.

³ Ibid.

⁴ Иакинф (а), ч. 9, 74—97.

и Тиргешская.¹ Эти «волости» и «улусы» представляли собой, очевидно, крупные родовые или племенные группы, во главе с мелкими князьками. Все эти названия волостей, кстати сказать, сохранились и сейчас в Горно-Шорском районе и в северных аймаках Ойротии, частью как названия сёлков (Комнош, Кузен, Тиргеш, Тибер, Карга, Элей, Кара-Шор), частью как названия племен (кумандинцы, шалганцы). Каргинские рода были в дореволюционное время также в составе Аскызской инородной управы (в Хакассии).

Население этих Кондомских волостей жило охотой и кузнечным промыслом; продукты последнего туземцы обменивали со своими южными соседями на скот² и ими же отчасти платили ясак телеутским князькам и контайше, «кыштымами» которых они были.³

Южнее, в бассейне Бии и нижней Катуня, находились волости, точное местонахождение которых установить трудно. Тут мы находим Мундусскую волость, жители которой причислялись к «белым калмыкам», т. е. к телеутам.⁴ В тех же, повидимому, районах бассейна Бии и нижней Катуня находились волости Кизигеченская, Исслельская, Чебанская, Асекиштимская, Тогульская (или Тогусская), Чигатская, Иберская и др.⁵ — названия которых, по крайней мере частью, тоже сохранились до наших дней в названиях сёлков — Чагат, Тогус. Выше по Катуня жили саянцы, точи и мугаты.⁶ Эти волости были, повидимому, данниками телеутских или телесских князей.

На Алтын-озере (Телецком), очевидно, у северной его оконечности и у южного конца — по Чулышману, жили телесы, сильное племя, князья которого считали своими кыштымами ряд названных выше «волостей». Другое крупное племя — «белые калмыки» (телеуты) жили, повидимому, в северо-западной части теперешней Ойротии — по левобережью Катуня, по Чарышу и распространяли сферу своего влияния за Иртыш. Князцы белых калмыков брали ясак с мрасско-кондомских волостей, а отчасти и с населения Барабинских степей.

Еще труднее указать точно местонахождение некоторых других «волостей», расположенных где-то тоже в бассейне верхней Оби или по водоразделу с Абаканом. Таковы «Арчаки», Баянская, Боланская, Керсагалская волости, Киченская земляца.

Телесы и «теленгуты» со своей стороны зависели от ойротов, контайша которых был сюзереном этих племен.

В бассейне верхнего Енисея в XVII в. были 4 княжества: Алтыр-

¹ Сиб. прик., кн. № 10, лл. 49—52, 124.

² Сиб. прик., кн. № 136, л. 351.

³ Сиб. прик., кн. № 252, лл. 101—2; ст. № 377, л. 239.

⁴ РИБ, т. 8, стр. 533. — «Знаем де мы, — говорили в 1649 г. кузнечные служилые люди, — Мундусские волости князца Ензукая, живет де он своим улусом, а от Кузнечного острогу до него ходу 2 недели на лыжах, а живет де он с саянцы неподалеку...» (Сиб. прик., ст. № 377, л. 162). В настоящее время члены сёлка Мундус живут гл. обр. в северной части Чемальского и южн. части Майминск. аймаков, т. е. в тех же местах.

⁵ РИБ, т. 8, стр. 472—7, 600; Сиб. прик., кн. № 10, лл. 63—65 и др.

⁶ Доп. к АИ, т. 3, 319, 320.

ское, Алтысарское, Езерское и Тубинское. Первые три, а иногда и все 4 называются в источниках «киргизскими». Киргизские и Тубинские князцы господствовали и над рядом окружающих охотничьих племен — сагайцами, качинцами, кызыльцами и др. — и собирали с них ясак.¹ В свою очередь киргизские и тубинские князцы были вассалами южных крупных феодалов — Алтын-хана и Джунгарского контайши, — то одного, то другого из них, в зависимости от соотношения их сил в каждый данный момент, а иногда платили ясак одновременно обоим.

С момента появления у северных предгорий Алтая русских завоевателей местные феодалы — телесские, телеутские, киргизские и другие князцы — оказались между двух огней. Они пытались опереться на помощь своих сюзеренов — контайши и Алтын-хана, защищаясь от новых завоевателей. Так, после погрома телесов русскими казаками в 1646 г. телесские князцы бежали на юг просить помощи у Сойонского князя Мансея, в союзе с которым и напали на русских.² Но чаще имело место другое: туземные князцы, видя перевес сил на стороне русских, переходили на их службу и соглашались платить ясак. Эксплуатируемая же масса населения оказывалась под двойным гнетом: помимо своих феодалов, население должно было теперь платить ясак и русским. В описке томского воеводы 1646 г. мы читаем, что князец Кока, считавший население мрасско-кондомских волостей своими данниками, принес «шерть» (присягу) царю, и «у шерти... говорил, чтобы де Кузнецкие... ясачные люди тебе государю в ясак давали соболи рослые, а ему бы де Коке давали недособоли...»³ Через 3 года однако Кока счел для себя слишком невыгодным такой способ раздела дани. По донесению ясачных людей в 1649 г., «белых де колмаков князец Кока Абаков им ясашным людям Кондомские Кумандинские, Кузенские, Шелкалские, Тиргешские и Комляшские волостей заказал твой государев ясак платить по 10 соболей с человека», и потребовал себе половину этого ясака — по 5 соболей с человека. «А те твои государевы ясашные люди тех волостей ево Кокины кыштымы».⁴

Устанавливавшаяся, таким образом, система двоеданчества, о которой мы еще будем говорить в иной связи, означала сговор соперничающих феодалов (или феодальных государств) за счет двойного ограбления массы населения. Но в данной форме эта система была лишь переходным этапом, периодом неустойчивого равновесия политических сил.

Попытки сопротивления русским завоевателям со стороны алтайских племен возобновлялись не раз в течение XVII в., но они приводили ко все большему усилению позиций завоевателей. Что касается самого сюзерена Алтая — Джунгарского контайши, —

¹ См. Козьмин (г), 29—38 и др.

² Radloff (а), I, 179.

³ Сиб. прик., кн. № 252, лл. 101—102.

⁴ Сиб. прик., ст. № 377, лл. 238—109.

то борьба с монголами и китайцами слишком ослабляла и отвлекала его, чтобы он мог оказать энергичную поддержку своим северным вассалам. Поэтому он чаще стремился избегать конфликтов с русскими. Со своей стороны московское правительство тоже опасалось ввязываться в конфликты с контайшей и действовало осторожно. Лишь события 1750-х годов, положившие конец Ойротскому государству, отдали в руки России весь Алтай. Разгромленные китайцами остатки ойротов сами перекочевали из Джунгарии к русской укрепленной линии, приняв подданство России. Последнее, конечно, делалось зайсанами, которые возглавляли эмигрировавшие из Джунгарии группы. В 1756 г. к Колыванской линии прикочевал зайсан Онбо с 2 000 воинов, не считая женщин, стариков и детей. Его брат, зайсан Кагал с 90 кибитками и 300 воинов прикочевал в том же году к Чагирской крепости. В июле этого же года к Усть-Каменогорской крепости прикочевали около 1000 кибиток урянхайцев, а в сентябре — еще 250 кибиток во главе с Калчукаем и Бабаем. В октябре к Бикатунской крепости подошли еще 963 кибитки с 6250 людьми. Из-за подданства этих беженцев разгорелся был спор русского и китайского правительства, но конфликт был предотвращен. ¹ Весь бассейн Бии, Чарыша и Катунь попал в полную власть России, кроме района Чуи, население которой до 1866 г. платило дань и России и Китаю одновременно.

Бассейн верхнего Енисея, за исключением самых верховьев его, был захвачен русскими раньше. Войны с киргизскими князьями и с их сюзереном контайшей Джунгарии тянулись весь XVII век и привели к полному разгрому сопротивлявшихся киргизов, княжеские роды которых, очевидно, с известной частью населения, в 1703 г. откочевали в Джунгарию. Оставшаяся часть киргизов и все их «кыштымы» — данники — оказались в полном подчинении русским. ²

¹ Последние факты, заимствованные из архива Гуляева, приведены у Швецова (г), I, 131—135; ср. Потапов. (г), 16—18.

² По мнению некоторых исследователей [Катанов (д), 279], только после ухода киргизов, т. е. лишь в начале XVIII в., переселились в бассейн Абакана качинцы, кочевавшие ранее около Красноярска (по р. Каче). В действительности этот переход имел место раньше. Еще в 1633—1634 г. красноярский воевода посылал служилых людей «на изменников и непослушников на кыргыских Иженеевых на Кашинских мужиков», и казаки «дошли... Кашинских мужиков в 9-й день на Уссе реке» (теперешняя Туба) (Сиб. прик., ст. № 368, л. 411). Но в ту пору было еще свежо воспоминание о недавнем переселении их из-под Красноярска. В 1644 г. воевода посылает своих казаков «в Кыргызскую землю к князю Ишею с товарищи» — требовать, «чтоб они из Кыргызской земли отослали... красноярских ясапных качинских татар под Красноярской острог на старые свои кочевья...» На это требование киргизские князьки дали следующий ответ: «Нам де качинских тотар отдать нелзе; будут де к нам Алтыновы люди по ясаку, а качинцев де у нас не будет, и они де нас спросят: где качинцы? и мы скажем: отпущены на Красной Яр; и они де нам сильны, а мы де им неволны...» (Сибирск. прик., ст. № 136, л. 753). Через несколько лет, в 1647 г., воевода опять послал к качинцам, «чтобы они шли на старые свои кочевья под Красноярской острог». Качинцы согласились перекочевать к Красноярску, за исключением только одной семьи, давшей характерный ответ: «А два де... человека, Кушпердий да сын его

Это краткое изложение политической истории Центральной Азии, в частности Алтайско-Саянской области, показывает, какое множество наслоений, смешений, миграций должно было оставить свой след на населении Алтая. И действительно, мы находим в номенклатуре алтайских родов многочисленные следы этих тысячелетия продолжавшихся исторических процессов. Целый ряд сѡбков алтайцев оказывается не чем иным, как осколками отдельных племен или целых народов. Одни из них в свое время населяли ту или иную часть Алтая, другие представляют собой заброшенные сюда группы, остатки бежавших или оттесненных после военного разгрома племен.

Так, один из крупнейших сѡбков — Майман или Найман — является остатком сильного в XII в. народа найманов, оттесненных на запад после разгрома их Чингисханом. Очень возможно, впрочем, что, как предполагает Аристов, первоначальная родина найманов была как раз в северном Алтае (р. Майма, приток Катуня).¹ Многолюдный сѡбк Кышчак есть такой же остаток народа кыпчаков, часть которого при чингисидах дошла на запад до России и составляла главную массу населения Золотой Орды в XIII—XV веках. Сѡбк Тѣлѣс, от которого, как мы видели, ответвились роды Титтас и Оргончи, есть остаток племени телесов, которое упоминается в Орхонском памятнике VIII в.,² и которое Радловым сближается с теле (гао-гуйцами).³ Впрочем, имя Тѣлѣс и теперь не везде понимается в узком смысле рода. В низовьях Чулышмана, где в XVII веке жили воевавшие с русскими телесы,⁴ все население иногда называет себя не теленгитами, и не алтайцами, а тѣлѣсами.⁵ Таким образом, процесс превращения целого племени в род в данном случае не вполне закончился. В еще большей степени это надо сказать о сойонах. Это имя приводится в качестве названия сѡбка Потаниным, Шведцовым и другими авторами. Однако уже Луценко считал, что сойонцы,

Тамыр отказали, что они под Красноярской острог кочевать не будут, потому: только де они словут Качинцы по старине, а на той де земле не живали, и родина де их в Кыргызской земле» (Сиб. прик., кн. № 202, л. 94). Впрочем, часть качинцев еще оставалась в те годы под Красноярском и откочевала позже, но уже в другом направлении: в 1665 г. воевода пишет: «И ныне ... Красноярские подгородные качинские и аринские татарова, посадя в Красноярском остроге аманат своих, уехали из-под Красноярского острогу на низ на степь, в дальные места, где преж сего не кочевывали, близко Енисейского уезда по Бузиреким и по подъемным вершинам, с женами и с детьми, и с коньми и с рогатым скотом, и со всеми кочевьи, и к Кетцким и к Кемским вершинам, и ссылаютца с киргизы и с калмаки еспрестанно...» (Доп. к АИ, т. 5, стр. 39). — Все эти передвижения были, очевидно, связаны с событиями царского завоевания. В ту же эпоху, вероятно, появились на Абакане и сагайцы, придя с верховьев Томи. Одинаковость некоторых сагайских родов с шорскими уже отмечалась нами выше (стр. 20). Один из документов (1643 г.) говорит об уходе части «ясашных» людей с Кондомы и Мрассы (т. е. шорцев) к киргизам на Енисей [Козьмин (г), стр. 32].

¹ Аристов, 841.

² Мелпюранский, 67, 109.

³ Radloff (a), I, 126.

⁴ Телецкое озеро своим названием обязано именно им.

⁵ Это отмечает Луценко (a), 11—12; (б), 2,— и в этом пришлось убедиться и мне в 1932 г.

собственно говоря, являются не родом, а переселившимися из Урянхая группами народа сойонов или сойотов, и некоторые из них еще помнят роды, к которым они принадлежали на своей родине.¹ При своих исследованиях я нашел, что в одних местах Ойротии — особенно в Онгудайском аймаке — Сойоны считаются таким же сёбком, как и прочие, в других же местах, особенно в Кош-Агачском и Улаганском аймаках, мне не раз говорили, что «сойоны» — это не род, а много родов, и что эти сойонские роды имеются в Китае (т. е. в Урянхае). Какие именно есть там сойонские роды, алтайцы знают плохо, мне называли только Ыркыт-сойон и Алаш-сойон (Запис. в Улагане, 1932 г.). Сойон вообще делится на Кара-Сойон и Сары-Сойон, причем Кара-Сойоны, живущие главным образом в Онгудайском аймаке, рассматривают себя как алтайский род,² что же касается до Сары-Сойонов, то ни одного живого представителя этой группы я не видел (может быть, они и есть), но зато о Сары-Сойонах теленгиты говорят как об аборигенах страны, народе, жившем здесь еще до «китайцев», давно исчезнувшем и оставившем свой след в виде многочисленных могильных курганов (Улаган, Чаган-Узун, 1932 г.). В Чемале же мне говорили, что здесь живут Алтай-Сойоны, а кроме того есть Кемчик-Сойоны (Кемчик — приток верхнего Енисея в Туве), живущие на Чуе. Таким образом, процесс ассимиляции Сойонов в состав алтайских родов еще не закончился. Но этот процесс, происходящий на наших глазах, является образчиком того, как происходит превращение иноплеменной группы, оказавшейся среди населения, разделенного на роды, в один из таких же родов.³

Род Ыркыт сближается алтайцами с Сойоном и считается происходящим от последнего (Янчет, 1930 г., Улаган, 1932 г.). У Ыркытов и Сойонов были одни и те же божества (Йер-су, Карагуш), причем, по одному сообщению, Ыркыты и Сойоны отличаются от всех остальных сёбков тем, что молятся только Йер-су и никаким другим богам, тогда как прочие роды, кроме своего родового, могут молиться и другим духам (Улета, 1930 г.). По другому, еще более интересному сообщению (Баратал, 1930 г.), только эти два рода *не* молятся богу Ыльгеню, — духу, которого все исследователи считают верховным божеством всех алтайцев. Словом, все указывает на то, что Ыркыты имеют общее с Сойонами происхождение, т. е. что они тоже пришли из Урянхая. И в самом деле, род Иргит (Иржит, Ырхыт) встречается в 3 хошунах Урянхайского края (Тувы);⁴ это название, кстати, есть и в числе родов сагайцев и койбалов.⁵

¹ Луценко (а), 17.

² Однако проезжавший по р. Улегему в 1860 г. Радлов заметил, что здесь живут «viele Familien des Altajerstammes Sojon», диалект которых несколько отличается от языка других алтайцев [Radloff (а), I, 51]. Сейчас здесь как раз живут Кара-Сойоны, считающие себя чистыми алтайцами.

³ Конечно, надо иметь в виду, что эти пришлые группы и на своей прежней родине знали родовое деление.

⁴ Аристов, 347—348.

⁵ Ibid., 346.

Род Меркит (Меркут) есть несомненно остаток тех меркитов, которые жили еще в IX в. на Селенге и которых Чингисхан вместе с найманами отогнал на запад. Род Кыргыз — это заброшенная на Алтай часть киргизов. Пурут (Прут) — очевидно, группа бурутов (кара-киргизов). Тербет — это монгольское племя дербетов. Сарт — вероятно сарты Средней Азии. Каал можно считать потомками той группы калмыков, которых привел с собой из Джунгарии зайсан Кагал в 1756 г. Род Аара считается Аристовым за остаток племени аринцев,¹ род Модор таким же образом мог бы быть остатком енисейских модоров (оба племени — палеоазиатского происхождения). Телеутский род Чорос — остаток одного из главных племен Ойротского союза, Ойрот — сохранившееся в виде имени сёбка название всего этого народа, господствовавшего некогда над Алтаем. То же и с родом Могол, относительно которого мною записано сказание об его происхождении от группы беглецов, спасавшихся от преследований со стороны монгольского зайсана (Чаган-Узун, 32 г.). Род Кергеш (Кергешская волость), выступающий в документах XVII в. как «Тиргешская волость» на Кондоме или «Тирхеши» (Сиб. прик., кн. № 10, л. 1), жители которой, «ясашные люди Тиргешские волости», «бывали прежде сего Телеских людей кыштымы» (Сиб. прик., кн. № 90, л. 1), это, повидимому, не что иное, как тот народ тургешей, о котором говорится в Орхонском памятнике как о живущем в «Алтунской черни».²

Ряд названий родов совпадает с названиями родов у других турецких народов, но о них нет данных считать их остатками целых народов или племен. Так, род Мундус есть у киргизов. Род Ыркыт, как мы видели, есть у сойотов и хакасов. Телеутский род Тооре имеется у киргизов.³

Таким образом, целый ряд родов в своих названиях, частично в преданиях, дополняемых иногда прямыми историческими свидетельствами, сохранил следы исторических связей с кочевыми народами тех или иных областей огромной Центральной Азии. Из 7 десятков алтайских родов 20—25% могут быть, путем прямых лингвистических сближений, плюс еще более прямые исторические данные, отождествлены с остатками того или иного племени или народа, частью исчезнувших, частью живых.⁴

Однако переоценивать, основываясь на этом факте, значение миграционных процессов все же не следует. Большая часть родов

¹ Ibid., 342.

² Мелиоранский, 73. Народ Тургеш упоминается и в одной из Енисейских надписей, см. Radloff (б), III, 344.

³ Аристов, 397. Род Кёббк, повидимому, связан с Хакассией, на что указывает сагайское предание о богатыре Ак-Кёббе, записанное Катановым (д), 274.

⁴ О происхождении многих родов существуют предания, записанные, напр. Вербицким (б), 9, 136, Потаниным (а), IV, 2—10, Швецовым (г), I, 103—107 и др., а также и мною. Хакаские предания о происхождении родов собраны Катановым (в), кн. 3, 45—46, кн. 5—6, 51; (д), passim. Но, как исторические свидетельства, эти предания можно использовать только в редких случаях и в частности, мне кажется, тогда, когда они содержат в себе географические указания.

алтайских племен, особенно северных, не находит себе параллелей в названиях народов, племен и родов где-нибудь в других районах. Роды Тодош,¹ Кергиль, Тонжуан, Алмат, Чапты, Юлюп и многие другие более мелкие у алтайцев и теленгит мы не имеем никаких оснований выводить откуда бы то ни было со стороны. Ничто не мешает им быть прямыми потомками древнейших обитателей Алтая, тех же тугю или еще более ранних. К этому надо прибавить, что и некоторые роды, упомянутые выше, являющиеся потомками тех или иных народов, имеют свою родину, вероятно, именно на Алтае: это можно допустить о Майманах, Тёёлёсах, Кергешах. Поэтому даже широкие исторические связи отнюдь не всегда означают иммиграцию откуда-либо со стороны.

В наибольшей степени это относится к родам тубаларов, кумандинцев, шорцев, и др. северных алтайских племен, которые, как уже говорилось, вообще сохранили больше элементов древнейшего населения. Родовые названия тубаларов, например, лишь в очень незначительной части поддаются сопоставлению с названиями племен и родов в других странах. Огромное большинство их мы, кроме Алтайской Черни, нигде не найдем.

Таким образом получается, что все же большая часть населения, хотя и кочевого, может считаться автохтонами страны. Переоценивать значения момента миграции даже и в условиях кочевого скотоводческого хозяйства нельзя.²

Какие же выводы можно сделать, возвращаясь к основной линии нашего исследования, из только что произведенного обзора внешней истории алтайских родов? Каковы были процессы, приведшие к появлению теперешних конкретных родов — сёбков, со всеми их особенностями, если поставить этот вопрос социологически?

¹ Впрочем, часть рода Тодош — Кыдат-Тодош — своим названием (Кыдат по-алтайски — Китай) указывает, по видимому, на происхождение с востока, из пределов Китайской империи.

² В одном документе XVII в. содержатся интересные подробности, дающие наглядное представление о механизме одного определенного типа миграций кочевых групп. В этом документе — описке тобольских воевод от 1627 г. — зафиксированы несколько этапов одной такой миграции. В начале августа 1627 г. посланные из Тары казаки поймали 6 «калмыков», которые «сказались, что они Мангыт тайшина улусу, а послали их Мангыт тайша рассматривать кочевых мест; а хочет кочевать промеж Чанюю озером и Омью рекою». Через короткое время в том же августе, «приезжал на Убу озеро Мангыта тайшин сын, а с ним людей его 20 человек; а говорил де Тарским служивым людям, что ему кочевать промеж Чаны озера и Оми реки». — Наконец, приходит допесение о третьем этапе этого движения: «... Прикочевали колмацкие люди Мангыт тайшина жена, да Айдар тайша, и стали на Чанском острове...» На уговоры служивых людей откочевать с «государевой земли», жена Мангыта «прочь не пошла, а сказала что ей тут кочевать и с твоих государевых ясачных людей Борабинской волости ясак имать». Далее оказывается, что перекочевавшая группа располагает вооруженной силой более чем в 200 человек, а вскоре после этого туземное население — барабинцы — стало жаловаться русским, что «у них колмацкие люди рыбные ловли и всякие промыслы отняли». Здесь перед нами типичная картина миграции мелкого феодала вместе со своим «улусом», начинающейся с разведывания удобных мест для кочевания, а заканчивающейся военным нажимом на туземное население и его объяснением. (РИБ, т. 8, XXXIX, стр. 499—502).

Эпоха, когда род на Алтае представлял собой то, чем он является в своей классической форме, — первобытнокоммунистическую организацию, на изучаемой территории кончилась давно. Уже царские погребения последних веков до н. э. не позволяют говорить о сохранении в ту эпоху первобытнокоммунистических отношений. Цари, погребавшиеся в курганах Улагана, взимали дань, феодальную ренту, с населения Алтая, а кроме них были, конечно, и зависимые от них мелкие князьки — феодалы. Очевидно, это были праотцы тех зайсанов, которые до наших дней сохранили свои связи с родовой организацией, т. е. это были старшины и военные предводители родов, уже начавшие превращаться в мелких феодалов. Эти князьки-зайсаны (для того времени к ним, может быть, более подходит турецкий термин «бек», чем позднейший монгольский «зайсан») становились в вассальную зависимость и платили дань попеременно хуннам, усуням, жужаням, далее своим местным турецким ханам, позже кыргызам, найманам, потом монголам, впоследствии ойротам-калмыкам, китайцам и, наконец, русским. При этом, разумеется, между этими мелкими феодалами-родоначальниками и их верховными сюзеренами — крупными ханами существовали промежуточные звенья феодальной лестницы. Так, князь ашинов, плативший до середины VI века дань жужаням, сам собирал ее, очевидно, с мелких беков-родоначальников. Подробнее об этой феодальной иерархии мы будем говорить ниже.

Таким образом, уже 2 000 лет тому назад процесс распада доклассового общества, процесс перерождения родовых старшин в мелких феодалов в основном завершился. Дальнейшая история зайсаната по существу сводится к смене господства над этими мелкими феодально-родовыми единицами, переходившими от одного крупного феодала к другому. Происходило перемещение центров тяготения феодальной зависимости, перемещение центров крупных феодальных объединений. При этом, как мы еще будем видеть в дальнейшем, тип отношений, способ производства оставался все время одним и тем же: феодальным сверху донизу.

Это не значит, что перемены происходили так сказать только на верхушке феодальной лестницы, масса же населения пребывала в полной неподвижности. Напротив, как мы видели, в эту массу то-и-дело вторгались со стороны новые чуждые элементы. В XIII веке здесь появились найманы и меркиты, в XVIII в. ойроты и чоросы и т. д. Но очень важно отметить, что эти пришлые группы рано или поздно ассимилировались с принявшей их социальной средой. И — что самое интересное — эта ассимиляция состояла не только в унификации физического типа и усвоении языка аборигенов (языка, который при этом, разумеется, в свою очередь обогащался и изменялся, как показывает хотя бы большое количество монгольских элементов в алтайском языке), но она состояла в преобразовании пришедшей группы в доминирующий тип социальной организации, в *родовую группу*. Прикочевавшие на Алтай меркиты, кыпчаки, найманы и т. п. постепенно становились сббками Меркит,

Кыпчак, Майман, — и дело тут не в слове «сёбк», а в том, что это неизбежно влекло за собой усвоение целого ряда правил, обычаев, ограничений: пришедшая группа становилась экзогамной, строго агнатической, внутри нее получал права гражданства термин «карындаш» — брат, устанавливался родовой культ (или принесенный пришлецами с собой культ принимал родовую форму), и т. д. Иными словами, господствующая среди населения родовая форма поглощала, переваривала и полностью ассимилировала себе всякую чуждую социальную группу. Этот процесс, как мы видели, еще не закончился для группы, напр., сойонов, отчасти тейлэсов. И подобный процесс, кстати сказать, не зависел несколько от численности пришедшей группы: число прикочевавших найманов, напр., было сравнительно велико (в 1897 г. членов сёбка Майман считалось около 2 тысяч), а составившийся таким же образом сёбк Пурут насчитывал (в том же году) всего 9 человек, сёбк Ойрот — 2 человека.

Все это приобретает особенный интерес благодаря тому, что этой мощной силой ассимиляции родовая система у алтайцев обладала тогда, когда она давно уже превратилась — как мы видели — в пустую форму, перестав быть самой собой, первобытно-коммунистической группой. Мы помним, каковы были те социальные силы, которые при этом поддерживали жизнеспособность этой вышелегированной формы: это были классовые интересы феодального зайсаната, заставлявшего родовую форму служить своим целям. Какова же была, значит, мощь этих классовых интересов, которые не только пронесли через тысячелетия, через все завоевания и погромы родовую организацию, но и делали ее способной многократно поглощать и ассимилировать чуждые пришлые элементы!

Этот процесс ассимиляции отражался, несомненно, и на самом составе зайсаната. Племена, подобные найманам, кыпчакам, телесам, меркитам и др., приходили на Алтай — или жили здесь — со своими племенными князьями и ханами (вспомним появление в 1756 г. зайсана Кагала со своим народом, телесских князей Мандрака, Айдара в XVII в. и др.). По мере превращения племени в род происходило и снижение, так сказать, феодального ранга князя: из племенного хана он становился родоначальником-зайсаном. В рядах новейшего зайсаната должны быть, следовательно, и такие «аристократические» отпрыски.

В свете такого понимания истории рода у алтайцев объясняется тот факт простоты и неразветвленности родовой системы алтайцев, который был нами в своем месте отмечен. Если сложно-разветвленная система родов, наподобие туркменской, может свидетельствовать о живой еще или недавно функционировавшей настоящей жизнедеятельности рода, то чрезвычайно простая структура замкнутых в себе родовых групп, каковы алтайские сёбки, как-раз означает переживание их как некоторых окаменелостей с отдаленных времен в инородной по существу социальной среде.

Итак резюмируем эту часть нашего исследования. Роды на Алтае представляют собой частью обломки более крупных феодальных

образований, в разные эпохи заброшенные сюда историческими событиями, частью же — и в большей части — прямых потомков древнейших социальных делений аборигенов края, однако уже переродившихся в мелкие феодальные единицы и сохранивших до наших дней только свою форму.

Судьба родовых делений, таким образом, с отдаленнейших времен была неразрывно связана с феодальными отношениями. С отдаленнейших времен родовые формы не представляли собой чего-то отдельного от феодальных, а составляли с ними одно целое, форму и содержание единого социального явления. Поэтому и теперь, говоря о родовых и феодальных пережитках в Ойротии, мы вовсе не имеем дела с двумя разными и даже противоположными, как может показаться из названий, явлениями, а с одним и тем же явлением: с *феодално-родовыми* пережитками.

Другими словами, алтайско-хакасский род, как он сохранился до последнего времени, далеко не является непосредственным пережитком первобытнокоммунистического общественного строя. Он является пережитком тех *переродившихся* родовых форм, которые в феодальную эпоху служили формой и орудием классового угнетения. Это, следовательно, как бы пережиток пережитка — пережиток в квадрате.

Повидимому, такова судьба родовых отношений везде, где они сохраняются в классовом обществе. Они могут сохраняться лишь постольку, поскольку они служат классовым интересам феодалов. Везде, где мы имеем сохранившиеся пережитки рода, — на Кавказе, у туркмен, киргизов, казаков, якутов, остяков, в Китае и пр. — мы везде найдем их тесно переплетенными с феодальными элементами. Вне этой обстановки род в классовом обществе едва ли может сохраняться.

8. ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ

Исследуя феодальные отношения на Алтае, мы рассмотрели кратко внешнюю политическую историю феодальных образований этой страны в связи с историей всей Центральной Азии. Мы разобрали, с другой стороны, вопрос о связи феодалов с родовой организацией, из которой они выросли и которую использовали как орудие своего господства. Мы говорили также и о роли политической власти, гарантированной зайсанату царизмом и использованной им (зайсанатом) как орудие власти. Но мы не касались пока самой сущности феодальных отношений в кочевых скотоводческих обществах и в частности у алтайско-саянских народов. Мы ничего не говорили об особенностях феодализма как способа производства в условиях кочевого скотоводческого хозяйства. Мы не вскрыли до сих пор закономерности в становлении феодализма, материальной обусловленности его развития в этих условиях. Нам необходимо теперь поставить вопрос об этой закономерности, чтобы понять до

конца природу феодальных пережитков в изучаемой области и условия их устойчивости.

Чтобы это сделать, нам надо сначала расширить и обобщить конкретный фактический материал по феодальным пережиткам в изучаемой стране. Ставя в начале вопрос о самом существовании феодализма на Алтае, мы взяли тогда зайсанат как самый яркий образец феодальных отношений. Однако, в действительности феодальные пережитки вовсе не ограничиваются одним зайсанатом, они захватывают гораздо более широкий круг отношений. Приучив свой глаз открывать элементы феодализма в этой несколько непривычной обстановке, мы теперь постараемся исследовать их целиком.

Если зайсаны и демичи как общее правило, принадлежали к байскому слою, то далеко не все бай, разумеется, были зайсанами или демичами. Вот богатч Бадья Туушин из рода Кыпчаков, живший в Кенге и на Караколе. У отца его было 22 табуна коней, а у него самого 40 табунов. Вот Аргамай Кульджин (сёёк Майман), живший там же, владевший около 20 табунами лошадей; зайсаном он стал случайно и ненадолго (Запис. в Караколе, 1930 г.). Вот Керек-йох Матыргалов в Ялангаше, вплоть до 1930 года имевший более двух с половиной тысяч голов скота, — и т. д. Какая классовая характеристика приложима к этим богачам?

Мы уже видели, что многие из них могут быть охарактеризованы как простые кулаки-скушники, т. е. как представители сельской буржуазии. Однако капиталистические категории оказываются далеко не полностью покрывающими тот тип отношений, который складывался в хозяйствах этого рода. Отношения эти были гораздо более сложными, и, присмотревшись внимательно, мы найдем и здесь те же элементы феодализма, какие характерны для зайсаната.

Наемный труд далеко не всегда применялся крупными скотовладельцами для обслуживания своих стад и своего хозяйства. В тех случаях, когда он имел место, он чаще принимал скрытые формы службы родственников, воспитания сирот, работы бедняка у бая за харчи и одежду и т. д.¹ Сложность и запутанный характер этих отношений доходили до того, что вопрос о наличии или отсутствии наемного труда в данном хозяйстве порой для самого окружающего населения становился неясным. Богатый материал в этом отношении дают архивы аймачных избирательных комиссий.

Займствуя несколько примеров из материалов Кош-Агачского избиркома.

Дело бая-лишенца Бабака Диятова (Эттонова), Чаган-Узунского сельсовета. Имеет 695 голов скота, из них 52 рабочие лошади,

¹ Как пример, приведу рассказ телянгита Улан-Баира Суразова. Сейчас (в 1932 г.) он член партии и председатель Кокуринского сельсовета Кош-Агачского аймака. До революции же он был батраком у бая Тёрдубека и других баев, всего в батраках жил 17 лет. «Тёрдубек не платил мне ничего, только кормил и давал обноски. Семья у меня не было. Жил в аиле Тёрдубека. Кормил он плохо, одежду давал плохую. Заставлял собирать дрова, пасти овец, за водой ходить. Другие бай тоже не платили, только кормили и давали одежду» (Кокури, 1932 г.).

годовой доход 1233 р. По вопросу об эксплуатации чужого труда имеются разногласия. Сам Бабак пишет в своем заявлении от 12/II 1929 г.: «...Я сам свое хозяйство обслуживаю»... что «я имею вскрытый (sic!) вид эксплуатации... это в корне неправильно». «...Аймачная комиссия, основываясь на том, якобы у меня имеется много скота, а условия не учла, и я могу привести верный пример. У меня скот ходит от моего аила в расстоянии 10 верст называемое место Верх-Ялангаш, и где он обитается (sic) по горам на пролет всю зиму на подножном корму. Я сам езжу через 3—4 дня осматриваю его, а работников я не имею, об этом может подтвердить сельсовет». Тем не менее, на собрании группы бедноты и батрачества было выявлено следующее (протокол собрания): «Диятов имел все время батраков, только это скрывал». «Гр-н Диятов в 28 году держал батрака, которому зарплату платил аккуратно». «Диятов имел родственников как Чугушев Маак и Чугушев Табай, которые работали у него по 3 года, и еще он нанимал на 3 месяца батрака Текова Чекорбая».

О другом бае, Аяне Чолтушеве (Чаган-Узун), на собрании бедняцкой группы говорилось: Чолтушев Аян «как эксплуатировал своего зятя Совлакова Ялбак, который у него жили вместе с женой 3 года. Настоящее же время пользуется чужих трудов сезонными рабочими, притом весной в нынешнем году мучил народ против колхозного строительства. Чолтушев как коренной старый бай пользуется старым авторитетом». И тем не менее аймачная избирательная комиссия нашла нужным отменить лишение Аяна избирательных прав (19/XI 1930 г.); о позднейшем пересмотре этого решения я сведений не имею.

Бай Текен Савин, владеющий 1 285 головами скота (из них 6 верблюдов, 42 рабочие лошади), 1833 р. дохода, пишет в заявлении: «Имея в наличии скот, как-то: баранов, сарлыков и табун лошадей, я не пользуюсь наемной силой и не имею батраков. Хотя у меня находится 14-летний мальчик Каланов Салбак, но он пасет совместно со мной и своих овец (NB). Табун кобыл отпущен на произвол и пасется в местности Ирбисту, пастуха тоже нет, а только иногда смотрит родственник Тёрбёт (NB), сарлыки находятся у родственника Улачи (NB). Словом у меня нет наемных рабочих, и я своими силами и силой своих близких родственников содержу скот. А посему прошу избирательную комиссию...» и т. д. ¹

Скрытое батрачество, которое мы находим в этих примерах и которое состояло в использовании труда призываемых родственников, сирот, бездомных и т. п., без платы, только за пищу и одежду, представляло собой очень распространенное явление среди алтайцев. Но оно, при всей своей патриархальной допотопной внешности, является в значительной мере формой капиталистической или легко

¹ Приведу еще пример из своих опросов. Теленгит Унтай Тельтереков, лишившись отца, был взят дядей, богачом Акчей, который был помощником зайсана. Он жил у него и работал пастухом 8 лет. Акча давал племяннику в год двух кобыл, давал колоть скотину на еду (Чаган-Узун, 1932 г.).

в нее переходит. Ведь здесь имеет место эксплуатация труда производителя, лишенного средств производства. Момент некапиталистический здесь составляет не эта патриархальная внешность, не отсутствие денежной заработной платы, а отсутствие личной свободы эксплуатируемого. Рабочий капиталистической фабрики формально свободен в любой момент ее покинуть. Призываемый баем и эксплуатируемый им бедный родственник или сирота скован по рукам и ногам патриархальными обычаями, привязан к своему хозяину нормами дедовского обычного права. Далекое не всегда он может, хоть бы и хотел этого, уйти от хозяина.

Эти патриархальные обычаи представляли собой, следовательно, как это мы констатировали и для зайсаната, своего рода приемы внеэкономического принуждения, — характерные вообще как раз для феодализма.

Но целым рядом нечувствительных переходов эта полукапиталистическая, полуфеодалная форма эксплуатации связывается с другими, уже феодальными по существу.

В последнем приведенном примере Текена Савина дело шло об эксплуатации мальчика Салбака, который пас вместе с хозяйскими *и своих овец*. Следовательно, этот мальчик есть производитель, не совсем лишенный средств производства, так сказать полупролетаризированный. За кобылами Текена «иногда смотрит родственник Тёрбёт», у которого, видимо, есть и свое хозяйство. То же и с «родственником Улачи», который пасет байских сарлыков. Здесь эксплуатируются самостоятельные или полусамостоятельные производители. Форма эксплуатации — *раздача скота на выпас*, или так называемый «полыш» — форма, еще более характерная для байского скотоводческого хозяйства дореволюционной Ойротии, чем явное или скрытое батрачество.

Упомянутый уже богач Бадья (из Кеньги) из своих коров держал у себя только штук 20, остальных раздавал бедноте по 4—5 коров. Бедняки пасли коров за право доить их (Курата, 1930 г.). Аргамай давал бедноте пасти своих коров и быков. Так поступало едва ли не большинство крупных владельцев стад. Но очень пестрыми были условия выпаса, характер вознаграждения. Пастьба байского скота за право пользования молоком была сравнительно мягкой формой эксплуатации. Более жесткий характер носил обычай отдавать скот на выпас только за пользование кизяком (пометом), употребляющимся для топлива. Эта форма укоренилась в Кош-Агачском аймаке, большей частью безлесном, где вопрос топлива является достаточно острым.

В приводившихся уже материалах Кош-Агачского избиркома этот мотив — эксплуатация чужого труда за кизяк — повторяется не раз. В обращении Аймакисполкома в Облсполком по делу баев братьев Савиных пишется: «Савины Наир и Тамыр — индивидуалы, имеющие большое количество скота, не могут обслуживать такового своими силами без наемных рабочих батраков и бедноты, вследствие чего имеют скрытый вид эксплуатации по пастьбе скота, как-то:

отдачу овец бедняцкой части в пастьбу за то, что бедняки получают от скота «кезек», больше никакой платы не производят, а также обслуживание лошадей и сарлыков передается своим родственникам, которые через бедняцкую часть населения обслуживают таковых...» Тот же Диятов, заявление которого уже цитировалось, с негодованием отрицает применение этой формы оплаты труда. «А Аймачная избирательная комиссия пишет в своем протоколе, что у меня работают бедняки только за «кезек», то я с этим никак не соглашусь и могу доказать, что таких случаев я никогда не делал и не намерен делать».

Распространенность этой сравнительно очень тяжелой формы эксплуатации базировалась, с одной стороны, на тяжелом экономическом положении бедноты, для которой вопрос о топливе в суровом климате высокогорной Чуйской степи,¹ при полном отсутствии леса и при отсутствии собственного скота, стоял очень остро. Но, с другой стороны, здесь, несомненно, играли роль и те неписанные нормы обычного права, которые не позволяли бедняку отказаться от оказания услуг баю, особенно родственнику. Значит, и здесь имела место характерная для феодальных отношений комбинация методов экономического и внеэкономического давления.

Однако нельзя отрицать, что наряду с этими тяжелыми формами «попыш'а» широко практиковались и гораздо более мягкие, патриархальные по существу, а не в кавычках.

Аргамай Кульджин был, как известно, одним из крупных баев, он умел выколачивать из зависимого населения барыш иногда сложными и хитрыми способами.² И тем не менее даже об Аргаме мне приходилось слышать рассказы, рисующие его как человека, который умел маскировать свою деятельность патриархальными формами. По словам алтайцев, этот Аргамай «давал лошадей, коров, семена исполу беднякам. Давал пасти коров, быков. Деньгами давал мало — в те времена деньги не имели большого значения. Он требовал прилежного ухода за скотом. За труды давал 5—6 коров. Так что быть пастухом у Аргамая было выгодно: за год можно было получить в собственность 5—6 коров. Кроме того, в хозяйстве Аргамая были постоянные батраки. Это были как бы члены семьи. За работу он платил, что попросят». (Запис. в Курате, 1930 г.) «Работавшие на Аргамая и Манджу богатели» (там же).

Этот момент патриархальности в отношениях эксплуататора и эксплуатируемого вовсе не объясняется личными моральными качествами первого — тем более, когда мы имеем дело с таким паук, как Аргамай. Напротив, это было достаточно общим явлением в изучаемой нами обстановке. В виду того, что эти явления имеют, как я постараюсь дальше показать, большое значение для понимания самой природы феодализма, в особенности «кочевого», — я приведу еще примеры, характеризующие эти отношения.

¹ Наша экспедиция была там в середине августа (1932 г.), и нам часто не приходилось снимать шуб даже днем.

² Ср. Потапов (г), 41, и др.

По словам алтайцев, даже сам хищный зайсан Семен, повинувшись обычаю, помогал беднякам. «Бедняки приносили Семену белок, за это он давал лошадей, заколоть на зиму. За 20 белок Семен иногда давал целую лошадь» (Мандилу, 1932 г.). Упомянутый выше богач Тюхтеп, у которого «сыновья пастухами ходили», кроме того держал и работников. «Он давал им 4—5 кобыл и их середняками делал» (NB) (Записано М. С. Макаровой, Верх-Майма, 1932 г.).

Эти факты подтверждаются и другими исследователями. «По свидетельству алтайцев, — пишет Швецов, — пастухи (работающие на баев) довольно быстро поправляются, а нередко и богатеют, так как вместо жалованья берут за свой труд скотом, который и пасут вместе с хозяйским». ¹

Таким образом, «полыш» приобретал иногда видимость не столько формы эксплуатации чужого труда, сколько «помощи» бедняку за отработку, а то и прямой «благотворительности», о социальном смысле которой мы скоро будем говорить.

О Степане Таранове рассказывают, что он «в батраки брал и родственников и чужих, платил за работу вещами, скотом, пищей. Кто у него попросит, он все давал, получившие потом ему отработывали в пастухах или другим способом» (Чибит, 1930 г.). Бай, как утверждают, по обычаю не мог настаивать на уплате бедняком долга, но надо заметить, что тот же обычай не позволял бедняку-должнику уклониться от следуемой отработки долга.

«По старому обычаю, говорят алтайцы, бай должен был помогать бедняку, иначе пойдет дурная слава о нем» (Мандилу, 1932 г.). Соболев, ездивший по Алтаю в 90-х годах, замечает, что кочевники «живут дружной семьей, и те, у кого большие стада (а у некоторых в Калмыцкой степи до сих пор еще есть по 2 000 голов рогатого скота), охотно помогают более бедным единоверцам...»² Фактов и сообщений этого рода можно привести достаточное количество.

Смешно было бы объяснять подобные факты моральными качествами баев. Несомненно, что здесь мы имеем дело с закономерным, социологическим явлением. Это сохранение патриархальных отношений, напоминающих о первобытнокоммунистическом строе, в *классовом* обществе имеет определенный социальный смысл. Мы уже знаем, что сохраняющиеся патриархально-родовые традиции служили важную службу как зайсанату, так и байству вообще, как маскировка и одновременно орудие эксплуатации феодального типа. Но это использование баями родовых традиций не давалось им даром. Они окупали его, неся в угоду этим же традициям известные материальные жертвы. Традиции приковывали бедняка к баю, не позволяли ему уйти от эксплуатации, увековечивая власть бая, всеильное положение зайсана. Но эти же традиции не позволяли баям отказываться от помощи бедноте, тем самым, разумеется, еще, крепче привязывая бедноту к баям. Бай слишком *заинтересованы*

¹ Швецов (г), I, 349.

² Соболев, 82.

были в сохранении патриархальных обычаев, чтобы самим их нарушать. Сохранение патриархально-родовой доклассовой традиции, таким образом, приобретает совершенно определенный *классовый* смысл.

Но это не есть еще полное решение вопроса. Классовый смысл фактов, о которых мы говорим, лежит еще глубже, он коренится в самой сущности феодального способа производства.

В самом деле, если феодальный способ производства основывается на эксплуатации *самостоятельного* производителя, то классовые интересы феодалов требуют сохранения этим производителем самостоятельности. Прибавочный продукт, отнимаемый феодалом у крестьянина, относительно меньше прибавочного продукта, получаемого капиталистом от рабочего. В капиталистическом строе возмещение истраченных средств производства происходит за счет прибавочного продукта, необходимый же продукт содержит в себе только возмещение и восстановление рабочей силы. В феодальном обществе, где часть средств производства принадлежит крестьянину, их восстановление должно происходить в крестьянском же хозяйстве, т. е. за счет не прибавочного продукта, а того необходимого продукта, который остается у производителя. Феодала, получающего прибавочный продукт, оно не касается. Но именно поэтому феодал заинтересован в том, чтобы в крестьянском хозяйстве процесс восстановления потребленных средств производства шел нормально, т. е. чтобы идущая на это часть необходимого продукта была достаточна. Иными словами, в феодальном обществе, — разумеется, пока оно не разлагается, — феодал заинтересован в некотором уровне *благосостояния* эксплуатируемого им крестьянина. Оно — залог нормального хода феодальной эксплуатации.

Эта заинтересованность феодала в благосостоянии крестьянина, помноженная на заинтересованность его же в сохранении патриархально-родовых традиций, — все это вместе и дает те факты патриархальных отношений, «мягких» форм эксплуатации, и т. д., вплоть до чистой благотворительности, о которых мы говорили выше. По существу, следовательно, этот патриархальный характер отношений ничуть не нарушает классового феодального уклада того общества, которое мы изучаем.

Но эти-то факты патриархальщины обычно и мешают видеть феодализм там, где он есть. Теперь, распознав самые запутанные, замаскированные его проявления, мы можем тем легче понять и остальные.

Отдача скота на выпас представляет собой, при всем различии внешних форм, не что иное, как феодальную *барщину*, только своеобразно приспособленную к условиям скотоводческого хозяйства. В странах классического феодализма барщинник, обрабатывая своим инвентарем свою землю, обрабатывал им же и господскую. В стране кочевого феодализма бедняк или середняк, пася со своим инвентарем (т. е. верхом на своем коне, со своим седлом, арканом и т. д.) свой скот, пасет с этим же инвентарем и байский. Барщин-

ник-земледелец делал это, юридически, за право пользования землей, которая фактически является его собственной, плюс иногда «прекарные» угодения со стороны хозяина. Барщинник-скотовод пасет байский скот за право пользования частью продукции (квас, молоко, приплод) и за право жить и пользоваться своим скотом, не нарушая традиций.

Можно сравнить польш также и с исполно-отрабочной арендой, которая сама есть не что иное, как прямой остаток той же феодальной барщины.¹

В упоминавшейся уже выше недавней работе Л. П. Потапова «Очерк истории Ойротии» феодальная природа отношений «польша» выяснена с достаточной четкостью. Там приведен и ряд фактических примеров распространенности этой формы эксплуатации.² Наряду с ней Потапов перечисляет и некоторые другие приемы эксплуатации чужого труда, практиковавшиеся алтайскими баями для своих сенокосов и для других работ. Эти приемы тоже представляют собой разновидности отрабочной ренты: это так называемый «тен-үлеш», «ортокто», «айбы-күн».³

Однако преобладание пастбищного кочевого скотоводства в изучаемых районах делало главной и основной формой эксплуатации именно польш — отдачу скота на выпас.

Стоит отметить, что это явление находит себе точные аналогии у других скотоводческих народов, стоявших на сходном уровне развития. Таков «саан» у киргизов, «саун» у казаков, «хасаас» у якутов и пр.

Формы феодального *оброка* (ренты продуктами) не всегда так легко проследить. Он, вероятно, далеко и не всегда имел место.

«Теленгитские бай (иногда) не имели своих покосов», говорил мне теленгит Кузьма Колов. «Им давали сено... Баю давали по 5—10 и больше, до 100 толгоков (жгутов) сена (1 толгок равен в среднем 0,1 кошны), а собирали по 500, по 1 000 толгоков. Бай за это давал продуктами, мукой, сырчиками, иногда давал коня». Повидимому, здесь мы имеем скрытую форму оброка. Ведь и русский и европейский помещик встречали своих оброчников с угодением и подарками, размер которых иногда был и не так мал. Во всяком случае оброк по своему значению далеко уступал отрабочной ренте — барщине.

Перейдем к другим элементам феодальных отношений.

То, что говорилось выше по поводу феодального землевладения в применении к зайсанам, в известной степени относится и к баям вообще. При сохранении общей правовой нормы общинного землевладения, бай на деле нередко захватывал для себя лучшие сенокосные и пастбищные места.

«Где богач, как Дмитрий Дюдин и другие, поставил свой скот, там он бедняков не допускал», говорил мне Степан Ялбачев

¹ Ленин, Развитие капитализма в России, Собр. соч., т. III, стр. 145.

² Потапов (г), 38—40.

³ Ibid., 40—2.

(Кош-Агач, 1932 г.) — «Баи забрали лучшие места здесь, — говорил алтаец-колхозник Семен Уланкин. — Бардамаш Тадыкин захватил земли на реке Чейлю от вершины до устья». У Маскачакова Григория «по реке Карадуру участки были». У Санабая Сулукова «на народной земле по Сараскыру земли были» (Запис. М. С. Макаровой, Куюм, 1932 г.). Об известном богаче Аргамае Кульджине в отчете Алтайской миссии говорится: «Он имеет в разных местах Алтая до 30 заимок. Скот свой он считает тысячами. Все хорошие места по р. Урсулу и ее притокам загорожены им. В летнее время его скот пасется вместе со скотом других калмыков на местах свободных, не загороженных. А в городье он или ставит сено, или же пасет свой скот зимой и весной. Скот же других калмыков в большинстве случаев зиму и весну проводит на вытравленных местах».¹

В этой связи интересно отметить одно обстоятельство. При топографических работах, производившихся летом 1932 г. Госземтрестом в Улаганском аймаке в связи с переводом колхозов на оседлость, корректировка земельных планов 1909—1913 годов обнаружила значительные неправильности в засъемке угодий: целый ряд площадей, лежащих по долинам рек и наиболее богатых травой, оказался на старых планах нанесенным как «голый камень». Ошибка носит явно неслучайный характер. По мнению землеустроителей, несомненно, справедливому, здесь имел место прямой подкуп тогдашних землемеров теми байскими элементами, которым было выгодно скрыть ценнейшие угодья, очевидно, ими захваченные.

Мы уже отмечали выше, в связи с зайсанским землепользованием — а теперь можем это обобщить, — что здесь мы имеем перед собой чрезвычайно важный исторический процесс — процесс становления феодальной земельной собственности, причем этот процесс совершается путем захвата феодалами альменды, общинной земли. Обычное земельное право, основанное на принципе общинного землепользования, оказывается достаточно широким, чтобы дать место этой зарождающейся феодальной собственности. Последняя не создает еще своих специфических феодальных правовых норм. Однако это объясняется не тем, что мы имеем дело с *ранними* формами феодализма (как мы увидим, это не совсем так), а тем, что при скотоводческом экстенсивном хозяйстве, при обилии земли, борьба за земельные угодья далеко не везде должна была возникнуть. Чтобы еще более обобщить это, в связи с общей закономерностью процесса феодализации в кочевых скотоводческих обществах, можно сказать, что феодальные отношения *складываются* здесь не на почве захвата земли, как в странах классического феодализма, а на почве концентрации в руках феодалов *скота* как главного средства производства. Захват же земли происходит уже в рамках сложившихся феодальных отношений и в данном случае представляет собой момент вторичный, а не основной для феодализационного процесса.

¹ Отчет Алтайской миссии за 1909 г., стр. 39.

Очень любопытным фактом является то, что элементы той феодальной *политической* власти, которую мы нашли в руках зайсанов и демичей, оказывается, были не совсем чужды и байству вообще. Разумеется, это относится в первую очередь к более отдаленным глухим районам, подальше от русских властей, где сильнее сохранились старые традиции, особенно в Чуйском и Улаганском районах. «Богач, хотя и не зайсан, имел власть, мог драть за воровство и т. п.», говорят алтайцы (Кош-Агач, 1932 г.). Орудием этой власти служили, очевидно, как экономическое могущество бая, так и его поддержка зайсаном. Мы уже видели, что зайсан всегда «держал сторону богачей», почему и найти управу у зайсана на бая было довольно трудно. Но здесь играла роль и та же патриархальная традиция, которая не позволяла спрашивать о границах полномочий бая, считавшегося чем-то вроде отца и благодетеля для народа. В то же время, наконец, и та вооруженная сила, которую, как мы помним, пускали в ход зайсаны для захвата скота и женщин, была в распоряжении и других сильных и богатых людей (Сообщ. секретаря АПК в Кош-Агаче т. Тадышева, 1932 г.).

В общем итоге стираются резкие грани между феодальным зайсаном и байством вообще. Феодальный характер оказывается в большей или меньшей степени свойственным всей изучаемой обстановке — обстановке, сохранявшейся в алтайском обществе XIX в. и начала XX века. Феодальная среда была более или менее однородна, а зайсанат был только наиболее ярким ее пятном. Тем самым еще меньшее значение должны мы придавать непосредственному влиянию царской административной системы на консервацию феодальных пережитков, поскольку эта система затрагивала один зайсанат. И тем настоятельнее становится потребность дать социологическое объяснение изучаемым фактам.

Теперь мы можем во всей полноте поставить вопрос о материальной обусловленности феодальных отношений в изучаемой стране, о закономерности их развития и сохранения до поздних времен.

Эта закономерность раскрывается в анализе *кочевого скотоводческого хозяйства*, тесно связанного с *натурально-хозяйственным укладом*.

Энгельс (в «Происхождении семьи, частной собственности и государства») совершенно правильно связывал с развитием скотоводства в Старом Свете ряд общественных перемен, знаменующих собой переход от первобытнокоммунистического к классовому обществу. Он указывал в этой связи на количественный рост и большее разнообразие потребительных благ у народов, перешедших к скотоводству, на развитие межплеменного, а затем и внутриплеменного обмена, возникновение классов эксплуататоров и эксплуатируемых, частную собственность на средства производства (скот).

Едва ли могут быть сомнения в правильности этой схемы. Именно скотоводство, а не земледелие, сыграло решающую роль в странах Центральной Азии в процессе становления классового общества.

Земледелие, местами, правда, очень древнего происхождения (на что указывают остатки оросительных каналов в долинах Чуи, Балкауса, Чулышмана, в Минусинской степи), играло однако в изучаемой стране лишь подсобную роль. Богатая культура хакасов IX—X вв., основанная на расцвете земледелия и ремесел, была сравнительно кратковременным и местным эпизодом в истории народов Саяно-Алтая, да и всей Центральной Азии. Богатые памятники бронзовой, а затем и железной эпох в Минусинском крае и на Алтае говорят о том, что этот огромный подъем культуры по сравнению с неолитической эпохой, подъем, связанный с классовой дифференциацией, был основан именно на скотоводческом хозяйстве.¹

Многим еще непонятна вся глубина указания Энгельса о роли скотоводства в становлении классового общества. Ведь необходимой предпосылкой распада первобытного коммунизма был такой рост производительных сил, при котором стал появляться постоянный прибавочный продукт. Но до тех пор, пока последний выступает в форме только средств потребления, он не может стать основой имущественного расслоения внутри общины. Накопление средств потребления было знакомо и родовому строю: вспомним Меланезию, северо-западные племена Америки и пр.: в этих странах накопление имущества играло в общественном строе немалую роль. Но такое накопление имело всегда свой весьма ограниченный предел в невозможности широко использовать накопленные блага в их потребительной форме. Отсюда обычай типа «потлач», — раздаривания и уничтожения накопленного.

Скотоводческие народы оказались в этом отношении в особых условиях. Основное их имущество — скот — является в одно и то же время и продуктом хозяйства (предметом потребления), и средством производства. Для скотоводов поэтому переход от присвоения предметов потребления (свойственного еще первобытно-коммунистическому обществу) к присвоению средств производства в частную собственность совершался как бы сам собой. В этом — совершенно особое значение скотоводческого хозяйства в роли человеческого общества, вполне оправдывающее ту роль, которую ему отводил Энгельс. Никакая другая форма хозяйства не дает такого единства средств потребления и средств производства.

Но в силу каких причин стада домашних животных стали скапливаться в руках отдельных лиц и семей, давая этим самым начало имущественному неравенству, а затем и классовому расчленению?

При установившейся уже частной собственности на скот всякое неравномерное распределение имущества имеет тенденцию закрепляться и возрастать, ибо все естественные причины действуют в данном случае в пользу владельца крупных стад. Прогрессия роста крупного стада превышает таковую для мелких стад, а всякий падеж скота, эпизоотия, бескормица, гибель его от хищных зверей и т. д. — всегда сильнее поражают малоимущего владельца.

¹ Теплоухов (а), 75, 101 и др.; (б) 42, 45—46, 49 и др.

Таким образом, для бедного скотовода всегда больше риска разориться, а для богатого больше шансов разбогатеть еще более. Иными словами, это означает устойчивость сложившихся имущественных различий.

Но этот естественный, т. е. абстрактный сам по себе фактор действует лишь там, где имеются известные социальные условия для этого, т. е. где устанавливается индивидуальное присвоение стад и неравное их распределение. Откуда возникает то и другое?

«Мы до сих пор ничего не знаем, — писал Энгельс, — насчет того, как и когда перешли стада из общего владения племени или рода в собственность глав отдельных семей. Но в основном переход этот должен был произойти на этой ступени развития». ¹ К сожалению, и сейчас еще наши знания по этому вопросу не более точны. Можно сказать с уверенностью только то, что, во-первых, этот процесс был связан с разложением рода: «С получением стад и остальных новых богатств семья пережила целую революцию»; эта революция состояла в падении материнского права и в развитии патриархальной семьи. «Отдельная семья сделалась силой и угрожающе поднялась против рода». ² Во-вторых же, все это было звеньями огромного процесса становления классового общества, основанного на частной собственности. Присвоение собственности в виде стад скота было решающим этапом в возникновении первых форм классовых отношений.

Почему мы можем считать, что таким путем у народов Центральной Азии устанавливались именно *феодалные* отношения?

Энгельс, говоря о ходе общественного развития в целом, считал первым типом классовой дифференциации, связанной с описанным выше процессом, разделение общества на господ и рабов, т. е. рабовладельческий строй. Захваченные на войне пленники стали использоваться в качестве рабов, потребность в которых была вызвана ростом производительности труда. ³ Подобно этому и Ленин говорит о рабовладельцах и рабах как о первой классовой формации, через которую проходило «громадное большинство» народов. ⁴ Ни Энгельс, ни Ленин, однако, не утверждали, что рабовладельческий строй есть стадия, проходившаяся всеми без исключения обществами. Если Энгельс, говоря о ходе европейской истории в целом, прослеживал смену доклассового общества рабовладельческим и лишь затем феодальным, то для германцев он сам показал, как разложение родового строя приводит непосредственно к развитию феодализма. ⁵ Роль рабства, как первой формы деления общества на классы, была велика и у германцев, но у них это рабство не доразвилось до ступени господствующего способа производства. Значит, дело сводится к своеобразию исторических условий.

¹ Энгельс, Происхождение семьи... Партиздат, 1934 г., стр. 140, 141.

² Ibid. 141.

³ Энгельс, *op. cit.*, 140.

⁴ Ленин, Лекция о государстве. Собр. соч., изд. 3-е, т. 24., стр. 365—366.

⁵ Энгельс, *op. cit.*, 92—97 и др.

которые в одних случаях приводили к развитию античного способа производства, а в других — рабство, хотя и разлагало родовую коммуну, но само не складывалось в господствующую формацию, а лишь расчищало дорогу феодализму. На это своеобразие исторических условий указывал и Маркс, говоря о развитии рабских отношений в античном мире.¹ Таким образом, вопрос о том, проходил ли данный народ стадию рабовладельческого способа производства или нет, — должен решаться каждый раз на основе конкретного фактического материала.

Фактически о существовании рабства в Центральной Азии известно начиная с очень древних времен. Оно было связано с войнами, доставлявшими победителям рабскую силу.

О хуннах эпохи II—I вв. до н. э. китайские хронисты писали: «Пленные и мужчины и женщины поступают в неволю, и по сему на сражении каждый воодушевляется корыстью». ² Но в целом общественный строй хуннов уже в эту эпоху носил, повидимому, феодальный характер (см. выш. стр. 75).

Не особенно ясны упоминания о рабах в эпоху тугю в Орхонских надписях. Каково значение терминов «кул» и «күн», обычно переводимых «раб» и «рабыня», — по контексту чрезвычайно трудно сказать. ³ Возможно, что в тексте памятника имеются в виду лишь даннические отношения.

Военные походы чингисидов вызвали особенный расцвет рабства. Целыми толпами уводили побежденных в рабство монголы. ⁴ Рабским трудом в значительной степени обслуживались скотоводческие хозяйства их князей и богачей. ⁵ «Когда русские не могут дать больше золота или серебра, — говорит Рубрук, — татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных». ⁶

Но уже из последних слов видно, что рабовладельческие отношения существовали в ту эпоху бок-о-бок с феодальной эксплуатацией путем обложения покоренных данью. Более внимательное изучение памятников этой эпохи показывает, что отношения феодального типа и здесь господствовали над рабскими. ⁷ Рабство имело значение по преимуществу для самой верхушки чингисхановского общества, в основном же это общество было построено на эксплуатации самостоятельного производителя, на выкачивании из него прибавочного продукта в виде феодальной дани и оброка. «Как в Сирии поселяне дают третью часть плодов, — говорит тот же Рубрук, — так татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье

¹ Маркс, Письмо в редакцию «Отечественных Записок», см. Маркс и Энгельс, Письма, 2-е изд., 1923 г., стр. 166.

² Иакинф (б), I, стр. 17.

³ Мелиоранский, 65, 69, 70.

⁴ Плато Карпини, 32—34, 36—37.

⁵ Рубрук, 95.

⁶ Ibid., 86.

⁷ Б. Я. Владимирцов считает, что «по условиям кочевого быта, настоящих рабов, повидимому, Монголия, в большинстве случаев, не знала» [Владимирцов (б), стр. 168].

молоко каждого третьего дня». «Важные господа имеют на юге поместья, — читаем в том же памятнике, — из которых на зиму им доставляется просо и мука». ¹

Еще яснее виден этот подчиненный характер рабовладельческих отношений в памятнике ойротского права XVII в. — в законах 1640 г. При отчетливо выраженном феодальном строе общества мы находим здесь и рабство, но в довольно мягких формах. ²

В русских источниках этой эпохи, по изучаемой нами области, мы находим не раз упоминания о захвате пленных при военных набегах (ср. выше, стр. 44—45). Можно думать, что таким путем в руках феодалов-победителей скапливалось много рабской рабочей силы, но источники не дают представления о характере и значении этих рабских отношений.

Само русское завоевание должно было усилить, по крайней мере, в раннюю эпоху, в XVII и XVIII вв., распространение рабства среди господствующих слоев туземного населения. Правда, главными рабовладельцами при этом выступали сами же русские власти. Характерна, напр., в этом отношении сохранившаяся челобитная известного енисейского воеводы Афанасия Пашкова, где он пишет: «...Да я ж, холоп твой, будучи на твоей государеве службе в Енисейском остроге, покупал волных колмыцких и братцких (бурятских, *С. Т.*) неясашных некрещеных людей, и их крестил, а иных у себя в домишку поженил...»: воевода просит пропустить его жену и детей «и с теми моими людишками» из Енисейска в Москву. ³ Но эти отношения проникали и в известные слои местного населения, особенно в связи с тем, что отдельные его группы участвовали, в союзе с русскими, в военных походах против «немирных» племен. В одном документе 1648 г., напр., говорится о походе из Красноярска русских казаков, «и татар, и качинцов, и аринцов, и канских татар, воевать в Брацкую землю». Результатом похода был увод в плен большого количества бурятских женщин и детей. После этого буряты приходили просить о выкупе своих пленных, но предлагали на выкуп недостаточную, по мнению победителей, сумму — по 20—40 соболей за голову. «А тотарове, государь, качинские и аринские менши полутораста соболей рослых на окуп полоненика не отдают, а служилые люди просят по 2 сорока рослых соболей...» ⁴ Аппетиты туземных «рабовладельцев», как видим, были даже выше,

¹ Владимирцов (б), 75.

² «Кто убьет своего раба, с того взять 5 девятков; кто убьет рабыню, с того взять 3 девятка» (Голстунский, стр. 41). Упоминается еще наказание за изнасилование рабыни — 1 лошадь (в 9 раз меньше, чем за насилie над свободной женщиной) (*ibid.*, 49). В перечне поступков, за которые назначаются награды, мы находим «спасение раба», за которое, как и за спасение панцыря, дается в награду 1 голова скота, тогда как за спасение свободного человека (от пожара, воды и пр.) дается 5 голов скота (*ibid.*, 47). Наконец, одна статья запрещает принимать на суде свидетельство рабыни, кроме как с вещественными доказательствами (*ibid.*, 54). Это все, что мы имеем о рабстве в Ойротском судебнике.

³ Сиб. прик., ст. № 471, л. 197.

⁴ Сиб. прик., ст. № 377, лл. 130—131.

чем у русских казаков. Но и из этого, и из некоторых других текстов видно, что, пожалуй, главной целью захвата рабов было получение выкупа. Значит, и здесь рабовладельческие отношения выступают лишь как подчиненный, далеко не господствующий уклад.

Из этого видно, что если рабовладельческий способ производства в Центральной Азии существовал когда-либо в качестве господствующего, то это могло быть лишь в ту отдаленную эпоху, от которой до нас не дошло письменных памятников. Если это было так, то материальные условия производства, послужившие основой для господства рабовладения, должны были отличаться от позднейших. Но возможно, что уже с самого начала разделения общества на классы в азиатских степях развитие рабства привело к господству феодальных отношений.

Во всяком случае особенности того экстенсивного кочевого скотоводства, которое сохранилось до наших дней, могли создать и создали условия развития именно феодальных отношений, как господствующих. Эти особенности и эта связь их с феодализмом нас ближайшим образом и интересует.

Одним из основных способов использования чужого труда крупными скотовладельцами была в последнее время, а еще более очевидно, в прежние времена, раздача скота мелким хозяевам на выпас. Эту форму мы признали аналогией крепостнической барщины и феодално-отрабочной аренды. Обусловленность этой формы эксплуатации натуральным укладом кочевого скотоводства ясна сама собой. С одной стороны, при отсутствии рынков сбыта, крупному скотовладельцу нет ни смысла, ни возможности держать при себе свои непрерывно растущие стада, продуктов которых он все равно потребить целиком не может. С другой стороны, привлечение наемной или иной посторонней рабочей силы для непосредственного обслуживания стад в своем хозяйстве должно было сталкиваться с трудностями: за исключением отдельных разорившихся мелких хозяев да рабов, приток которых едва ли был достаточно регулярным, рынок рабочей силы был пуст. В этих условиях наиболее целесообразным способом использования скота была раздача его мелкими партиями в пользование мелким же хозяевам («держателям», говоря феодальным языком). Этим одновременно достигалось несколько результатов: 1) сохранность стад и уход за ними, 2) получение части приплода, шерсти и других продуктов и 3) экономическое и политическое подчинение «держателей» феодалу, создание значительных групп зависимого от него населения.

Наряду с этим существовало все же и использование чужого труда в самом хозяйстве феодала. Как мы видели, даже в недавнее время этот труд сравнительно редко был наемным трудом, характерным для капитализма. В эпоху господства феодализма роль последнего и подавно была ничтожной. В феодальном скотоводческом хозяйстве применялся труд сирот, бедных родственников, обедневших так или иначе мелких хозяев и (за исключением последнего времени) рабов. Последние аналогичны *сервам* европейского (ран-

него) феодализма, а неимущие хозяева, принужденные служить пастухами у богача, аналогичны хотя бы бордариям и коттариям феодальной Англии. Отсутствие денежной платы этим пастухам, косцам и т. п., живущим в хозяйстве феодала, вполне понятно при натуральном укладе, довольствование же пищей, одеждой, кровом этой порой многочисленной домашней «челяди» феодала было, с точки зрения последнего, наиболее рациональной формой потребления массы продукта в его натуральной форме.

Такое «ойкосное» хозяйство феодала-скотовода еще более расширялось благодаря практике благотворительности, свойственной изучаемой социальной среде и налагающей на нее отпечаток патриархальности, о чем мы уже говорили. По традиционным обычаям, бай не отказывал бедняку в просимом, — давал овцу, корову и т. п. Об обязательном гостеприимстве, обычае угощать всякого вошедшего в юрту, нечего и говорить. Все это — вполне закономерное порождение натурально-хозяйственного скотоводческого уклада, не знающего развития обмена, рынка сбыта для своих продуктов. На эту клиентелу, на эту челядь, на это экономически зависимое население опиралась мощь феодалов-скотовладельцев.

Итак все формы «барщины» в изучаемых условиях полностью разъясняются из натурального скотоводческого хозяйства. Но формы «оброка» им объясняются лишь в слабой степени. Мы, правда, видели, что алтайские байы иногда заставляли население заготавливать для них сено, топливо. Однако это не могло иметь большого значения при наличии других перечисленных выше форм присвоения чужого труда. «Рента продуктами» — в виде оброка, дани, ясака — приобретает большое значение тогда, когда мы перешагиваем границы чисто-скотоводческого хозяйства.

Последнего в чистой форме никогда и не существовало. Не говоря о подсобном земледелии, большое значение во все времена в изучаемых областях имел охотничий промысел (рыболовство — только местами). Известное развитие получили и ремесла, о чем мы будем говорить дальше. Охота — на данной ступени уже главным образом пушная — вносила немаловажный корректив в натурально-хозяйственный уклад народов Центральной Азии, разнообразия их потребности, стимулируя обмен. Продукты пушного промысла шли на потребу, главным образом, господствующих классов, и эти-то продукты и составляли главный предмет ясака — дани.

Уже ранние памятники говорят о потреблении драгоценных мехов господствующими классами. В Улаганском царском погребении имеются изделия из меха. По китайским источникам, у хакасов богатые люди одевались в соболя и рысьи меха.¹ Чингисиды получали драгоценные меха из покоренных земель, в особенности северных: России, Приуралья и др.; в эти дорогие меха, по словам Рубрука, одевалась знать, тогда как бедные носили шубы из собачьего и козьего меха.² Эту дань мехами покоренное зависимое

¹ Пакипф (6), I, 445.

² Рубрук, 76.

население платило впоследствии Алтын-ханам, киргизам, калмыкам-ойротам, китайцам и русским.

«Да говорили де кыргызы и качинцы, — читаем в одном документе: — емлют де с нас Алтыновы люди ясаку на Алтына царя по 5 соболей с юрты, да на дву Алтыновых братьей емлют по соболю с юрты, да с нас же де емлют по 100 лошадей на год»...¹ «В Кыргыскую землю и в Тубу, писал в 1644 г. красноярский воевода, — приезжают калмаки и мугалы, и емлют с кыргыских людей и с тубинцов ясак неокладной, с 10 скотин емлют 10-ю скотину сверх мяжкой рухляди, соболей и лисиц и бобров и кошкоков».² Феодалы брали со своих кыштымов, как видим, дань и скотом (конями), но главным видом ясака была пушнина.

Платилась ли дань — ясак — мелким или крупным феодалам, ее феодальный характер от этого не изменялся. Но для наиболее крупных феодалов эта дань нередко покрывала собой все отношения к ним зависимого населения определенной страны. Все обязанности покоренной страны по отношению к завоевателю исчерпывались в большинстве случаев уплатой ему регулярной дани (если не считать еще требовавшейся спорадически от зависимых племен военной помощи — «auxilium»). Она — дань — и служила показателем политического подчинения данной страны завоевателю и, следовательно, масштабом территориального распространения его власти. При этом, как общее правило, власть завоевателя не затрагивала внутренних дел покоренных народов и племен: поверх имевшейся там феодальной верхушки просто надстраивалась другая, более мощная — и только.³

Мы пришли здесь, таким образом, к характеристике той замечательной феодальной *иерархии*, которая составляет существенный признак феодализма как в его классической, так и в его «кочевой» вариации. Низшие феодалы — родовые старшины, беки — стоят в зависимости от племенных князьков (тайшей, зайсанов, каганов). Те в свою очередь подчиняются вместе со своими племенами более крупным владетелям, объединяющим группы родственных племен. Наконец, во главе этой вассальной лестницы возвышается династия крупных завоевателей — цари хуннские, тугю'ские, монгольские, китайские и пр.

Яркую характеристику этой вассальной иерархии у кочевников дает Иакинф Вичурин. «У кочевых народов под *поколением* разумеется владетельный княжеский дом и княжеский удел, которым он

¹ Сиб. прик., ст. № 136, л. 754.

² Ibid., л. 722.

³ В 1237 году «Идикут, государь уйгурский, склонился на сторону Чингис-хана...; в то время уйгуры давали дань Гур-хану (кара-китайскому), и старший бек из беков его находился над ним в виде правителя» «... После сего я отдаю всю страну Уйгурскую и становлюсь слугою и сыном Чингис-хана», сказал Идикут. (Рашид-Эддин, 10—11.) «Сей Калмыцкой народ, — читаем в записке Унковского 1724 г., — до Боштуханова владения не под единою властью были, но многие особливые тайши над помянутыми народами властвовали; а Боштухан многих под свое владение привел» [Унковский(а), 195].

владеет под зависимостью от хана, как верховной главы народа. *Родом* называется боковая линия родственников владетельного князя и часть удела, отделенная для содержания оной. Сим образом Монгольский народ делится на поколения, поколения на роды». ¹ Примеры этих вассальных отношений могут быть в любом количестве собраны в исторических известиях о взаимоотношениях кочевых народов Центральной Азии. Так, если взять сравнительно позднее время, то из одного документа, относящегося к 1701 г., видно, напр., что роды Езерской и Тубинской земель (очевидно, со своими родовыми старшинами, башлыками) платили дань езерскому тайше Шорло Мергеню. Шорло, вместе с другими киргизскими князьями, подчинялся калмыцкому зайсану Абе, а Аба в свою очередь был вассалом Джунгарского контайши». ²

В цитированном уже более раннем документе 1644 г. говорится о качинцах, бывших в зависимости от киргизских князцов, которые, в свою очередь, заявляли, что «мы де ево Алтыновы люди и ясак платим Алтыну царю», — и на это обстоятельство ссылались, объясняя свой отказ отправить качинцев на их старые кочевья. ³ Любопытно, что сами качинцы вынуждены были платить ясак и своим непосредственным «сеньорам», киргизским князькам, и сюзерену последних — Алтын-хану. «Алтыновы люди и кыргызы, — говорили качинцы, — емлют с нас на себя ясак силно неволю...» ⁴ Точно так же «керсагальские люди» считались, по данным того же времени, «контайшины кыштымы», но непосредственным их сеньором был вассал контайши, князец белых калмыков Кока Абаков. ⁵

В 1651 г. в Томск явился «Чекура тайши тархи Самарган-Ирги улусной мужик» с поручением от этого вассала (тархи) князца Чокура — просить о постройке на слиянии рр. Бии и Катунь крепости: если крепость будет построена, то «Чокуров де тарха Самарган-Ирги велит давать тебе, государю, ясак точам и мугатам и саянам...» ⁶ Здесь перед нами три названные племени (точь, мугаты и саяны) выступают, как кыштымы Самарган-Ирги, который сам является «тархой», вассалом князца Чокура-тайши. ⁷ Но последний в свою очередь был вассалом контайши. Таким образом, тут выстраивается 4-ступенная лестница феодальной иерархии, — пример, мало чем уступающий самым классическим образцам французской средневековой сеньериальной лестницы.

¹ Иакинф (а), ч. 8, 284, прим.

² «... И езерской князец Шорло Мергенъ тайши (тайша) учал говорить: по указу де контайши и по приказу Абы зайсана, велено ему за всех Киргиз быть в посольском ответе; и он де Шорло с киргизскими князцами о посольском договоре советывал» (Пам. Сиб. истории XVIII в., I, 182—183). В дальнейшем сюзерен этой феодальной лестницы меняется: Шорло обещал давать ясак «с езерских и с тубинских кыштымов со всех улусов, с трех сот луков в казну великого государя» (русского): *ibid.*, 183.

³ Сиб. прик., ст. № 136, лл. 753—754.

⁴ *Ibid.*, л. 754.

⁵ *Ibid.*, л. 496.

⁶ Доп. к АИ, т. 3, стр. 319—320.

⁷ А. И., т. 4, стр. 59.

Процесс завоевания и освоения Россией Алтайско-Саянского нагорья был в то же время и процессом ликвидации промежуточных ступеней этой феодальной иерархии, — т. е. процессом *иммедиатизации*, аналогичным происходившему в Европе с XIII по XVIII (и даже по XIX) век. Телесские, телеутские, киргизские племенные князцы исчезли или превратились в зайсанов и башлыков дючин, управ и волостей. Тем не менее несколько *низших* ступеней этой старой феодальной лестницы осталось. «Каждая дючина или волость составляет особый род, управляемый зайсангом, которому подчиняется один или два демича; каждый демич имеет в ведении своем 2 или 3 шуленгов, которые в свою очередь начальствуют над десятниками или арбанаками... Право начальства между калмыками — наследственное, исключая десятников». ¹ Вплоть до 1913 г. эта субординация зайсанов, демичей, шуленг и т. д. — остаток феодального вассалитета — продолжала существовать на Алтае.

Вся эта система феодальной иерархии, вплоть до ее только что названных реликтов, составляет, следовательно, вполне закономерный продукт типично феодального способа эксплуатации, в виде ренты продуктами, т. е. дани. Но господство натуральнохозяйственного уклада, пока оно сохранялось, не давало большому массам присваиваемого прибавочного продукта (дани) продельвать весь путь с нижних до верхних ступеней феодальной лестницы. До верхушки доходила лишь его небольшая часть. В цитированном выше месте из Иакинфа, где говорится о делении кочевых государств на «поколения» (княжества) и «роды» (более мелкие уделы), сейчас же вслед за этим мы читаем: «Хан, имея собственный удел, не касается доходов с посторонних уделов; владетельный князь, имея собственный участок в своем удельном владении, не касается доходов с поместий родовичей. В военное время хан, князья и родовичи обязаны содержать свои участки воинов на своем иждивении». ²

В этой системе распределения феодальной ренты мы узнаем характерный и для европейского феодализма сеньориальный порядок.

По существу здесь дело сводится к оседанию большей части прибавочного продукта на низших и средних ступенях феодальной лестницы. Вытекающая с неизбежностью из господства натурально-хозяйственных отношений, этот порядок обуславливал крайне слабое сцепление между соподчиненными частями феодальных государственных объединений.³ Отсюда — их неустойчивость, частые распададения.

Здесь мы опять затронули очень существенную черту феодального строя кочевых скотоводческих обществ, без понимания которой нельзя до конца уяснить себе всех особенностей докапиталистических пережитков, которыми мы занимаемся. Эта черта, общая, впрочем, «кочевому» феодализму с классическим (до известной степени) в его ранних формах, состоит в неустойчивости, слабой

¹ Горохов, 204.

² Иакинф (а), 284, прим.

связанности крупных политических объединений, в частом перемещении центров политического тяготения. В китайской «Записке о монголо-татарах» XII века говорится, что «на севере (т. е. у кочевников) царства то простираются на тысячу, то на сто миль (ли), то усиливаются, то падают, и гибнут без всякого постоянства». ¹ Из проделанного нами выше сжатого обзора политической истории кочевой Центральной Азии видно, как неустойчивы были складывавшиеся по временам крупные политические объединения кочевников: царства хуннов, усуней, жуужаней, тугю, уйгуров, и многих других. Еще чаще происходили мелкие перемещения политических центров, усиления и падения мелких княжеств, самые названия которых было бы трудно перечислить.

Маркс подчеркивал «резкий контраст» между поразительной устойчивостью и неподвижностью экономической структуры «азиатских обществ» и «постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий». «Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики», говорит Маркс (Капитал, т. I, М., 1930 г., стр. 270—271).

Это характерное явление не раз отмечалось и буржуазными историками, которые однако никогда не могли дать ему достаточно глубокое объяснение.

Так, Н. А. Аристов видит здесь результат борьбы двух тенденций: к единству и расчленению, — тенденций, свойственных патриархально-родовому быту. ² В. В. Бартольд, хотя и критиковал точку зрения Аристова, но сам тоже объяснял распад крупных государств кочевников — в частности чингисхановского — господством идеи «родовой собственности», т. е. вернее, родовой замкнутости. ³

Тенденция к обособлению отдельных частей кочевых государств связана, конечно, с патриархально-родовым бытом, вернее, — с натурально-хозяйственным укладом в этих государствах, хотя материальные причины этого названными историками не вскрыты. Что же касается объединительных тенденций, то корни их совершенно не раскрыты цитированными авторами. Слова Аристова, что крупные государства кочевников возникали «вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему

¹ Васильев, 219.

² Аристов, 283—284.

³ Бартольд (а), 118—119. Глубже смотрит на эти явления Б. Я. Владимирцов, который в своей посмертной работе «Общественный строй монголов» пытается вскрыть конкретные причины распада Чингисхановской империи и позднейшего ее дробления на все более мелкие части: Владимирцов (б), 148, 150—151, 154—155. Но, резюмируя этот анализ, он ограничивается мало говорящей формулой: «монгольская империя распалась и должна была распасться на отдельные независимые части, главным образом, потому, что основана была не только на родовом, но и на феодальном принципе» (ibid., 124, ср. 125). Владимирцов не заметил, что вопрос в том и состоит, чтобы понять, что же это за «принцип»?

влиянию роды своего племени и покорить остальные племена,»¹ — разумеется, не есть объяснение.

Глубокое понимание закономерности того явления, о котором идет речь — неустойчивости феодальных (в данном случае кочевых) государств, смены господства отдельных политических центров — может быть достигнуто только при раскрытии *внутренней противоречивости феодального способа производства*.

Рост материальных производительных сил при скотоводческом хозяйстве, выражающийся в увеличении стад, возможен в гораздо больших пределах, чем это имеет место в первобытном охотничье-рыболовно-собираательском хозяйстве. Этот рост и создает появление того прибавочного продукта, с которым связана самая возможность классового расчленения и феодальной эксплуатации. Тем не менее, при экстенсивном характере кочевого пастбищного скотоводства рост производительных сил — рост стад — рано или поздно наталкивается на свой естественный предел. Этот предел обусловлен, с одной стороны, периодическими, при данной форме хозяйства совершенно неизбежными случаями гибели скота от бескормицы (зимней, весенней, осенней), от снежных буранов, от болезней, от хищных зверей. С другой стороны, если эти факторы на известное время перестают действовать, размножившийся скот рано или поздно перестает находить для себя достаточно пастбищ. Это ведет в свою очередь к столкновениям родовых и племенных групп, войнам, перекочевкам и миграциям, и в конце концов естественное равновесие между природными ресурсами и производительными силами восстанавливается. Таким образом, количественный рост производительных сил скотоводческих народов на *данной* территории каждый раз ограничен сравнительно узкими пределами. Но это означает не что иное, как чрезвычайно ограниченные возможности *расширенного воспроизводства*, т. е. увеличения эксплуатации. Производство «абсолютной прибавочной стоимости»² сжато исторической ограниченностью хозяйства пастушеских народов. Но производство «относительной прибавочной стоимости» возможно на этой ступени в еще меньших пределах благодаря отсутствию технического прогресса. Поэтому единственно возможной формой расширенного воспроизводства, т. е. увеличения прибавочного продукта в руках феодала, является в этих условиях *экстенсивный* рост этого производства, т. е. *территориальное расширение сферы эксплуатации*.

Отсюда с железной необходимостью и вытекают все завоевания, которыми полна история пастушеских народов. Эти завоевания — форма расширенного воспроизводства в феодальном обществе, в особенности при кочевом скотоводческом хозяйстве. Эта политическая экспансия есть, таким образом, проявление имманентного свойства феодального способа производства.

Но внутренняя противоречивость последнего состоит как раз

¹ Аристов, 284.

² Если позволительно воспользоваться этой аналогией с капиталистическим способом производства.

в том, что из сущности этого же способа производства вытекает, как мы уже видели, невозможность создания широких и прочных политических объединений. При господстве натурального хозяйства постоянное оседание массы прибавочного продукта на низших и средних звеньях феодальной системы ослабляет ее верхушечные звенья и тем самым кладет каждый раз предел экспансии. И это свидетельствует лишний раз о том, что расширенное воспроизводство, о котором только что говорилось, свойственно феодальному обществу лишь в крайне ограниченных размерах.

Необходимо заметить, что указанные явления представляют собой не что иное, как особую форму классовой борьбы, — которая вообще является основной движущей силой развития всякого классового общества. Непосредственное проявление этой борьбы здесь — это борьба за раздел прибавочного продукта, т. е. противоречия внутри класса феодалов. Несомненно, это лишь производная и подчиненная форма классовой борьбы, но она тесно связана с борьбой классов в тесном смысле слова. Мы, правда, мало знаем об истории сопротивления закрепощаемого крестьянства, о крестьянских восстаниях в истории народов центральной Азии, — источники, как правило, молчат об этих фактах, но мы вправе предполагать, что в целом ряде случаев, когда в истории говорится, напр., об отпадении отдельных племен от крупных кочевых государств, — за этими фактами стоит в действительности борьба крестьянства против феодалов. В кочевых скотоводческих обществах Центральной Азии эта борьба не могла, конечно, принимать таких развитых форм, как крестьянские восстания эпохи разложения феодализма в Европе. Именно поэтому эту борьбу сплошь и рядом могли возглавлять мелкие местные феодалы, и все движение, таким образом, получало видимость простого распада крупной империи на мелкие уделы. Классовая борьба действовала здесь, как скрытая, но движущая пружина истории.

Обратное явление — процесс централизации, — которое мы только что объясняли исходя из закона воспроизводства в феодальном обществе, — есть, с другой стороны, точно так же результат классовой борьбы. Если всякое государство есть аппарат насилия в руках господствующего класса, продукт непримиримости классовых противоречий, то естественно предполагать, что усиление действия этого аппарата — его централизация и укрепление — является результатом обострения классовой борьбы. Повидимому, именно так следует объяснять факты, когда за восстаниями отдельных племен против центральной власти следует еще большее ее усиление. Примером может послужить хотя бы история тугю начала VIII века: мы упоминали уже выше о восстании народных масс против хана Мочжо (716 г.), — и едва ли случайно то, что непосредственно за этим начинается новое усиление центральной власти — Бильге-хана — и новая широкая экспансия турецкого государства. Можно предполагать, что в этом и в подобных случаях мелкие феодалы, напуганные движением крестьянских масс, с гораздо большей готов-

ностью, чем в иной обстановке, подчиняли свои узко-местные интересы задаче классового самосохранения, и охотно вручали полноту власти — можно сказать, диктатуру — сильнейшему из своей среды.

Все это является лишь обратной стороной той общей закономерности политической истории кочевых государств, о которой мы говорили выше.

Едва ли, следовательно, есть надобность обращаться и к пресловутому «росту обмена», излюбленному буржуазными историками, для объяснения условий возникновения крупных феодальных царств, типа хуннского или чингисхановского. Слишком капризными и частыми должны были бы быть изменения торговых путей и связей, чтобы ими можно было объяснить все эти явления феодальной экспансии, широкой, но эфемерной. Нет, эта экспансия — закономерный продукт феодального способа производства и имманентной ему классовой борьбы, но таким же закономерным его продуктом являются непрочность и кратковременность этой экспансии. В этом противоречивость феодализма в данном его проявлении.

Конечно, роль обмена тут отрицать нельзя. Обмен устанавливает экономические связи между отдельными областями, политическое объединение которых может поэтому стать более прочным. Если высказанные выше соображения исходили из предположения о господстве натурально-хозяйственного уклада, то нельзя забывать, что этот уклад нигде и никогда не господствовал абсолютно и безраздельно. Эта поправка должна быть учтена при объяснении того, что крупные феодальные государства Центральной Азии все же существовали иногда не одно столетие. Так, царство хуннов, несмотря на колебание его политической мощи, продержалось в Центральной Азии не меньше 2 веков (II — I вв.), царство тугю — в общей сложности 2 века (552—745 гг.), кытаев — столько же (нач. X в. — нач. XII в.) и т. д.

Следовательно, при общей правильности установленной сейчас закономерной связи, ее надо понимать лишь как основную тенденцию, проявляющуюся в конкретных условиях с особыми каждый раз видоизменениями.

Конечно, и понятие «неустойчивости» и «кратковременности» должно разумеется с точки зрения той крайней малоподвижности, медленности темпов развития, консервативности всего уклада, которые характеризуют феодальные вообще и азиатские в частности общества.

9. ОСОБЕННОСТИ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У АЛТАЙСКО-САЯНСКИХ НАРОДОВ

Мы пытались вывести из материальных условий скотоводческого экстенсивного пастбищного кочевого хозяйства при натуральном укладе его, необходимость развития феодальных отношений. Из закономерности же феодального способа производства мы старались

разъяснить некоторые особенности социально-политической жизни изучаемых нами народов, точнее — сохранившиеся у них докапиталистические пережитки: наличие там патриархально-родовых традиций, общую патриархальность форм эксплуатации, преобладание таких форм последней, как отдача скота на выпас, клиентела и скрытое батрачество, своеобразное захватное право землепользования, сохранение феодального зайсаната. Но, исходя только из этих общих предпосылок и не учтя некоторых *своеобразий* положения Алтайско-Саянской горной страны среди других стран Центральной Азии, мы не сможем до конца понять всех особенностей изучаемых докапиталистических пережитков у данных народов. Так, мы не сумели еще объяснить прежде всего общей *недоразвитости* феодальных отношений, недоразвитости, о которой свидетельствует хотя бы необходимость специально доказывать их наличие в данной стране, — что не пришло бы и в голову по отношению, напр., к Грузии или к Узбекистану. А эта недоразвитость проявляется и в целом ряде частных особенностей социально-экономического и политического строя в изучаемой стране.

В самом деле, какую бы сторону феодальных отношений у алтайцев (и хакас) мы ни взяли, мы, как правило, находим аналогию ей в соответствующих явлениях *раннего* европейского феодализма. Так, барщинные повинности еще в очень сильной степени напоминают взаимопомощь сородичей, общинную организацию «помочей». Оброчные платежи еще в значительной мере сохраняют характер или видимость торжественных подношений главе рода. Феодальная власть и суд еще во многом напоминают патриархально-родовое судилище и «отеческую» расправу родоначальника. Земельное право сохраняет в сильной степени характер общинного землепользования, и феодальная собственность на землю лишь прокладывает себе путь через захватное присвоение общинной земли. Вся патриархально-родовая традиция, обволакивающая феодальные по существу отношения, производит впечатление скорлупы яйца, из которого только начал выклевываться феодальный цыпленок. Словом, если бы мы ничего не знали о прошлой истории алтайско-хакасских народов, немудрено было бы, присмотревшись к их состоянию накануне 1917 г., объявить их народами, лишь недавно вышедшими из стадии доклассового строя.

Такой же точно вывод можно было бы сделать и из изучения организации ремесла у алтайцев и хакасов, с чем мы еще будем иметь дело впереди. Ремесло, едва лишь начавшее отделяться от сельского хозяйства, тоже говорит как будто о начальных стадиях феодализационного процесса.

И, однако, мы уже знаем, что население изучаемых стран давным-давно — во всяком случае до начала христианской эры — перешагнуло грань первобытнокоммунистического и классового общества. Не меньше двух тысячелетий алтайско-хакасские народы не живут доклассовым родовым бытом. Как же понять в таком случае отмеченный сейчас факт зачаточного характера феодальных от-

пошений, существующих здесь, как оказывается, целые тысячелетия?

Здесь нам надо коснуться тех исторических концепций, которые видят в современном состоянии алтайцев, хакасов и других скотоводческих племен результат огромного культурно-исторического упадка. Сравнивая богатство культуры, засвидетельствованной археологическими памятниками домонгольской эпохи с позднейшим ее состоянием у этих племен, исследователи говорят о культурном регрессе, происшедшем с того времени. Если этот регресс действительно имел место, то он в значительной мере объясняет ту недоразвитость феодальных форм в данной стране, о которой мы сейчас говорили. Но в таком случае необходимо найти причины самого этого регресса.

Н. Н. Козьмин в своем историческом очерке о хакасах кратко, но убедительно показывает¹ ошибочность таких поверхностных взглядов на эти процессы, как напр. ссылка на увод массы городских ремесленников из Хакасии Чингисханом, чем будто бы и объясняется культурный упадок (взгляд Клеменца)². Он же доказывает ошибочность точки зрения (Савенкова, Ядринцева), согласно которой регресс культуры объясняется действием таких стихийных условий, как высыхание стран Центральной Азии. Но сам Козьмин, в противовес этим взглядам, выдвигает точку зрения, лишь немногим более продуманную и весьма мало оригинальную; упадок культуры в этих странах, в частности в бассейне верхнего Енисея, начавшийся еще в домонгольскую эпоху, обусловлен, по его мнению, перемещением торговых путей, выдвинувших на первое место в экономическом, политическом и культурном отношении другие страны.³

Эта точка зрения ближе подходит к правильной постановке вопроса в двух отношениях. Во-первых, здесь вопрос совершенно правильно переносится в иную плоскость: речь идет у данного автора не об общем упадке культуры, которого и не было, а о *перемещении* экономико-политических центров из одного места в другое. Во-вторых, Н. Н. Козьмин прав, подчеркивая роль экономических связей данной области со всем ее окружением, отказываясь рассматривать жизнь изучаемой страны изолированно. Но все же данная постановка вопроса не является вполне правильной. Дело в том, что, указывая на передвижение торговых путей как на основную и конечную причину исторического развития и упадка определенной страны — в данном случае Алтайско-Саянской, — мы тем самым рассматриваем ее только как транзитную территорию, только как пассивный объект действия экономических сил, идущих извне, тем самым мы игнорируем внутреннюю закономерность, внутренние силы ее развития. Сама торговля, роль которой, конечно, отрицать нельзя, не является ведь самостоятельным и первичным фактором,

¹ Козьмин (г), 13—14.

² Клеменц (а), 76.

³ Козьмин (г), 11—16.

она обусловлена развитием производительных сил тех стран, которые ею связываются,¹ и в том числе и изучаемых нами стран Саяно-Алтая. Не отрицая значения торговых связей, мы должны исследовать вопрос более глубоко и найти закономерность всех этих процессов, заключающуюся в самом способе производства, а затем найти конкретные исторические причины, вызвавшие то или иное перемещение экономических центров и путей.

Общей закономерности, лежащей в основе неустойчивости крупных феодальных объединений, постоянного перемещения политико-экономических центров, мы уже касались (стр. 110—112). Нам остается теперь уяснить себе конкретную историческую обстановку, которая сложилась для изучаемых нами алтайско-хакасских племен.

Из того краткого обзора истории центрально-азиатских народов, который мы сделали выше, видно, что Алтайско-Саянское нагорье за свою историю входило попеременно в состав то одного, то другого из больших феодальных государств. Но узкие долины, скудные плоскогорья и непроходимые горные хребты этой страны были мало подходящими местами для мощного внутреннего развития производительных сил, такого их развития, которое позволило бы сформироваться здесь крепкому социальному ядру, могущему подчинить себе окружающие племена. Кроме того, сама раздробленность страны, изрезанность ее трудно проходимыми горами мешала внутреннему объединению.

В результате на всем протяжении своей истории Алтай едва ли когда-либо становился значительным политическим центром. Царские погребения Улагана, как уже говорилось, не свидетельствуют о наличии здесь такого центра: царей хоронили на этих подвластных им, скудных и малодоступных плоскогорьях, но резиденция их была, очевидно, не здесь. Из позднейших крупных объединений, быть может, одно только царство Тугю имело свой центр где-то около Алтайских гор («гора Дугинь»), но и то скорее в его южных или юго-восточных предгорьях. Что касается бассейна верхнего Енисея, то из «русской» части его, которая нас в данном случае интересует, только Минусинская котловина знала на своей территории центр значительных государств (бронзовая эпоха — хакасское царство IX—X вв). В сущности, к ней одной и относится все то, что говорилось историками об «упадке» культуры. Этот «упадок», т. е., точнее говоря, ликвидация самостоятельного большого феодального центра, был вызван, как и в других аналогичных случаях, действием сложных исторических причин, выдвинувших на первое место более сильные феодальные объединения. В X веке это были кытай, в XIII в. монголы Чингисхана, в XVII—XVIII вв. ойроты и русские. Борьба и господство этих, в особенности последних, могущественных государств не могли не задавить хакасской государственности, не могли

¹ Этой традиционной, так сказать, «транзитной» точки зрения не избежал и Б. Я. Владимирцов в своей последней, весьма ценной работе об общественном строе монголов [Владимирцов (6), 44], хотя факты и здесь немало не подтверждают этой точки зрения.

не отнять у хакасских князей их независимого положения. Передвижение линий торговых связей было лишь следствием всего этого.

Собственно же Алтай никогда, повидимому, не был заметным политическим центром. Крупные политические события, образование огромных царств, ставки великих ханов, центры торговли и письменности — все это проходило где-то за его пределами. Алтай оставался в течение всей своей истории лишь второстепенной провинцией, окраиной того или иного феодального царства.

Именно *ограиной*. Как горная страна, Алтай, всегда до известной степени, задерживал направляющуюся через него экспансию того или иного завоевателя, который ограничивался подчинением себе этой горной страны, но не шел дальше. Так, царство хуннов тянулось от Алтая до Китая. Дальше Алтая не простиралось, кажется, влияние жузжаней, так же как и уйгуров. Кыргызы едва ли имели господство к западу от Алтая, найманы не заходили севернее его. Одни только чингисиды перешагнули далеко за этот горный рубеж, вернее, обошли его и с севера и с юга. Но после того ойроты опять-таки не шли севернее алтайских предгорий. Для сменившей их России Алтай оказался южным рубежом.

Это окраинное, периферическое положение Алтайской горной страны было связано, как уже отмечалось, с отсутствием собственных крупных феодальных образований. Но это окраинное положение в свою очередь наложило свой отпечаток на социально-политическую структуру народов Саяно-Алтая и на их историю.

В складывавшихся больших политических объединениях на долю изучаемой страны доставалась второстепенная историческая роль. Высшие ступени феодальной иерархии находились вне Алтая — в широких степях Монголии и Джунгарии. Местные феодалы — тайши, зайсаны и башлыки — представляли собой низшие и лишь отчасти средние звенья этой иерархии. Феодально-родовые старшины, племенные князьки алтайско-хакасских народов собирали дань с местного населения и уплачивали ее тому или иному хану, — к этому сводилась их «внешне»-политическая роль.

Окраинное положение Алтая создавало порою и совершенно своеобразное явление *двосданчества*, когда эти племенные князьки, попавшие между Сциллой и Харибдой двух крупных феодальных властителей, принуждены были спасать себя, откупаясь данью и от того и от другого. Такое положение известно нам по документам XVII—XVIII вв. в целом ряде случаев. Некоторые из них мы приводили уже выше в другой связи. Мы помним, что, напр., качинцы в 1640-х годах принуждены были платить ясак одновременно и киргизам и Алтын-хану (выше стр. 107). Вся область верхнего Енисея и Абакана была в это время сферой спорного влияния контайши и Алтын-хана: «в Кыргызскую землю и в Тубу приезжают калмыки и мугалы и емлют с кыргызских людей и с тубинцов ясак...»¹ — С появлением русских участниками в разделе ясака

¹ Сиб. прик., ст. № 136, л. 722.

стали и они. Князец Кока Абаков, «шертывав» московскому царю в 1646 г., согласился, чтобы его «кыштымы», Кузнецкие люди, «тебе, государю, в ясак давали соболи рослые, а ему бы де Коке давали недособоли». ¹ Но в 1649 г. он этим своим кыштымам «заказал твой государев ясак платить по 10 соболей с человека не велел, а велел платить твой государев ясак по 5 соболей с человека, а по 5 соболей велел Кока к себе приносить». ² Если взять более поздние факты, то, напр., в челобитной калмыцкого князца Байгорока 1722 г. жалобщик рассказывает, как еще его дед служил русским «с подчиненными своими служилыми и калмыками с 1000 человек», а сам он Байгорок тоже служил «во Обских краях князцом, имел у себя подданных ему служилых калмыков 3000 дымов» (как видим, феодал средней руки): «А наперед до сего, тому ныне лет с 8, послан был он Байгорок от *контайши* в Кыштымскую землю для собрания ясаку с подданных контайшиных ясашных Кыштымцев, которые люди истари ему контайше ясак платили, и *поньме* многие его братья за такими сборами у них бывали и никому из них от русских людей... обид не бывало ничего». ³ В 1740—50-х годах Кондомские волости платили в Кузнецк ясак и одновременно Джунгарскому контайше — алман. ⁴ В таком же положении были бельтиры р. Иси (Июса). ⁵

По мере продвижения русских к истокам рек системы Оби полса двоеданчества отодвигалась на юг. Чуйские теленгиты продолжали оставаться «двоеданцами» (официальное наименование) до 1866 г., платя ясак и русским и китайцам.

Это-то окраинное положение Алтая по отношению к большим феодальным царствам и объясняет нам, почему внутри этой страны феодальные порядки не достигли полного развития, почему *внутренние* классовые противоречия не смогли целиком обнажиться из-под окутывающей их патриархально-родовой традиции. Это не зарождающееся феодальное общество, нет, это феодальное общество, с которого снят верхний классовый слой, точнее, верхний слой которого находился в другом месте. Такая же картина получилась бы, если бы мы изучали какой-нибудь уезд черноземной полосы России начала XIX в. и нашли бы там крепостное крестьянство, «одноворцев» и 2—3 мелкопоместных захудалых дворянских семьи. Верхушка русского феодального общества оказалась бы вне поля нашего зрения, и классовые противоречия не слишком бросались бы в глаза.

Таково было положение дел в скотоводческих районах Алтая и Хакасии. Поняв его закономерность, мы можем понять и те особенности социально-экономического строя, которые характерны для

¹ Сиб. прик., кн. № 252, л. 101.

² Сиб. прик., ст. № 377, л. 238—239; ср. Сиб. пр., ст. № 471, л. 35.

³ Памятники Сиб. истории XVIII в. кн. 2, стр. 295—296.

⁴ Потанин (в), стр. 68.

⁵ Ibid., 78.

«черневой» охотничьей полосы изучаемых стран. Об этих районах мы до сих пор говорили мало.

Все феодальное развитие стран Центральной Азии мы в основном объясняем появлением и господством здесь скотоводства. На основе последнего складывались классовые отношения, оно же накладывало отпечаток свой и на дальнейшую их судьбу. Каковы же были особенности исторических судеб не скотоводческих, а охотничьих лесных народов северного Алтая, Саян и Кузнецкого Алатау: тубаларов, шорцев, кумандищев, лебединцев и др.?

На основе господствующего у них промыслового хозяйства сам по себе едва ли мог совершиться переход к классовому обществу, к феодализму. Прибавочный продукт хотя и появляется здесь, но в своей натуральной форме (пушнина и т. п.), т. е. вне обменных связей с народами иного хозяйственного уклада, он едва ли создавал основу для классовой дифференциации. Здесь скорее можно было бы ожидать сохранения родового строя. И точно: мы видели факты, свидетельствующие о большей, сравнительно, сохранности в черневых районах родовой традиции, о недавнем бытовании здесь таких форм, как родовые промысловые артели, родовые уголья. Мы помним, что именно с охотничьим промыслом связаны такие сохранившиеся донные пережитки первобытнокоммунистических обычаев, как обычай «учалап-турым» — присвоение части добычи случайно присутствующим при выстреле лицом. Мы отмечали, наконец, и большую компактность, замкнутость в себе самих родовых делений в черневой полосе. В общем итоге, черты доклассового строя сохранились несомненно сильнее у охотничьего населения Черни, чем у скотоводов-кочевников горных долин и степей.

Если, тем не менее, и эти «черневые» охотничьи народы не могут быть рассматриваемы как сохранившие доклассовый уклад, то в этом повинны их давнишние соприкосновения с соседями-кочевниками. Здесь с еще большей четкостью повторилась картина, отмеченная нами для скотоводческих районов Алтая: эти охотничьи народы издавна входили в состав то того, то другого из феодальных государств, но только на правах «кыштымов»-данников. Их главный продукт — пушнина — всегда был предметом вожделений всех феодалов. И, начиная от хуннов и кончая российскими императорами, все простиравшие свое влияние на эти места феодалы неизменно выкачивали прибавочный продукт у народов Черни в этой форме. Эти племена всегда оставались в основном на положении эксплуатируемого крестьянства.

Это не значит, что внутренней классовой дифференциации эти народы не знали. Здесь были свои родовые старшины, зайсаны, башлыки, ставшие мелкими князьями. Но эти князцы в еще меньшей степени противостояли общине как самостоятельные эксплуататоры, чем это имело место в скотоводческих районах. Патриархальный характер их власти сохранился в еще большей мере, а имущественное положение далеко не так четко выделяло их из массы населения. Описываемый Гельмерсеном зайсан черневой волости

Енука,¹ описываемый Радловым Орошок² — производят скорее впечатление крестьян-середняков, чем феодалов. Зато в этих районах, как мы уже отмечали, в большей степени получила развитие торгово-капиталистическая форма эксплуатации. Если зайсанат скотоводческих районов обнаруживал больше феодальных элементов, то родовые старшины черневых районов скорее и в более сильной степени превращались в скушпиков-капиталистов.

В общем итоге, однако, классовые противоречия внутри самих алтайско-хакасских племен, в связи с указанными историческими условиями, были как бы затуманены теми противоречиями, которые складывались между местными низшими звеньями феодальной системы и находившимися вне данной страны высшими ее звеньями. В особенности это относилось к охотничьим районам области. И тем больше сказалось это явление, чем выше была феодальная постройка, стоявшая над этими народами. Расстояние не только от российского царствующего дома, но и от местного губернатора, даже исправника до алтайского зайсана казалось — да и было — больше, чем от зайсана до алтайца-середняка, и это несмотря на то, что зайсан и российский император были членами одного эксплуататорского феодального класса.

Это обстоятельство, вместе с той властью патриархально-родовой традиции, о которой выше говорилось, давало богатую пищу национально-демократической идеологии среди алтайцев и хакасов. Эта идеология противопоставляла алтайцев *вообще* или хакасов *вообще* всему остальному миру, в особенности русским. Что это было в интересах местного байства и зайсаната — ясно само собой. Эта национальная отчужденность сказывалась и по отношению к другим национальным группам, напр., к переселившимся в Чуйский район казакам, и здесь не менее ярко обнаруживается классовое значение этой идеологии: «Раньше бай теленгитские и бедняки теленгиты больше дружбы (между собой) имели, чем теленгиты и казаки», — говорил один старик теленгит, сам бедняк. «Бай и бедняки вместе места имели и не ссорились, а если казаки с теленгитами встречались, то дело и до суда доходило» (Запис. М. С. Макаровой, Кокури, 1932 г.).

Эта националистическая идеология была использована, как известно, руководителями бурханистского движения 1904-го и последующих годов. В еще большей степени классово-эксплуататорская и реакционная роль этой идеологии сказалась во время событий 1917—1922 гг., когда за националистическими лозунгами контрреволюции шла одно время известная часть национального населения Алтая и Хакасии³.

¹ Helmersen (a), 37.

² Radloff (a), I, 371—372.

³ См. Гордиенко, *passim*.

10. ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛА

Одним из ярких показателей той *недоразвитости* феодальных отношений у алтайско-саянских народов, о которой выше говорилось, является *слабое развитие ремесла* у этих народов. Если Энгельс называл обособление ремесла от сельского хозяйства «вторым великим разделением труда» в истории (считая первым — выделение скотоводства) и относил его к высшей фазе варварства,¹ то можно сказать, что этот шаг не был сделан изучаемыми народами. Обработка различных материалов и изготовление предметов обихода производится, как правило, в каждом хозяйстве для себя, работа же особых специалистов на заказ, а тем более на рынок, почти отсутствует.

Исключение составляет, в сущности, одно кузнечное ремесло. Еще Радлов отмечал, что из всех видов производств у алтайцев «более прогрессировало кузнечное ремесло. Его изучают лишь немногие лица, и последние всюду очень чтутся, так как кузнецов мало. Алтайские кузнецы очень искусны и славятся своей хорошей работой. Они особенно хорошо умеют превращать железо в сталь (*das Eisen zu stählen*), так что алтайские ножи предпочитают русским. Все путешествующие по Алтаю русские купцы имеют алтайские ножи. Кроме последних алтайские кузнецы изготавливают резцы..., топоры, огнива, удила и ружья». ² Это развитие кузнечества отмечал и Ядринцев. ³

В последнее время в местах со значительным русским населением алтайских кузнецов почти не осталось, алтайцы пользуются железными изделиями русских кузнецов. Но в южных национальных аймаках алтайские кузнецы сохранились. В Кош-Агачском аймаке, именно в Чибите, мне пришлось встретить только одного кузнеца алтайца (теленгита), Александра Чайнекова из рода Кергиль, переселившегося около 1915 г. с Улагана. Я слышал о наличии еще кузнецов в Мухор-Тархате и Чаган-Узуне. В Улаганском же аймаке кузнецов и сейчас сохранилось больше, и больше есть данных о состоянии кузнечного производства в прошлом. Мне удалось здесь получить в этом отношении интересный материал.

Этот материал показывает, что кузнечное мастерство обычно составляло наследственную профессию отдельных семей и больших семейно-родовых групп. Для них кузнечество являлось главным источником существования, поскольку недостатка в заказах не было.

Я приведу несколько характерных фактов, записанных в Улаганском аймаке.

Живущий в урочище Кок-Паш (устье Башкауса) председатель сельсовета Иван Тушкынов имеет у себя кузнечные орудия, хотя кузнечеством не занимается. Орудия эти ему достались от его деда

¹ Энгельс, *op. cit.*, 103.

² Radloff (a), I, 293—4.

³ Ядринцев (a), 239.

Былаша, жившего в этих же местах и умершего лет 60 тому назад (т. е. в 70-х гг. прошлого века). Былаш был охотником и кузнецом, скота же он держал мало. Впрочем, и кузнецом он был едва ли настоящим: по рассказам, он занимался только починкой ружей. В этих же местах жили кузнецы Пыйыр и Тазрак Сартанов (Кок-Паш, 1932 г.).

А вот настоящий кузнеческий род. Старик-теленгит Карабелеев Семен Филиппович, 50 лет, живет летом в Усть-Улагане, а зимник у него на р. Турале, где расположены зимники и других теленгитов; там и его покосы. Семен — потомок рода кузнецов. Его дед Йеенек, сёбка Саал, был большой кузнец. С тремя братьями — по имени Кыза-Айек, Меме-Öдүк и Кузе — он жил на Чулышмане около Чодро. Все четыре брата работали вместе, выплавляя железо при помощи горна. Йеенек считался старшим в семье. У четырех братьев были сыновья и внуки, и все были кузнецы. Впоследствии сын Йеенека Карабелей (Филипп) переселился на Улаган и продолжал кузнечить здесь, имея впрочем в то же время и скот: у него было 15 коров, 3—4 лошади, до 200 голов мелкого скота. Железо он уже не выплавлял сам, а покупал. Филипп умер около 40 лет тому назад. Около этого же времени в снежную зиму погиб почти весь скот, и с тех пор сам Семен живет почти исключительно кузнечеством. Работает он, как в свое время и его отец, только на заказ. Заказчики приезжают из разных мест, со всего Улаганского плоскогорья, из низовьев Чулышмана, т. е. за 100 километров и больше. Дело в том, что кузнецов было все же мало. В бассейне Башкауса кроме Филиппа и его сына были только Савелий, двоюродный брат Семена, живший в верховьях Улагана, и Тохтошев — в урочище Мандилу — оба из сёбка Саал. В последнее время теленгитских кузнецов, по словам Семена, стало больше.

Оборудование кузницы весьма несложно, и весь инвентарь помещается в обычной юрте. Два ручных меха, вдвигаемые устьями в особый небольшой станочек, перед которым раскладываются на земле угли; наковальня железная, весом около 12 килограммов; молот, несколько щипцов и клещей, резцов, долот — и все. Такое оборудование я видел в юрте Семена Карабелеева. У Александра Чайнекова в Чибите горн был устроен уже наподобие русского. Плавильных горнов сейчас, кажется, нет. Чихачев описывал виденную им в 1842 г. на одном из притоков Чулышмана, около устья Чульчи, примитивную кузницу и плавильню, устроенную в естественном углублении скалы. Здесь работал старик-теленгит, продававший получаемое железо на китайскую границу.¹

Бассейн Чулышмана был, таким образом, главным центром туземного кузнечного ремесла. Запасы железной руды здесь не разведаны до сих пор; но их наличие видно всякому проезжающему по Чулышманской долине. Следует вспомнить, кстати, что еще в VI

¹ Tchihatcheff, 112.

веке где-то в южном Алтае жило турецкое племя ашинов, платившее дань жужанскому хану железом.

Другим таким центром кузнечного производства был истари бассейна верхней Томи. Живущие здесь шорцы еще в XVII веке получили от русских название «кузнецких татар» (отсюда и Кузнецк) за развитое у них металлургическое производство. Эти «кузнецы» в значительной мере жили своим промыслом, продавая свои изделия соседним племенам. В 1641 г. московское правительство предписало «заказать (т. е. запретить) Кузнецкого уезду во всех волостях и улусах... всем ясачным людям, чтоб они ясачные люди куяков и шапок железных и копей и рогатин и никакой ратной збруи черным и белым колмаком и киргиским и саянским людям не продавали и на лошади и на скотину не меняли...». Но жители волостей по Мрассе и Кондоме на это запрещение ответили, «что им ясачным людям куяки и шапки железные и всякую ратную збрую черным и белым (калмыкам) и киргиским и саянским людям продавать и на лошадей менять, *тем де мы, ясачные люди, и живем...*». ¹ И русские казаки, ходившие на Мрассу и Кондому по этому делу, доносили, что «ясачные люди кондомские и мрасские приготовили на продажу черным и белым колмаком болши две тысяч куяков и шапок железных против того ж.» ²

Но «калмыки» не только покупали у «кузнецких людей» их железные изделия, а и брали их грабежом. «...А иные, государь, калмацкие люди, — говорится в отписке воеводы в 1644 г., — контайшина улуса на Кондоме и Мрасе... ясачных людей грабят, всякой живот и всякое разное железо». ³ Вплоть до XVIII в. шорцы платили контайше ясак («алман») между прочим своими железными изделиями. ⁴

Русские воеводы последовали в этом отношении примеру Джунгарских феодалов. В своей отписке 1655 г. кузнецкий воевода Баскаков ссылается на царский указ — «посылать ис Кузнецкого острогу к тебе ко государю... к Москве шапки железные, которые шапки емлютца в твой государев ясак», — и сообщает о посылке в Москву «13 шапок железных простых на сукна не набиваны, да 260 шапочных полиц, да 390 гвоздя железных, чем набивают на ушки шапочные полицы.» ⁵ В более позднее время кузнечный промысел здесь пришел в упадок.

Кроме кузнечного производства, никакое другое не обособлялось у алтайских племен в самостоятельное ремесло. Я слышал только об одном мастере по дереву, сделавшем это производство своей профессией. Это теленгит Абый Такпаков, живущий в Теленгит-Сортогое, ок. 10 километров от Кош-Агача. Он поставляет на всю округу деревянные сундуки, художественно расписанные, в ко-

¹ Сиб. прик., кн. № 136, лл. 350—351.

² Ibid., л. 352.

³ Ядринцев (а), 239; Потанин (в), 68.

⁴ Сиб. прик., ст. № 136, л. 475.

⁵ Сиб. прик., ст. 471, л. 27.

торых теленгиты держат свой скарб. Отец Абыя этим мастерством не занимался. Других таких мастеров кругом нет, но говорят, что прежде были в урочище Кокури (Теленгит-Сортогой, 1932 г.). Приходилось еще встречаться с другими мастерами, продававшими свои изделия на сторону, но это составляло не главный источник их дохода. Так на Караколе (Онгуд. айм.) старик Ярах Кокулев делал на продажу такие же сундуки и другие деревянные изделия; в Янчете (Онг. айм.) Сергей Суразов делал охотничьи снаряды (деревянные ловушки), иногда на продажу; на Куюме (Чем. айм.) алтаец Муяк иногда продавал изготовлявшиеся им кошмы и т. д. Но ремесленниками этих мастеров, которые умели несколько лучше других делать те или иные предметы, назвать нельзя.

По материалам обследования 1897 г. П. М. Юхнев насчитывал 194 хозяйства (из числа кочевых и полукочевых), занимавшихся «ремеслами». Это составляет около 4% всех хозяйств этой группы. В числе этих ремесл Юхневым указаны: 1) выделка овчин и шкур, 2) войлочное производство, 3) седельное, 4) сапожное и шорное, 5) кузнечное, 6) плотничное, 7) бондарное и 8) смолокурное. Однако, не говоря уже о том, что последние 2 производства — явно русского происхождения, остальные ремесла были, по видимому, лишь побочными источниками дохода. Напр., годовой заработок хозяйства от выделки шкур составлял всего около 20 р., тогда как заработок кузнеца — от 25 до 50 р. в год.¹

В основном остаются правильными слова Радлова, которыми он характеризовал домашнее производство у алтайцев, говоря в частности о работах по дереву: «Эти работы умеют делать все мужчины... Некоторые мужчины, которые, может быть, более искусны в той или иной из этих работ, приглашаются соседями для изготовления разных вещей и являются поэтому везде желанными гостями; таким образом, и здесь мы видим зачатки ремесленного сословия (Stand), хотя и в самых первых его формах, т. е. сословия деревообделочников, плетельщиков (Flechter), шорников и кожевников (Gerber)».²

Из таких домашних производств, доступных, как правило, каждому мужчине, можно назвать: обработку дерева, седельное производство, выделку кожаной сбруи, плетение шерстяных и волосяных арканов. Другие производства являются женскими. Женщины обрабатывают кожу, выделывают из нее посуду, обувь и т. п., шьют меховую одежду и одежду из покупных тканей, обрабатывают шерсть, валяют войлок, прядут нитки. С некоторым приближением можно сказать, что женщины вообще имеют дело с животными материалами, а мужчины главным образом с растительными (дерево). Что касается минеральных материалов, то обработки их — в частности гончарства — алтайцы не знают (гончарство есть только у шорцев).

Относительно хакасов имеющиеся у меня данные недостаточны

¹ Цитир. по Потапову (р), 173.

² Radloff (a), I, 293.

для общих выводов, но, повидимому, там мы имеем дело с такой же картиной необособленности ремесла от сельского хозяйства. Хороший материал для уяснения этого вопроса могли бы дать бюджетные цифры, собранные для последнего десятилетия прошлого века некоторыми исследователями (Кулаковым, Яриловым, Кузнецовой). Но, к сожалению, благодаря методу, каким были обработаны эти бюджетные данные названными авторами, экономический спецификум организации производств у хакасских племен остается невыясненным. Так, бюджетные данные, обработанные Кулаковым, показывают сравнительно небольшой удельный вес доходов от «ремесел». В группе «скотоводческих», т. е. менее обрусевших хозяйств, средний денежный доход от «ремесел» на 1 хозяйство за 1896—1897 г. составлял 55 р. 80 к., колеблясь по «Управам» от 20 р. 50 к. (Мелецкая) до 69 р. 40 к. (Абакапская), при валовом доходе на 1 хозяйство в среднем 393 р. 25 к., т. е. «ремесла» давали 14% всего валового денежного хода. Но эти суммарные цифры ничего не говорят ни о характере, ни об организации этих «ремесел» и не дают понятия о том, были ли эти занятия сконцентрированы в определенных хозяйствах или распределены равномерно. Кулаков сообщает только, что «заработки от ремесл имеют средние домохозяева и бедные». ¹

Очень интересные данные о количестве ремесленников среди населения, подведомственного «Аскысской степной думе», т. е. сагайцев и бельтиров, для 1889 г. дает Катанов. Из 3525 дворов ремесленников насчитывалось всего 61. Из них было плотников 25, пильщиков 12, сапожников и башмачников 6, столяров 3, швей 2, каменщиков 2, печников, бондарей, стекольщиков, коновалов, серебряных и медных дел мастеров и живописцев по одному (Любопытно отсутствие в этом списке кузнецов.) «Ремеслами занимаются преимущественно те инородцы, которые жили среди русских более или менее долгое время», говорит Катанов. ² Таким образом, соседство русского населения оказало здесь влияние на туземное ремесло, и скорее все же в сторону его упадка. Если основываться на приведенных цифрах, то подтверждается вывод о крайне слабом развитии ремесла у туземного населения.

Из домашних производств у хакасов, также как и у алтайцев, многие являются женскими: выделка овчин, приготовление войлоков, ниток, шитье одежды для семьи и т. д. ³

У хакасов, также как и у тубаларов, имеется отсутствующее у алтайских скотоводов ткачество. ⁴

В общем итоге, мы не находим в изучаемых странах ни отдифференцировавшегося от сельского хозяйства ремесла (кроме его зачатков в виде кузнечества), ни, тем паче, всего того, что связано с ремесленной организацией в странах классического феодализма: ремесленно-торговых городов, цеховых корпораций и т. д.

¹ Кузнецова и Кулаков, 260—262, 241—242.

² Катанов (6), 566—567.

³ Кузнецова и Кулаков, 78—79.

⁴ Георги, II, 151; Ядринцев (а), 238.

Интересно отметить, что древние археологические памятники содержат в себе данные о наличии дифференцированного ремесла. Так, в царских погребениях на Улагане мы находим остатки таких производств, как выделка мехов, разнообразных сортов войлока вплоть до тончайшего фетра, красильное дело, гончарство, металлургия бронзы и железа, золотых дел мастерство (техника пакладного золота), серебрение кожи и дерева.¹ Это разнообразие и высокая техника производства указывают на существование особого класса ремесленников, выполнявших эти работы.

Было бы ошибкой, однако, из сравнения этого факта с теперешней неоформленностью ремесла делать заключение об общем культурном упадке, якобы имевшем место с того времени. Повидимому, и в эту эпоху, как и позже, ремесленники группировались вокруг значительных княжеских дворов. Культура, засвидетельствованная улаганскими памятниками, была культурой больших феодальных центров. Население провинций, в частности Алтая, едва ли и тогда стояло в общем на более высоком уровне развития по организации и технике ремесла.²

Вывод по вопросу, которому посвящена настоящая глава, может быть, между прочим, доказан и данными нашего времени. Если взять цифры, характеризующие работу кустарнопромысловой кооперации в Ойротии,³ то эти цифры показывают очень низкий процент участия национального населения в промысловой кооперации. При общем удельном весе алтайцев среди всего населения Ойротии в 39,5% (1931 г.), удельный вес алтайцев в пром. кооперации на 1 янв. 1932 г. выражался всего в 10,1%. На первый взгляд, это может показаться результатом плохой работы по вовлечению националов в члены промысловой кооперации. Но это не так. По данным палогового обложения, процент алтайцев среди всех кустарей и ремесленников (кооперированных и некооперированных) является тоже несоразмерно низким: так, в деревообрабатывающих промыслах в 1931 г. было занято по всей Ойротии 1229 хозяйств, но из них алтайских всего 266 (21,3%), в изготовлении одежды и обуви занято 482 хозяйства, из них алтайских 76 (13,6%), в работе по стройматериалам из 154 хозяйств алтайских только 21 (12,1%), в металлообработке из 147 — алтайских хозяйств было 18 (12,2%) в выделке кож, овчин и т. п. из 141 хозяйств — алтайских тоже 18 (12,7%).⁴

¹ Р. С., Скифское погребение, 28—29.

² Быть может, возникнет предположение, что отсутствие самостоятельного ремесла у алтайцев и хакасов в настоящее время вызвано вытеснением его покупными товарами т. е. объясняется разлагающим влиянием торгового капитала. Но такое предположение было бы ошибочно. Там, где национальные ремесла существуют (Средняя Азия, Кавказ), торговый капитал на первых порах их не вытесняет, а подчиняет себе. А кроме того у изучаемых народов самобытные производства (изделия из кожи, меха, шерсти, дерева) вовсе не вытеснены торговым капиталом и отлично существуют, но они имеют узко домашний, не ремесленный характер.

³ Собранные данные относятся к 1931 г.

⁴ Данные взяты в областных учреждениях Ойротии.

Эти цифры приводят в тому же выводу, к которому, мы пришли иным путем: к выводу о слабом развитии ремесл среди коренного населения Ойротии.

11. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

То исследование корней кочевого феодализма, которое мы выше проделали, проливает свет на наиболее глубокие причины и условия сохранения феодальных отношений в течение огромных периодов, вплоть до недавних лет. Если политическая система России XVIII—XIX вв. содействовала поддержанию политической власти феодалов-зайсанов, если родовые пережитки давали им более крепкую опору могущества, то в основе сохранения всей этой феодальной системы в целом лежали более глубокие и основные условия. В основе всего лежало господство натуральнохозяйственного уклада, низкая ступень развития производительных сил, выражавшаяся в экстенсивном пастбищном кочевом скотоводстве со слабо дифференцированными прочими отраслями хозяйства, с неразвитым ремесленным производством, со слабостью меновых отношений.

Вот эта-то натуральнохозяйственная основа феодализма довольно давно, а чем дальше, тем более стала подтачиваться разлагающим влиянием проникновения капиталистических отношений. Вместе с ней стала ослабевать вся система в целом. Проникновение торгового капитала, в частности китайского и русского, уже довольно рано, и во всяком случае с середины XIX в. стало разлагать старый патриархально-натуральный уклад. Тем самым феодальные отношения, — как мы знаем, недоразвившиеся, — начали перерождаться в капиталистические.

Еще в 1820-х годах Ледебур писал, что «зажиточные калмыки, обладатели больших стад, продают лошадей, овец и рогатый скот купцам... часто больше чем на тысячу рублей зараз». ¹ Но быстрым темпом пошло внедрение рыночных отношений со 2-й половины XIX в. Радлов отмечал, что за 10-летие, протекшее между его первым и последним путешествием по Алтаю, с 1860 до 1870 г., очень увеличилось количество русских купцов, в частности в Онгуде. ² Торговлей занялись и некоторые алтайские баи. По словам того же Радлова, купцы из черневых татар возят русские товары на Чулышман и к китайской границе. ³ В этом развитии торговли особое значение имел Чуйский тракт — большой торговый путь из Западной Сибири в Монголию. Вдоль него расположились торговые селения: Онгудай, Хабаровка, Кош-Агач. В 1900-х годах Чуйский тракт из вьючной тропы был превращен в колесную дорогу. ⁴ В Онгуде и Кош-Агаче бывали ярмарки. Особенно бойким центром сделался Кош-

¹ Ledebour, I, 183; ср. Риттер, III, 389.

² Radloff (a), I, 48—49.

³ Ibid., 345.

⁴ Швецов (a).

Агач вместе с окружающим пограничным районом (Кош-Агач находится в 100 килом. от китайской, теперь монгольской границы): здесь были лавки и фактории купцов Игнатьева, Ловчикова, Мальцева, Кайгородова, Копылова, Стафурского и др. Купцы привозили ткани, железо, чай, соль, разный мелкий товар. Првезжали сюда постоянно и китайские купцы, привозившие китайские ткани — даба, далемба, — украшения (большие красные монгольские бусы и пр.), курительные трубки и т. п.

Втягивание алтайского населения в товарный оборот разрывало патриархально-натуральную замкнутость его хозяйства. Но действие его на разные классовые группы было различно. Байское хозяйство под влиянием торгового капитала само поворачивалось лицом к рынку. Бай стали продавать скот — и чем дальше, тем больше. Помимо живого скота, они сбывали купцам кожи, овчины, шерсть, а также и пушнину, маральи рога и т. п. Примеры этого нами приводились выше. Этот процесс был вполне аналогичен тому росту «торгового земледелия» и «торгового скотоводства», какое констатировал Ленин в русском помещичьем хозяйстве, как признак перехода его к капиталистическим формам.¹

На другом классовом полюсе рыночные отношения приводили к иным результатам. Растущую потребность в деньгах бедняки и середняки удовлетворяли главным образом пушным промыслом. Продукция пушного промысла и раньше шла на удовлетворение по преимуществу не потребительских нужд, а шла на широкий рынок — через сдачу ясака, в уплату за долги т. п. Возрастание удельного веса денежного бюджета создавало погоню за пушниной. Благодаря этому мы наблюдаем на Алтае, особенно с конца прошлого века, такую интенсификацию охотничьего промысла, которая была не чем иным, как хищническим истреблением зоологических ресурсов страны. Показателями этого являются два факта: во-первых, значительный рост товарного выхода пушнины на территории теперешней Ойротии к концу XIX в.² и, во-вторых, отмечаемое и сейчас охотниками оскудение фауны Ойротии. Последнее в особенности касается таких ценных видов пушнины как соболь. Еще в конце XIX в. соболь водился в больших количествах во всех черневых районах Алтая, а теперь соболя насчитываются единицами, и то лишь в отдельных местах — Сумульта, Чили, Кыга, Быструха (где сейчас соболь охраняется особыми мероприятиями: организацией заказников и заповедников).

Втягиваясь в рыночный оборот, мелкий производитель, и в скотоводческих, и в особенности в охотничьих районах, неминуемо попадал в зависимость от скупщика и столь же неминуемо в дол-

¹ Ленин, Развитие капитализма в России, Собр. соч., т. III, 247 и 193—264.

² В 1896 г. по данным П. Юхнева, на территории теперешней Ойротии было добыто 872 600 «беличьих единиц». В результате хищнической эксплуатации угодий, к 1909 г. промысел упал по 414 тысяч беличьих единиц (Данные взяты из материалов, собранных экспедицией 1930 г. по соболиным заповедникам: рукопись Башилова и Дмитриева; находится в Облплане Ойротии).

говую кабалу. В этом состоял второй этап разложения туземного беднячко-средняцкого хозяйства. Уже Ядринцев в 70—80-х годах подчеркивал растущее обнищание алтайцев в связи со вторжением русских; наряду с захватом русскими лучших пастбищ, он большое значение придает деятельности русских купцов, закабаливших долгами туземцев; к купцам переходил скот обедневших и задолжавших алтайцев.¹ В промысловых районах закабаленный долгами охотник терял самостоятельность и фактически переходил на работу по найму у своих ли баев или у русских скупщиков. Миссионер Вербицкий писал: «Между инородцами, как и везде, есть богатые и бедные. Последние одолжены первым и находятся у них в качестве приказчиков. Все, что добудет бедный инородец, сбывает своему богатому собрату весьма за умеренную цену, а этот уже доставляет своему *тангышу* — приятелю из купцов также с небольшою пользою». ² В своем месте мы отмечали (стр. 41), что здесь создавался и особый тип эксплуатации, аналогичной системе «капиталистической работы на дому»: снабжение неимущих и потерявших самостоятельность охотников и орешников инвентарем, лошадьми, припасами и пр. В скотоводческих районах пролетаризация беднячко-средняцких слоев шла такими же путями. Лишившийся скота за долги алтаец должен был поступать в работники к баю и пасти его скот.³

Таким образом, устанавливался новый, капиталистический тип отношений. Но эти новые отношения вливались в старые феодальные формы. Пролетаризированный бедняк шел в батраки к баю, ставшему кулаком, но отношения между ними в значительной мере сохраняли старый патриархальный характер. Денежная заработная плата почти полностью отсутствовала до самого последнего времени. Батрак получал обноски и кое-какие харчи, как и прежний сирота или бедный родственник, работавший на бая. Идеология родственной взаимопомощи продолжала затушевывать новые капиталистические формы эксплуатации, как она затушевывала старые феодальные. Да и сам бай-кулак часто был тот же старый бай-феодал, иногда зайсан, ставший по-новому вести свое хозяйство. Так, мы уже говорили о родовитом зайсане Кергешской волости Кармане Эдиекове, который был вначале небогат, но, разбогатев на зайсанских доходах, открыл лавки и занялся торговлей, в пользу

¹ Ядринцев (г), 104—106; (д), 160—161, 404—405. По отношению к хакасским племенам и исследователи точно так же отмечали проникновение денежных отношений и рост влияния торгового капитала. Так, Кулаков констатирует общий процесс перехода от натурального хозяйства к денежному (Кузнецова и Кулаков, 92), Яковлев описывает тот же процесс закабаления купцами туземцев-скотоводов и переход к первым их стад, который мы только что отмечали у алтайцев (Яковлев, 71—74).

² Вербицкий (б), 17. «Зверинные шкуры и орехи, говорится в одной старой статье о шорцах (Кузнецкие инородцы, 16), кочевые инородцы, по заведенному издавна порядку, сдают своим зажиточным собратам по обоюдному условию, а те привозят и продают уже торговцам в г. Кузнецк».

³ «Рядом с разорением калмыков, — писал Ядринцев, — среди них появился пролетариат, лишившийся скота, похожий на киргизских джатаков» [Ядринцев (г), 106].

которой потом отказался и от зайсанства, как от менее выгодного занятия. Торговые операции вели и такие представители старой «знати», как братья Кульджины в Кеньге¹ и др. Родовитый бай Кыйтык, потомок ойротских князей, умел соединять патриархальные формы хозяйства с капиталистическими. «У него 80 табунов лошадей, — читаем о Кыйтыке в Отчете Алт. миссии за 1909 г., — из коих ежегодно раздает под съезд русским и калмыкам (алтайцам) до 600 голов, получая за каждого коня по 6 р. Продает ежегодно до 500 быков. Коров раздает тоже до 600, пользуясь только приплодом, молоко же и масло остаются у тех, кто за ними ходит». ² Если взять пример, относящийся к хакасам, то еще в 1848 г. путешественник Корнилов, бывший у кызыльцев, писал, что «родоначальник (т. е. башлык кызыльцев) Кулагашев имеет посева до 40 десятин и продает хлеб на Ачинские золотые промысла; прочие татары засевают по десятине и по две». ³

Следовательно, происходило не более и не менее, как *перерастание* феодальных отношений в капиталистические. Баи продолжали эксплуатировать бедняков, и даже внешние формы эксплуатации оставались в значительной мере прежними, но суть их становилась постепенно иной. Патриархально-родственная традиция была прежде формой и *орудием* эксплуатации, теперь она оставалась только внешней формой, а орудия появились на сцене иные — прежде всего *экономическая* зависимость пролетаризированных слоев от байства. Патриархально-феодальные отношения, сохраняя свою форму, пропитывались капиталистическим содержанием.

Впрочем, в известных случаях можно найти и факты, когда феодальные и капиталистические отношения воплощались в разных лицах, и более или менее характерные представители того и другого уклада жили рядом. Вот, например, упоминавшиеся уже выше два бая, жившие в одно время и в одном районе: Степан Таранов и Жудай-Берген Отурдяпов. Один — начавший с батраков, разбогатевший на торговле, поведший капиталистическое животноводческое хозяйство. Другой — родовитый потомок знатного зайсанского рода Ак-Коббюков, сын и внук зайсанов, сам зайсан, но от богатства отца и его стад он сохранил только небольшую часть, скота почти не продавал (всего голов по 15—20 в год)...

Вообще говоря, все же старый патриархально-натуральный хозяйственный уклад больше сохранился в южных скотоводческих районах Алтая. В черневых районах влияние русского торгового капитала было более сильным. Здесь были полновластными хозяевами русские купцы. Местные баи редко могли конкурировать с ними и, как правило, становились их подручными или полузависимыми от них контрагентами-посредниками. Так, напр., самым крупным скупщиком ореха из алтайцев был зайсан Михаил Тобоков,

¹ Швецов (г), I, 354—355.

² Отч. Алт. миссии, 1909 г., 13.

³ Корнилов, 642—643.

В руках которого скоплялось до $\frac{1}{5}$ части всего урожая ореха Большой Черни. Тобоков долго и упорно конкурировал с русскими купцами Орловым, Обабковым и др. В конкурентной борьбе Тобоков использовал и примитивные приемы обмера и обвеса сдатчиков ореха (вместо гирь применяя им одним вывешенные камни), и одновременно поддержку царской власти (его сын был членом Гос. Думы). Однако русские конкуренты купца-зайсана, пользуясь более совершенными приемами обработки ореха и своими торговыми связями, одержали над ним верх. Такая же конкуренция шла между этими торговцами и по части маслоделия. И она кончилась капитуляцией Ивана Тобокова (сына зайсана), вынужденного продать свой маслозавод в Паспауле Обабкову, который побил его более «культурными» методами производства и торговли (Материалы Л. П. Потапова).¹

Менее крупными торговцами из алтайцев были Чендековы, Тонжоковы, Тулай Чичканаков, Бардамаш, Павел Тыдыков, Тяхтень и его сын Сапыш, Санабай Суулуков и др.² Однако, по подсчету П. М. Юхнева в 1897 г., участие местных баев в торговле на Алтае составляло всего 33%, тогда как 67% торгового оборота сосредоточивалось в руках русских купцов.³ Неудивительно, что купцы алтайцы были в значительной степени подручными русских купцов. Даже наиболее самостоятельный из алтайских баев таежной полосы — Тобоков — зависел в своих делах от Бийской фирмы купца Бодунова, а о баях средней руки мы уже приводили характеристику их (миссионером Вербицким) как торговых посредников.

С другой стороны, как мы уже знаем, в этих черневых охотничьих районах элементы старого феодального уклада были менее выражены. Поэтому и отношения капиталистического типа приняли здесь более чистую форму. Баи-скупщики промысловых районов, имевшие за собой в гораздо меньшей степени феодальные традиции, основывали свое могущество почти исключительно на экономической базе. Относительно этих районов с большим приближением к истине мог бы быть сделан тот вывод, который, вообще говоря, был нами отвергнут: что капитализм непосредственно наслаивался на родовой строй и непосредственно разлагал его. Но и здесь этот вывод верен лишь в очень условном смысле. Во всяком случае, и в промысловых районах капиталисты-скупщики нередко облекали свою деятельность в патриархальную форму. Своеобразным проявлением последней были отношения так называемого «*таньшества*». Таньш — т. е. приятель, знакомый, это скупщик, который пользовался патриархальностью отношений, чтобы закабалить долгами своих контрагентов. Путем раздачи товаров в долг он устанавливал с ними личные долговременные связи. Тайга была поделена между этими скупщиками, и каждый из них был монополистом

¹ Потапов (г) 139—140, 153—154.

² Потапов (г), 139 и мои материалы.

³ Потапов (г), 140.

в том районе, где жили алтайцы, с которыми его связывали отношения танышества.¹

При всем своеобразии условий, нетрудно заметить, что весь этот процесс капиталистического перерождения феодального уклада алтайцев во всех своих частях аналогичен тому процессу развития капитализма в России, классический анализ которого дал Ленин. Разложение крестьянского хозяйства, рост товарности в особенности на крайних полюсах сельского населения, появление сельского пролетариата и сельской буржуазии, рост торгового земледелия и скотоводства — все это повторяется, хотя и в несколько приглушенных формах, и вообще, конечно, «*mutatis mutandis*», — и на Алтае.

При этом сравнении важно отметить один момент, свидетельствующий о *незавершенности* процесса развития капитализма на Алтае. Если Ленин констатировал для России в целом «громкий толчок преобразованию техники» сельского хозяйства, данный капитализмом и выразившийся во введении машин, развитии технических культур и т. д.,² то аналогичные явления в скотоводческом хозяйстве Алтая сказались лишь в очень ослабленной степени. Технический прогресс его за последние десятилетия был ничтожен. Можно указать на сравнительно большую роль заготовок корма на зиму, в связи с этим — на введение косы-литовки вместо ножа.³ Лишь в отдельных байских хозяйствах, и то только в северной таежной полосе, вводились такие усовершенствования, как сенокосилки, конные грабли, сепараторы. Совсем единицами считались мелкие маслодельные заводы у алтайских баев. В остальном алтайское скотоводство осталось тем же экстенсивным, технически отсталым, неустойчивым, находящимся в полной власти стихийных условий хозяйством. Это — один из показателей недоразвитости капитализма в изучаемой стране, еще большей его недоразвитости, чем та, которую констатировал Ленин для России вообще. Причину же этого явления искать недолго: оно — обыкновенный результат колониального режима, который — особенно в царской России — всегда тормозил развитие производительных сил в колониях.

12. ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИТКИ И ИДЕОЛОГИЯ

Специфическая сложность переплетения различных укладов у саяно-алтайских племен в дореволюционное время, связанная с особенностями их исторических судеб, может быть выражена в краткой формуле: сохранение родовых форм с феодальным содержанием; недоразвитость чисто феодальных отношений в связи с крайним положением страны в феодальных государствах; перерастание феодально-родовых отношений в феодально-капиталистические.

Этому причудливому переплетению социальных укладов соответствует пестрота и сложность идеологических форм. Мы уже

¹ Вербницкий (б), 17; Потапов (б), 12—13.

² Ленин, *op. cit.*, 250 и др.

³ Швецов (г), I, 341, (д), 17—18.

отметили, что сохранившиеся остатки родовых отношений дотянули с собой вплоть до последних лет элементы родового культа, правда, уже полуразложившегося. Помимо этой чисто родовой идеологии, от доклассовой эпохи сохранился шаманизм.

Этот последний не был связан специально с родовой организацией (как он не связан с ней и у многих других народов). Родовых камов (шаманов) ни алтайцы, ни, повидимому, хакасы¹ не знали, хотя наследственная передача шаманских функций здесь, как и у других народов, господствовала. Вообще алтайско-хакасское шаманство ничем существенным не отличается от типичного шаманства народов, сохранивших в значительной мере доклассовые социальные формы, хотя бы от шаманства тунгусских народов. Единственной, может быть, особенностью алтайского шаманства, особенностью, связанной с историческим влиянием развитых феодальных религий, можно считать наличие в алтайском пантеоне высших божеств, которым камы молятся. Но и здесь сказались та ослабленность и затуманенность, которая характеризует своеобразие феодальных элементов у изучаемых народов: на роль высшего божества претендуют в разных местах несколько разных мифологических образов. Чаще всего исследователи называют в этой роли *Ульгена*,² однако мне приходилось встречаться с представлением об *Ульгене* как о родовом божестве (см. выше стр. 27). В других местах высшим божеством считается *Курбустан*, причем иногда говорят о «трех *Курбуста*нах»,³ или *Койдрухан*.⁴ Четкой грани между этими большими общенародными богами и мелкими родовыми духами, как мы уже знаем, нет.

Наряду с формами доклассовой идеологии, оформилась и феодальная. Любопытно, что эта последняя в известной мере носила нерелигиозную окраску. Это — эпическая героика феодальных былинных сюжетов. Наличие в алтайском и хакасском фольклоре элементов, резко отличных от шаманских, уже отмечалось исследователями. Так, крупнейший исследователь алтайско-саянского фольклора *Радлов* писал о героических сказаниях *Абаканских племен*: «Это особое поэтическое мировоззрение. Напрасно пытались бы мы согласовать эти воззрения со взглядами шаманизма. Божества сказочного мира живут, правда, тоже в верхних слоях неба, однако это не божества шаманизма». Далее *Радлов* говорит, что эти божества почти не вмешиваются в жизнь людей, где все творится силами и желаниями героев. Эти герои-богатыри и играют главную роль в сказаниях, тогда как народ всегда играет в них лишь подчиненную роль.⁵ Об алтайском фольклоре аналогичные наблюдения формулировал *Потанин*. «В головах алтайцев, — говорит он, хранятся две традиции рядом: одна — шаманская, другая — тради-

¹ См., впрочем, выше о роли хакасских камов в родовых молениях, стр. 28.

² *Вербицкий*, *Радлов*, *Апохин*.

³ *Швецов* (г), I, 9—11; *Швецов*, 8; *Отчет Алт. дух. миссии*, 1911 г., стр. 51.

⁴ *Швецов* (г), I, 75.

⁵ *Radloff* (a), I, 405.

ция сказочников или рапсодов, по-алтайски «кайчи». Первая состоит из культовых песен, которые поются шаманами по адресу богов под аккомпанемент бубна, и из легенд о шаманских божествах. В состав другой традиции входят сказки о богатырях, распеваемые речитативом под аккомпанемент балалайки... Высшее божество, обитающее на небе, в двух традициях носит разные имена: в шаманской алтайцев оно называется Ёльгень, в светской традиции певцов — Учь-Курби-Стан»... и т. д.¹

Ни эти, ни другие исследователи, понятно, не называли этой эпической поэзии феодальной, как и вообще этот термин в применении к данным племенам никем из буржуазных ученых не употреблялся. Однако не приходится сомневаться, что мы имеем здесь дело именно с феодальной поэзией и идеологией. Достаточно прочитать сказания о богатырях в «Аносском сборнике» Никифорова, ряд сказаний, записанных Потаниным, Вербицким, Радловым, Костровым, Катановым и другими, чтобы убедиться, что все заполнено там описанием подвигов и приключений ханов, князей, богатырей,² а народ там безмолвствует. Это отметил сам же Радлов. Жаль, что у нас почти нет данных о том, как, кому, при каких обстоятельствах пелись или рассказывались эти эпические произведения. Повидимому, певцы пели их при «дворах» — попросту говоря, в юртах степной знати, зайсанов, демичей. Так Калачев описывает, как он присутствовал на пиру у помощника зайсана, где работник последнего — певец — пел былинку о богатыре Алтай-Бучае.³ Такой «придворный» характер подчеркивает, кстати, Владимирцов относительно эпоса монгольских ойротов (округа Кобдо), обрисовывая его чисто феодальные черты.⁴

Но у нас есть и образцы (хотя пока единичные) произведений другого рода, отражающих идеологию угнетаемых масс —

¹ Никифоров, 285 (примечания Потанина).

² В качестве особенно характерного примера приведу содержание хакаских песен о богатыре Чайзаге (в изложении кн. Кострова): «Чайзаг, судя по песням, жил до покорения русскими южной части Сибири и управлял всеми татарскими племенами, обитавшими у подножия гор Саянских. Следовательно, он, подобно Канзе (другой герой песен), был владетельное лицо. Чайзаг был гигантского роста, удивительной силы, страшный храбрец и отличный наездник. Главным поприщем для своих воинских подвигов избрал он владения кузнецких татар, которые не хотели ему подчиняться. Три раза ходил он на них войною, побивал множество людей, сожигал улусы и угонял стада; три раза он счастливо возвращался на родину. Вследствие этих набегов Чайзаг страшным образом разбогател. Лошадь, на которой он обыкновенно ездил, была самая лучшая в целой стране; конская сбруя была самая великолепная: седельные луки — золотые, стремяна — серебряные. Когда он в ясный день въезжал в улус, от него светило, как от солнца; ночью — от него блистало, как от месяца. Мало показалося Чайзагу приобретенного богатства; задумал он снова напасть на кузнецких татар. Собрав огромную рать, он простился с молодой своей женой Абакаей и отправился через хребет Ахтаскыльский. Но поход его был неудачен, и т. д. (по дороге он заболел и умер; жена похоронила его на высокой горе и насыпала большой курган). Костров (в), 234—235.

³ Калачев (а), 482—483.

⁴ Владимирцов, 22—31 и др.

крестьянства. Такова, напр., записанная Г. Токмашевым в 1914 г. (на Катунь) сказка о Когутэе и его сыне Бобренке. Бобренок, главный герой этой сказки, двойственный зоо-антропоморфный персонаж (здесь, может быть, сказались какие-то реминисценции тотемической идеологии). Однако, в основном характере этой сказки полуживотная природа героя почти не играет роли. Главное содержание сказки состоит в описании борьбы героя — приемного сына бедняка Когутэя — с могучим, богатым и жестоким Караты-ханом и его шестью знатными зятьями. Этот Караты-хан описывается в сказке такими словами: «Его скот на Алтае не вмещается. Его народы на земле не вмещаются. Его счастье как река течет. Богат он, могущественный начальник народов...»¹ Все симпатии рассказчика на стороне приема сына бедняка — Бобренка, который, подобно Иванушке-дурачку русских сказок, в конце концов своей ловкостью, прозорливостью и добрыми поступками побеждает всех своих врагов. В этой сказке, таким образом, феодальные отношения рисуются с точки зрения угнетенного крестьянства. Таков же характер некоторых телеутских сказок, записанных тем же Токмашевым.²

Но феодальные отношения сказались и на чисто религиозной идеологии, хотя своеобразное историческое положение Саяно-Алтая и помешало утвердиться здесь безраздельно одной какой-нибудь чисто феодальной религии. Тяготение то к одному, то к другому политическому центру — факт, о котором у нас говорилось в другой связи — отразилось рядом религиозно-идеологических напластований. Так, *несторрианство*, одно время очень влиятельное в Центральной Азии (несторрианство господствовало в государстве киреев, найманов, было сильно у чингисидов и пр.) оставило заметные следы в религии алтайцев. Космогонические мифы алтайцев, записанные Вербицким,³ очень напоминающие библейскую космогонию, по всей вероятности, именно несторрианского происхождения. *Ламаизм* тоже оставил заметные следы в пантеоне алтайцев (напр. Курбустан — это ламаистский Хормуста-гэнгри, в свою очередь переделанный ламаизмом из маздеистского Агура-мазды). При других исторических обстоятельствах ламаизм, возможно, сделался бы господствующей религией алтайско-хакасских племен. Еще в 1890-х годах Швецов отмечал, что «инородческая интеллигенция» (связанная в своих интересах с феодальным зайсанатом), «недовольная старой религией, начинает стремиться к ламаизму, с которым их познакомили монголы». ⁴ Мне лично рассказывал К. К. Соколов (бывш. миссионер в Онгуде), как он был сам свидетелем в начале 1900-х годов необычайного оживления проповеди лам, большое количество которых проезжало по Чуйскому тракту до Онгудая

¹ Ютканаков, «Новый Мир», 1933 г., XII, стр. 54; Алтайский эпос: Когутэй, М.-Л., 1935 г., 50.

² Токмашев, стр. 62—96.

³ Вербицкий (б), 89—104.

⁴ Швецов (г), I, 77.

и дальше на запад. В более раннее время монгольские феодалы, несомненно, приложили к этому свою руку. «Есть предание, — говорит Швецов, — как монгольский князь силой вводил ламаизм».¹ Ряд преданий о борьбе против шаманизма со стороны князей, введших новую религию, записан и у Вербицкого.² Однако для укрепления ламаизма у алтайско-хакасских племен исторические условия оказались неблагоприятными. В самой Монголии, культурной метрополии этих стран, ламаизм вполне укрепился только тогда (XVII в.), когда политическая гегемония на Алтае и в Саянах уже переходила к Московскому государству.

Наиболее выгодно сложились исторические обстоятельства для феодальной религии, принесенной Россией: для *православия*. Миссионерская проповедь, с одной стороны, была встречена национальной массой враждебно. Слишком тесно срослась она с экономическим и политическим колониальным гнетом. Значительная часть зайсаната и старого байства возглавила, особенно на первых порах, эту враждебность по отношению к миссиям: «Противодействие алтайских зайсанов и вообще родовичей проповеди евангелия на Алтае, — так жаловались миссионеры еще в 80-х годах, — начавшаяся с первых дней существования там миссии, не перестает парализовать деятельность ее по настоящее время.»³

Однако сами же миссионеры отмечали, что со стороны другой части зайсанов и баев их проповедь встречала совершенно иное отношение. Многие зайсаны и бай нашли религию русского начальства для себя подходящей. Это касается особенно Черневых районов, населенных шорцами, кумандинцами, тубаларами. Здесь, напр., упоминавшийся уже выше зайсан М. В. Тобоков выстроил на свои средства 2 церкви — в Паспауле и Карасуке. Зайсан Барбош выстроил церковь в с. Александровке и насильно крестил своих подданных. После его смерти его вдова построила еще церковь в Бирюле. Купец и бай Николай Токочаков построил церковь в Бешпельтире, а вдова одного телеутского бая — в Ильинском и Черном Ануе. Бай Павел Тыдыков пожертвовал на постройку церкви около 1000 р. (Материалы Л. П. Потапова).⁴

В южных районах, населенных алтай-кижи и теленгитами, зайсаны в гораздо меньшей степени были склонны к христианству. Здесь можно назвать разве лишь известного уже нам зайсана Семена, отец которого, бай Юлук, крестился одним из первых на Улагане, и который сам, как уже говорилось выше, ревностно содействовал миссионерской проповеди. Но, как правило, в южном Алтае миссионеры встречали в лице зайсанов упорных врагов, которые подвергали всяческим преследованиям своих крестившихся подданных,

¹ Швецов (г), I, 77.

² Вербицкий (б), 107—112.

³ Отчет об Алтайск. и Киргизск. миссиях за 1887 г., 11.

⁴ Потапов (г), 190.

накладывая на них добавочные подати, наказывая розгами и т. п., вплоть до настоящих истязаний.¹

Причиной такого разного отношения к христианству со стороны зайсаната и «якшиларов» были, как это хорошо видели сами миссионеры, не племенные различия, а экономические. Совершенно правильно объясняет эту разницу Л. П. Потапов, указывая, что в южных скотоводческих районах Алтая феодальный зайсанат и байство, ориентируясь на Китай и Монголию, упорно конкурировали с русским торговым капиталом и активно боролись против всего русского; тогда как в северных черневых районах байство «выросло на базе посреднических, торгово-ростовщических операций», являясь «крестником русского торгового капитала». Поэтому, если южные зайсаны, не желая, как правило, креститься сами, сопротивлялись и крещению своих подданных, так как опасались уменьшения своей власти и авторитета, то, напротив, бай и зайсаны северного Алтая, поддерживая миссию, старались тем самым заручиться помощью и покровительством русской власти для укрепления своего авторитета среди населения.²

В значительной мере авторитетом зайсаната и байства определялся и успех или неуспех проповеди миссионеров среди масс. Сами миссионеры простодушно признавали решающую роль зайсанов в успехе своей деятельности: «В тех волостях, где зайсаны и башлыки-христиане, ежегодный процент крещеных увеличивается, а под управлением некрещеных зайсанов язычество имеет подавляющее преобладание над христианством».³

Помимо этого крестились главным образом бездомные бедняки, нищие, калеки и пр., рассчитывавшие получить материальную помощь от русских попов.

Конечно, в основном православие выражало интересы не местных феодалов, а русского крепостнического и феодально-капиталистического государства. Местные феодалы поддерживали его постольку, поскольку это последнее поддерживало их. Но нарастающие противоречия между колониальной империей и национальным эксплуатируемым населением колоний неминуемо приводили к сгущению атмосферы недовольства и протеста против колониального гнета и к концентрации этой атмосферы вокруг национально-религиозной идеологии. На Алтае такой идеологией, стянувшей вокруг себя все угнетенное, весь национальный протест, а в дальнейшем ставшей знаменем *местных* эксплуататорских элементов, явился *бурханизм*. Это новое религиозно-националистическое течение, возникшее в 1904 г. под ближайшим воздействием событий японской войны и начала революционного брожения в империи, сразу получило большое распространение. Формально являясь религиозным синкретизмом шаманизма и ламаизма (сильное влияние последнего несомненно), бурханизм по сути дела был антирусским, отчасти монголофильским,

¹ Отчет об Алт. дух. миссии за 1912 г., 80—82 и др.

² Потапов, (г), 110—111.

³ Отчет об Алт. дух. миссии.

националистическим движением, возглавлявшимся национальной феодально-буржуазной верхушкой. Недаром крупнейшие баи и зайсаны: Аргамай Кульджин, Кыйтык, Тайтак, Каакá, Мышлак и др. играли видную роль в этом движении.¹

Итак: полуразложившиеся элементы родового культа, древний шаманизм, полурелигиозный богатырский эпос раннего феодализма, несторианские и ламаистские влияния, русское православие, антирусский шаманско-ламайский бурханизм² — такова причудливо-пестрая ткань идеологического наследия, сохраненного алтайскими и (без бурханизма) хакасскими племенами, — продукт переплетшихся, слившихся воедино, но внутренне противоречивых укладов.

Социалистическое строительство пробивает себе путь в борьбе со всем этим идеологическим наследием в целом, не делая исключения в пользу какого-либо из его элементов. Все они в настоящее время имеют равно реакционный характер. Но самая пестрота и противоречивость этих наслоений является моментом, облегчающим культурное строительство, облегчающим антирелигиозную работу среди национального населения Ойротии и Хакасии, поскольку следствием этой пестроты явилось отсутствие какого-либо религиозного фанатизма³ и даже некоторый религиозный индифферентизм национальных масс.

13. ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИТКИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Нам осталось ответить на последний из трех основных поставленных в начале вопросов. Это вопрос о том, каково конкретное значение докапиталистических пережитков в процессе социалистического строительства в Ойротии и Хакасии.

Вопрос этот можно поставить и таким образом: является ли тормозом для социалистического строительства или содействует ему наличие в стране неизжитых остатков докапиталистических (родовых и феодальных) отношений? Или, может быть, не является ли влияние этих пережитков более сложным, противоречивым и двойственным?

Влияния докапиталистических пережитков на ход социалистического строительства можно на первых порах и не заметить вовсе.

¹ Подробнее о бурханизме см. Мамет, 11—64, (Этот автор допустил в оценке бурханитского движения ошибку, признанную потом им самим в письме в редакцию «Правды» — см. «Правда» 1931 г., № 113. Ошибка состояла в одностороннем понимании бурханизма как *только* национально-освободительного движения, с игнорированием его дальнейшей реакционной роли, в особенности после революции.) См. также Гордиенко, 52 — 55. В настоящее время печатается обстоятельная работа о бурханизме А. Г. Данилина.

² Можно упомянуть еще об исламе, принесенном с собой переселенцами-казаками (Кош-Агачский аймак).

³ Отсутствие религиозного фанатизма у алтайцев бросалось в глаза даже такому раннему исследователю, как Чихачев (Tchihatcheff, 45).

Ведь феодальные элементы, поскольку они не переродились в обычных кулаков, уже ликвидированы, и ни зайсаны, ни башлыки, ни другие представители феодализма не могут оказывать никакого влияния на советскую жизнь. Поскольку же те или иные их физические потомки живы, они едва ли иначе реагируют на социалистическое наступление, как и неликвидированное кулачество.¹ В чем же спецификум значения этих феодальных элементов?

С другой стороны, и родовые формы на первый взгляд не оказывают никакого влияния — по крайней мере, тормозящего — на современное колхозное и культурное строительство. Мы уже видели, что живая материальная связь между сородичами вообще отошла в область прошлого. Правда, иногда указывают на факты, когда родственные отношения играют отрицательную роль и в партийно-советской или колхозной работе. Так, секретарь Кош-Агачского партийного комитета сообщил мне несколько случаев, когда, напр., один из членов партии, теленгит-колхозник, выступал на защиту своего тестя, зажиточного, против партийной линии, и т. п. Он же проводил другие факты, когда в колхозе сородичи в бригаде работают сообща так, что лучшие из них, из родовой солидарности, покрывают и компенсируют работу слабых, вводя фактически обезличку и уравниловку. В подобных фактах нередко и видят отрицательную роль родовых пережитков. Например, в своей работе об алтайских колхозах Л. П. Потапов объясняет низкую производительность труда в обследованном им Толгоекском колхозе (Чем. айм.) его «однородным», так сказать, составом, преобладанием в колхозе сѵбка Кузень.² В действительности такой вывод столь же неправилен, как если бы мы у себя, основываясь на отдельных фактах кумовства и семейственности в советских учреждениях, объявили войну семье и родственным отношениям вообще и признали их вредными для дела советского строительства. Конечно, фактами, подобными упомянутым, нельзя доказать отрицательного значения родовых пережитков как таковых.

Дело, очевидно, не в таких фактах, хотя бы они были и нередки. Вопрос надо ставить глубже. Эта более глубокая постановка вопроса мне не давалась в моих полевых работах довольно долгое время, и роль родовых пережитков оставалась мне неясна до тех пор, пока для меня не прояснилось конкретное значение родовых форм *в прошлом*.

Только уяснив себе это прежнее значение родовых форм, мы можем понять и современную их роль. Как мы установили в предыдущих главах, родовые отношения уже очень давно потеряли свою

¹ Я не привожу здесь фактов пролезания этих классово враждебных элементов в колхозы, их вредительской работы внутри последних. В подобных фактах недостатка в Ойротии и Хакасии нет, но в них нет ничего специфического, характерного для данной социальной среды.

² Потапов (6), 37, 41, и др. Кстати сказать, мне ни разу не пришлось заметить какого-либо влияния родовых отношений на состав как целых колхозов, так и отдельных бригад в них, несмотря на то, что я специально интересовался этим в обследованных мною колхозах.

первоначальную природу и превратились в форму феодальных по существу отношений. Родовая оболочка прикрывала и маскировала классовую эксплуатацию, одновременно служа ее орудием. Бедняк, работающий на бая, под патриархально-родовым покровом своих с ним отношений не замечал классовой правды этих отношений. В бае-эксплуататоре он видел своего покровителя и благодетеля, помогающего ему в нужде. Свои же повинности, свою работу и платежи он рассматривал как долг благодарности, «родственной» помощи.

Я уже отмечал, в своем месте, что этот патриархальный мираж и до сих пор иногда заслоняет в глазах алтайской национальной массы (политически неразвитых ее слоев) подлинный характер прежних классовых отношений.

Но, поняв это, мы тем самым уже ответили на вопрос о современной роли феодально-родовых пережитков. Родовая традиция и теперь, задним числом, затушевывает прежний классовый антагонизм, пытается оправдать классовый гнет, розовыми красками покрывает прежних баев-феодалов. В этих Отюрдьяхах, Аргамаях, даже в Юлуковых, алтаец и теперь нередко вспоминает своих бывших покровителей и заступников.

На теперешнем этапе классовой борьбы эта вредная роль пережитков, о которых мы говорим, еще усиливается в связи с новыми формами сопротивления эксплуататорских классов. Если вообще в нашей стране новые формы антиколхозной борьбы кулачества состоят в его маскировке, пролезании внутрь колхозов с целью разложения их изнутри, то в условиях сохранения патриархально-родовой традиции эта маскировка для баев облегчается. Она становится, так сказать, маскировкой в квадрате, поскольку и прежняя эксплуататорская деятельность алтайских баев прикрывалась патриархально-родовой ширмой.

Практический вывод из этого состоит в том, что всякое мероприятие советских органов против остатков национальных эксплуататорских элементов должно непременно сопровождаться серьезной и упорной разъяснительной работой среди национального населения. И эта разъяснительная работа должна вестись не «вообще», а она должна учитывать наличие той патриархально-родовой идеологии, роль которой нами здесь охарактеризована. Разоблачать эту роль, разоблачать реакционное значение родовых пережитков, раскрывать политически отсталой национальной массе глаза на подлинный характер тех баев и зайсанов, которые окутаны в сознании этой массы патриархально-идиллическим туманом, разъяснять настоящий характер прежних классовых отношений — такова одна из основных задач политического воспитания национального бедняцко-средняцкого населения.

В этом состоит главное и основное значение докапиталистических пережитков в настоящее время. Однако, если мы будем учитывать *только* эту отрицательную роль докапиталистических пережитков в социалистическом строительстве, то наш взгляд будет односторонним,

т. е. недиалектичным, т. е. неправильным. Противоречивость исторического процесса проявляется здесь в том, что эти же пережитки играют и известную положительную роль.

В самом деле, при всем том значении, какое имели родовые традиции как орудие классового гнета в феодальную эпоху, эти традиции не могли не поддерживать в национальных массах известные *навыки коллективизма*, различные проявления и пережитки которых дожили, как мы видели, до наших дней. Обычай широкого гостеприимства, позволяющий алтайцу разъезжать по всей стране и везде находить бесплатно кров и пищу, широкая взаимопомощь, оказываемая попавшим в беду землякам, и не только сородичам; охотничьи и кедровые артели; совместное кочевание земляков и родственников, — все эти явления свидетельствуют о сохранении коллективистических традиций в быту алтайцев и со своей стороны поддерживают эти традиции. И эти традиции, враждебные индивидуалистическим навыкам капитализма, по существу облегчают строительство новых коллективных форм труда.¹

Это явление можно охарактеризовать и с другой стороны, с негативной, как слабое развитие в данной среде собственных отношений и традиций. Общинное землепользование, свободное кочевание по любой незанятой территории, ограниченность движимого имущества, — это все факторы, которые, вместе с другими, не давали укрепиться у алтайцев особой привязанности к частной собственности. Та воспитанная капитализмом психология кулака-собственника, которая в странах развитого буржуазного строя заражает и середняцкие слои деревни и преодоление которой составляет одну из главных трудностей колхозного строительства, — среди изучаемых нами народов, при относительно позднем и слабом влиянии капитализма, при указанных сейчас бытовых условиях, действует гораздо слабее.

Именно такой взгляд на пережитки архаических форм развивали Маркс и Энгельс по поводу русской общины, пережитков родового строя у болгар и т. п. Напомним, что Маркс в письме к В. Засулич указывал на русскую общину, как на организацию, могущую *при благоприятных условиях* послужить отправной формой для строительства новых высших отношений коллективизма.² Под этими благоприятными условиями Маркс понимал, очевидно, наличие *пролетарской диктатуры*, которая поведет за собой крестьянство к социализму. — То же говорил Маркс и в предисловии ко 2-му русскому изданию «Коммунистического манифеста»,³ а также и Энгельс в своей полемике с Ткачевым.⁴ В письме к Бернштейну, наконец, Энгельс прямо

¹ Так формирование охотничьих бригад в колхозах облегчается укоренившейся у алтайцев традицией артельного промысла.

² Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 285—286.

³ Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, Партиздат, 1932 г., стр. 7—8.

⁴ Маркс и Энгельс, Избранные произведения, т. 2, стр. 535.

говорит о *родовых пережитках* у болгар, приписывая им положительную роль в судьбах болгарского народа.¹

На таком понимании значения докапиталистических пережитков в условиях пролетарской диктатуры основывается и ленинское учение о некапиталистическом развитии отсталых народов.

И фактические данные подтверждают приведенные выше соображения. Конечно, было бы ошибкой ссылаться, как это иногда делают, на то обстоятельство, что в национальных районах изучаемого нами края (или в других областях) темпы коллективизации наблюдаются иногда более быстрые, нежели в чисто русских районах. Подобные факты можно, правда, констатировать для той же Ойротии,² но вряд ли можно из таких фактов делать выводы о положительном значении родовых пережитков, так как темпы и весь ход коллективизации находятся в зависимости от целого ряда условий и больше всего — от правильного политического руководства колхозным движением. Но я в своей работе в колхозах Ойротии не мог пройти мимо того факта, что очень часто именно алтайские колхозы производят впечатление особенно сплоченных, спаянных и устойчивых, превосходя в этом отношении зачастую соседние русские колхозы. Так, например,³ национальный алтайский колхоз «Скотовод» в Верх-Майме, расположившийся рядом с русским (в Урласпаке), одновременно с ним организованный, производит впечатление сравнительно очень дружного и сплоченного колхоза. Алтайский колхоз имени Блюхера в Ак-Боме (Онгуд. айм.) организован лучше, чем соседний русский колхоз в Йодро. Во всем Онгудайском аймаке самыми сильными колхозами местное партийное руководство считает 4 чисто национальных колхоза: Куладинскую коммуну, колхоз им. К. Маркса (Каракол), «Ленин, Йол» (Курата) и «12 Октябрь» в Ело (Сообщ. т. Курумчин, Онгудайск. АПК, 1932 г.). В Успенском аймаке нам встречались случаи, когда алтайцы живут колхозом, а соседнее русское население колхоза еще не создало: так дело обстоит, напр., в Куртуголе (Верх-Иша). Конечно, при общем повороте основных бедняцко-средняцких масс к колхозам и при общих же трудностях, стоявших на пути к коллективизации, подметить национальные различия не так легко, и приведенные факты могут оказаться в конце концов случайными. Но в свете высказанных выше общих соображений они все же приобретают известное значение. Повидимому, при определенных условиях, при правильном политическом руководстве колхозами, при ликвидации сопротивления остатков байства, — алтайские колхозы могут обнаружить в себе ту, так сказать, добавочную сплоченность, тот естественный

¹ «Для болгар, как и для нас, было бы бесконечно лучше, — писал Энгельс 9 окт. 1886 г., — если бы они остались под властью турок до европейской революции; в их *родовых учреждениях* имелся бы чудесный росток для развития коммунизма, точно также как и в русском мире, который теперь тоже у нас разрушают под носом» (Арх. Маркса и Энгельса, I, стр. 377).

² См. напр., газету «Ойротский край», 1931 г., 5/V.

³ Данные относятся к 1932 г.

коллективизм, значение которых оценивали основоположники марксизма, когда они говорили о русской сельской и болгарской родовой общине.

Надо только особенно подчеркнуть, что, говоря о положительном значении, какое могут иметь докапиталистические пережитки в колхозном строительстве, мы имеем в виду только те общие *навыки* коллективизма, которые поддерживались сохранением этих пережитков, только ту недоразвитость собственнической идеологии, которая (недоразвитость) с ними связана, а вовсе не специально родовые *формы* быта, которые, как уже достаточно выяснилось, имели и имеют чисто отрицательное реакционное значение, служа на пользу остатков эксплуататорских классов. Вместо того, чтобы пытаться, как это предлагали делать некоторые этнографы, строить колхозы и охотничьи артели на основе родовых делений, — с последними нужно вести борьбу, настойчиво разъясняя населению их подлинную реакционную роль.

Годовые божества у алтайцев

Р О Д Ы	Имена божеств, записанные С. А. Токаревым в 1930 и 1932 г.					Имена божеств, упоминаемые в литературе			
	Куюм (Чем. айм.) 1932 г.	Сары-Кобы (Онгуд. айм.) 1930 г.	Тегленек (Онгуд. айм.) 1930 г.	Улета (Онгуд. айм.) 1930 г.	Баратаг (Копп-Агачек. айм.) 1930 г.	Швецов (Тори. Алт., I, стр. 75)	Ворбицкий (Алт. ило-родцы, стр. 136)	Radloff (Aus Sibig., I, стр. 238)	Дыренкова (Род. . . у алт., стр. 232)
Мундус	Карагушхан	Карагуш	Карагуш	Карагайя		{ Харшит Карагуша	Тотю- Паяна		
Майман	{ Карчит Ульгень	Каршит Ульгень	Бай-Каршит Бай-Ульгень	Каршит Каршит		Харшит			Каршит
Толош	{ Карчит Ульгень			Каршит Ульгень	Ульгень				
Кергиль	{ Карчит Ульгень			Йерсу Йерсу					
Тонжуан	Карчит	Каршит		Йерсу Йерсу		{ Ялжлхан Атаган	Тотю- Паяна		
Сойон	Карагуш	Карагуш	Йерсу	Йерсу					
Ыркыт	Карагуш	Карагуш	Йерсу Йерсу Бай Бахты- ган	Йерсу					
Тейлѣс	{ Пахтуган Абаган			Йерсу					
Йетты-Сары	Абаган Ульгень Адаган	Абаган Ульгень Адаган	Бай Ульгень	Каршит		Бахтуган			
Кобок	Урча-хан Карчит								
Кычак									
Чаапты									
Улун									
Алмат									
Аара									
Тербет									
Кондош									
Чорос									Тейтри

Родовые тамги у алтайцев

Рисунок	Название	Значение	Какому роду принадлежит	Где записано
	кас	гусь	Кергиль	Курата
	»	»	Алмат	Кокури
	саракай	{ трефы (в картах), крест	Кыпчак Кёбёк	{ Курата Саратан Кокури
	тооскур	корыто	{ Тёёлёс, Тодош Тёёлёс, Кёбёк Мундус	{ Курата Чибит Саратан
	»	»	Тёёлёс	Кокури
	жүректү-тооскур	корыто с сердцем	Тодош	Курата
	ай	месяц	{ Кыпчак Кергиль Кыпчак	{ Кокури Саратан
	жүректү-ай	месяц с сердцем	Мундус	Курата
	чорго	труба от самогонного аппарата	Майман	{ Курата, Кулада
	кулжа-жүректү-чорго	труба с бараньей головой	Майман	Каракол
	кулжа	баран	Майман	Курата
	»	»	Алмат	Саратан
	айя	самострел	Ыркыт	Курата
	яа	»	Титтас	Саратан
	»	»	Ябак	Кокури
	сарга	серьга	Алмат	Курата
	суулук	удила	{ Кыпчак Дьетытас (Титтас)	{ Курата Кокури
	»	»	{ Тёёлёс Орчончи	Саратан
	{ тажуур	кожаный сосуд для араки	Саал	{ Саратан Кокури

Примечание: Курата }
Каракол } Онгудайский аймак, запис. в 1930 г.
Кулада }

Чибит }
Кокури } Кош-Агачский аймак, запис. в 1932 г.

Саратан: Улаганский аймак, запис. в 1932 г.

Зайсаны 2-й Чуйской волости

Имя	Родственные отношения	Род	Упоминания в литературе	Примечания
Чебек		Ак-Көбөк	Бунге, см. Ledebour, II, 94.	До 1825 г.
Монгол	сын Чебека	» »	Там же, 93-6, 99 и др.	Ок. 1825 г.—1840-е гг.
Мандай	сын Монгола	» »	Tchihatcheff, 65; Radloff, I, 253.	С 1850-х гг. (?); Радловым ошибочно отнесен к роду Кыпчак
Отүржап Семен Юлуков	сын Мандая	» » Саал	Луценко, (а), 17.	Правил ок. 10 лет. Ок. 15 лет, до 1898—1899 гг. Сместен за жестокость, умер ок. 1917 г.
Дюди Кудай-Берген	сын Отүржапа	Ак-Көбөк » »		Ок. 5 лет, до 1911 г.
Николай Юлуков	брат Семена	Саал		Был помощн. зайсана при Кудай-Бергене. Последний зайсан, 1911—1913 гг.

ТАБЛИЦА 4.

Зайсаны 7-й Алтайской дючины

Имя	Родственные отношения	Род	Упоминания в литературе	Примечания
Күскелек		Көгөн-Майман	Radloff Aus. Sibir., I, 252.	1-й зайсан 7-й дючины, выделившийся из 5-ой в 1840-х гг. Правил 4 года, смещен за непригодность. Пожизненно.
Побок		Кара-Майман		
Татарак	ст. сын Побока	Кара-Майман		
Кулжа	брат Татарака	Кара-Майман		
Чинат	?	Кара-Майман		
Манджи (Кульджин)		Көгөн-Майман		К старости отказался, из-за ссоры с баем Манжи Кульджиным.
				Ездил с жалобой к царю. За злоупотребления смещен и присужден к тюрьме. Известный крупный бай.

Продолжение

И м л	Родственные отношения	Род	Упоминания в литературе	Примечания
Аргамай	брат Манджи	Көгөн-Май-май		Правил недолго, отказался. Известный бай. В 1930 г. жил в Кенъге. Последний зайсан перед реформой 1912 г.
Оиска	?	Майман		
Мышлак	?	Майман		

ТАБЛИЦА 5.

Зайсаны Керегшской волости

И м л	Родственные отношения	Род	Упоминания в литературе	Примечания
Йенука		?	Helmersen, 37-39.	Он же — кам (шаман), 1860-е гг.
Арыжок		Чагат	Radloff, I, 371—372	
Кабык	сын Ары-жока	»		Умер ок. 45 лет тому назад.
Эжилин	брат Кабыка	»		
Максим Иванович	сводн. брат Арыжока	»		
Карман Эднеков	?	»		Купец; отказался от зайсанства 1909 г.
Атпай Шокшенгыч	?	Тибер		Правил до 1912 г. Теперь живет в Карасуке (Леб. айм).

ЛИТЕРАТУРА

- А. Р., Очерки Томского Алтая («Древняя и новая Россия», 1876 г. № 9, стр. 73—79).
 (а) *Адрианов А. В.*, Путешествие в Кузнецкий край (из писем) (Известия ИРГО, т. XVII, 1881 г., стр. 39—46).
 (б) *Адрианов А. В.*, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., Омск, 1888 г.
 (в) *Адрианов А. В.*, Очерки Минусинского края, Томск., 1904 г.
 (г) *Адрианов А. В.*, Айран в жизни минусинского инородца (Записки ИРГО по отдел. этнографии, т. 34, Сборник в честь Потанина, П., 1909 г., стр. 489—524).
 Акты исторические, собр. и изданн. Археографической комиссией, СПб. 1841—1842 г., тт. II—V.
 Алтайский эпос. Когуэй. М.-Л., «Academia», 1935 г.
 (а) *Анохин А. В.*, Материалы по шаманству у алтайцев. С предисл. С. Малова, Л., 1924 г. (Сборник Музея антропол. и этногр., т. IV, вып. 2).
 (б) *Анохин А. В.*, Бурханизм в западном Алтае (Сибирские Огни, 1927 г., № 5).
Арасийский А. И., Шория и шорцы (Труды Томск. краевого музея, т. I, 1927 г., стр. 125—138).
Аристов Н. А., Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (Живая Старина, т. VI, 1896 г., в. 3—4, стр. 277—456).
 (а) *Бартольд В. В.*, Образование империи Чингисхана (Записки Вост. отд. Русск. археол. о-ва, т. X, в. 1—4, II, 1897 г., стр. 105—119).
 (б) *Бартольд В. В.*, Киргизы (Исторический очерк), Фрунзе, 1927 г.
 (в) *Бартольд В. В.*, История турецко-монгольских народов, Конспект лекций в Казакск. В. Пед. ин-те, Ташкент, 1928 г.
Бернштам А. Родовая структура ту'гю VIII в. (Сборн. статей к 45-летию Н. Я. Марра, Соцэкгиз, 1933 г., стр. 560—576).
Бичурин (см. Иакинф).
Богатырев Н., Об ореховом и зверовом промыслах Кумандинских инородцев Бийск. у. (Алтайск. сборник, т. IX, 1908 г., стр. 1—31).
Васильев В. П., История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. с приложением перевода китайских известий о киданях, джурджитах и монголо-татарах (Записки И. Археол. о-ва, т. XIII, II., 1859 г., стр. 1—235).
Ватин, Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913 г.
 (а) *Вербицкий В.*, Союки алтайцев (Томские губ. ведомости, 1865 г. № 42).
 (б) *Вербицкий В.*, Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований, М., 1893 г.
Верещагин В. М., От Барнаула до Монголии. Путевые заметки (Алтайск. сборник, т. IX, 1908 г.).
 (а) *Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос, Гиз, 1920 г.
 (б) *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934 г.
Гельмерсен, Телецкое озеро и телеуты Вост. Алтая (Горный журнал, 1840 г., № 1).
Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, т. II, 1776 г., ч. 1—4 (2-е изд. П., 1799 г.).
Геродот, История в 9 книгах. Пер. Ф. Мищенко, изд. 2-е, М., 1888 г.
Гершельман Э., Обычный уклад семейных отношений алтай-кижи (Революция Права, 1929 г., № 4, 134—141).

- Головачев Д.* В верховьях Томи (Землеведение, 1894 г., кн. I, стр. 62—81).
- Голстунский К. Ф.*, Монголо-ойротские законы 1640 г., II., 1880 г.
- Гордиенко Петр*, Ойротия, Новосибирск, 1931 г.
- Горохов*, Краткое этнографическое описание Бийских или Алтайских калмыков (Журн. мин. внутр. дел, ч. 38, 1840 г., стр. 201—228).
- Григорьев В. Ю.*, К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края (Изв. ИРГО, т. XLII, 1906 г., в. 2—3, стр. 353—486).
- Грум-Гржимайло Г. М.*, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, в. 1, 2, Л., 1923—1930 гг.
- Грязнов М. П.*, Древние культуры Алтая, Новосибирск, 1930 г.
- Десять лет Советской Ойротии. Политико-экономический сборник, под ред. Чучкалова, Улала, 1932 г.
- Дополнения к Актам Историческим, изд. Археограф. комиссии, тт. 2—12.
- (а) *Дыренкова Н. П.*, Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут (Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, под ред. Штернберга, Л., 1926 г., стр. 247—259).
- (б) *Дыренкова Н. П.*, Родство и психические запреты у шарцев (там же, стр. 260—265).
- Ефимова А.*, Телеутская свадьба (там же, стр. 225—246).
- (а) *Пакинф (Бичурин)*, Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV в. до настоящего времени (Журн. мин. внутр. дел, 1833 г., ч. 8 и 9).
- (б) *Пакинф (Бичурин)*, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. II., 1851 г., ч. 1—3.
- Ивановский А.*, Енисейские инородцы (Русск. антропол. журнал, кн. 25—26, 1907 г., № 1—2).
- Ивановский С.*, Из записок миссионера (Правосл. благовестник, 1893 г., № 21, стр. 45—51).
- (а) *Калачев А.*, Поездка к теленгитам на Алтай (Живая старина, т. 6, 1896 г., в. 3—4, стр. 477—488).
- (б) *Калачев А.*, Несколько слов о поэзии теленгитов (там же, стр. 489—500).
- Каруновская Л. Э.*, Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком (Сборн. Муз. антропол. и этногр., т. VI, 1927 г., 1837).
- (а) *Катанов Н. Ф.*, Замечания о богатырских поэмах Минусинских тюрков, П., 1885 г.
- (б) *Катанов Н. Ф.*, Сагайские татары Минусинского округа (Живая Старина, т. III, 1893 г., в. 4, смесь, стр. 559—570).
- (в) *Катанов Н. Ф.*, Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ (Ученые записки Казанского ун-та 1897 г., кн. 3, стр. 5—6).
- (г) *Катанов Н. Ф.*, Отчет о поездке в Минусинский округ в 1899 г. Казань, 1900 г.
- (д) *Катанов Н. Ф.*, Предания присаянских племен о прежних делах и людях (Записки ИРГО, т. XXXIV, Сборн. в честь Потанина, П., 1909 г., стр. 265—288).
- (а) *Киселев С. В.*, Тагарская культура (Институт археол. и искусствозн. РАНИОН, Труды секции археол., т. IV, М., 1923 г., стр. 257—267).
- (б) *Киселев С. В.* Разложение рода и феодализм на Енисее. (Изв. ГАИМК, в. 65, Л., 1933 г.).
- (б) *Киселев С. В.*, Поливное земледелие на Енисее (рукопись).
- (а) *Клеменич Д. А.*, Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. С атласом, Томск, 1886 г.
- (б) *Клеменич Д. А.*, Из впечатлений во время летней поездки в Алтай (Известия ИРГО т. XXXXI, 1905 г., в. 1).
- (а) *Козьмин Н. Н.*, Из итогов поземельного устройства инородцев в Минусинском крае (Сибирские записки, 1918 г.).
- (б) *Козьмин Н. Н.*, Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края, там же, 1918 г.
- (в) *Козьмин Н. Н.*, Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края, Иркутск, 1925 г.
- (г) *Козьмин Н. Н.*, Хакасы, Иркутск, 1925 г.
- (д) *Козьмин Н. Н.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме, Огиз, М.-Иркутск, 1934 г.
- Корнилов И.*, Воспоминания о Восточной Сибири. Ачинск и поездка на Божьи озера, 1848 г. (Магазин землеведения и путешествий, изд. Фроловым, т. III, 1854 г., стр. 605—658).

- (а) *Костров Н.*, князь, Этнографические заметки о Кизильских татарах (Записки Спб., отд. РГО, кн. 8, 1865 г., смесь, стр. 97—121).
- (б) *Костров Н.*, Предания томских инородцев о подданстве их России (Труды IV Археологического съезда 1877 г. в Казани, т. I, стр. 202—207).
- (в) *Костров Н.*, Очерки быта Минусинских татар (там же, стр. 208—248).
- Котвич В.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII—XVIII вв. (ИАН, 1919 г.).
- Кузнецкие инородцы (Журн. мин. внутр. дел, ч. 30, 1858 г. кн. 6, смесь, стр. 13—16).
- Кузнецов, Инн.* Исторические акты XVII стол. (1632—1699). Материалы для истории Сибири, Томск, 1890.
- (а) *Кузнецов-Красноярский Инн.*, Архив Аскынской степной думы, Томск., 1892 г.
- (б) *Кузнецов-Красноярский Инн.*, О древних обитателях южн. частей Енисейской губ. (Енисейские губ. ведомости, 1901 г., № 57, стр. 58).
- (в) *Кузнецов-Красноярский Инн.*, Из истории южных частей Енисейской губ., Томск. 1908 г.
- Кузнецова А. А.* и *Кулаков П. Е.*, Минусинские и ачинские инородцы (Материалы для изучения), Красноярск, 1898 г.
- (а) *Латто Д. Е.*, Общественное управление минусинских инородцев, Томск, 1904 г.
- (б) *Латто Д. Е.*, Степное земское положение (Проект Аскызской инородческой управы 1905 г.), Красноярск, 1907 г.
- Липовцев*, Обзорение Зюнгарии (Сибирский вестник, 1821 г., кн. 2, 3, 4).
- (а) *Луценко Е. И.*, Поездка к алтайским теленгитам. Предварительный отчет о поездке в Алтай с антропологической целью (Землеведение, кн. 1—2, 1898 г. стр. 1—37).
- (б) *Луценко Е. И.*, К антропологической характеристике алтайского племени теленгет (Русск. антропол. журнал, 1902 г., № 1, стр. 1—29).
- Мамет Л.* Ойротия. М., 1930 г.
- Материалы для изучения Сибири, собр. и изданы Инн. П. Кузнецовым-Красноярским, в. 1, 2, Томск, 1890—1897 гг.
- Мелиоранский П. М.*, Памятник в честь Кюль-Тегина (Записки Вост. отдела Русск. археол. об-ва, т. XII, П. 1899 г., стр. 60—79).
- Миллер Г. Ф.*, Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел... Кн. 1, П. 1750 г.
- Минаев И.*, Путешествие Марко Поло. П., 1902 г. (Записки ИРГО по отдел. этнографии, т. 26).
- Некоторые географические и статистические сведения о Бийском и Кузнецком округах Томск. губ. (Журн. мин. внутр. дел, ч. 23, 1857 г. кн. 4, смесь, стр. 24—29).
- Никифоров Н. Я.*, Аносский сборник. Собрание сказов алтайцев, с примечаниями Г. Потанина. Омск, 1915 г.
- Овчинников Н.* К вопросу о поземельном устройстве в Алтайском округе (Алтайск. Сборник, т. VIII. Барнаул, 1907 г.).
- (а) *Островских П. Е.*, Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. Отчет о поездке, 1894 г. (Живая Старина, т. V, 1895 г., в. 3—4, стр. 297—248).
- (б) *Островских П. Е.*, Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли (Известия РГО, т. XXXIV, 1898 г., в. 4).
- Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. Томск 1888 г.
- Отчет об Алтайской духовной миссии за 1909 г., Томск, 1910 г.
- Отчет об Алтайской духовной миссии за 1912 г., Томск, 1913 г.
- Отчет об Алтайской духовной миссии за 1913 г., Томск, 1914 г.
- Паллас П. С.*, Путешествие по разным провинциям Российской империи, П., 1778—1788 г., тт. I—IV.
- Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, 2, Л., 1882, 1886.
- Петров П.*, Записки об Енисейской губернии Вост. Сибири, 1831 г., М., 1883 г.
- Плано Кардини Иоанн де*, История монголов. Перевод Маленна, Спб., 1911 г.
- (а) *Потанин Г. Н.*, Очерки Северо-Западной Монголии. П., 1881—1883 гг., тт. I—IV.
- (б) *Потанин Г. Н.*, Качинские татары Минусинского округа (Известия ИРГО, т. XX 1884 г., в. 6).
- (в) *Потанин Г. Н.*, Материалы для истории Сибири, М., 1867 г.
- (а) *Потанов Л.*, Этнографическая поездка в Алтайские национальные колхозы (Вестник Акад. Наук СССР, 1932 г., № 1, стр. 33—36).

- (б) *Потанов Л. П.*, Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской авт. области (Труды ИППИН Акад. Наук СССР, в. 1, Л., 1932 г.).
- (в) *Потанов Л. П.*, Исторический путь Ойротии («Сов. Этнография», 1932 г., 5—6).
- (г) *Потанов Л. П.*, Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1933 г.
- (д) *Потанов Л. П.*, Классовые взаимоотношения у алтайцев до Октября (Борьба классов, 1934 г. № 4).
- Протоколы заседаний Съезда представителей инородческих волостей Алтая, состоявшегося... в Бийске 1—6 июля 1917 г. Бийск. Алт. горн. дума.
- Р. С.*, «Скифское» погребение восточного Алтая (Сообщения ГАИМК, 1931 г. № 2, 25—31).
- Рашид-Эддин*, История монголов. История Чингизхана от восточества его на престол до кончины (Труды Вост. отд. Русск. Археол. о-ва, ч. 15, П., 1888 г.).
- Реминный М.*, Ойротия (Северная Азия, 1927 г. № 5—6, стр. 95—113).
- Риттер Карл*, Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных отношениях с Россиею. Перев. с дополнениями П. Семенова. Т. III. Алтайско-Саянская горная система, II., 1860 г.
- Рубрук, Вильгельм де*, Путешествие в восточные страны. (Введение, перевод и примечания Малевича). (Плано Карпини, История монголов. Рубрук, Путешествие в вост. страны, II., 1911 г.).
- Руденко С., Глухов А.*, Могильник Кудыргэ на Алтае (Материалы по этнографии России, изд. Гос. Русского музея, т. III, в. 2, стр. 37—52).
- Русская Историческая Библиотека, т. VIII.
- С., Г.*, Путешествие к Алтайским калмыкам (Сибирский Вестник, изд. Григ. Спасским, 1823 г., ч. 3, стр. 1—14, ч. 4, стр. 15—40).
- С., М. Чернь*, Очерки северо-восточного Алтая («Естествознание и География» 1898 г. кн. 7, 8, 9, 1899 г. кн. 3).
- Соболев М.*, Русский Алтай («Землеведение» 1896 г. кн. 3—4, стр. 51—110).
- (а) *Соколов К.*, Языческие школы на Алтае (Правосл. благовестник, 1898 г., № 19, 1899 г. №№ 22, 23).
- (б) *Соколов К.*, Записки миссионера Урскульского отдела Алтайской миссии за 1900 г. (там же, 1900 г. №№ 22, 23, 24).
- Спасский, Григ.* Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII в., изд. с Российск. переводом и примечаниями Григ. Спасским, II., 1822 г.
- Список известных секов алтайских инородцев (Алтайск. сборник, т. XI, 1912 г.).
- (а) *Теплоухов С. А.*, Древние погребения в Минусинском крае (Материалы по этнографии, т. III, в. 2, Л., 1927 г., стр. 57—112).
- (б) *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (там же, т. VI, в. 2, Л., 1929 г., стр. 41—62).
- Титов В.*, Богатырские поэмы Минусинских татар (Вестник РГО 1855 г., кн 6, стр. 187—326).
- Токмашев Г. М.*, Телеутские материалы (Труды Томского об-ва изуч. Сибири, т. III, в. 1), Томск, 1915 г.
- Тыжнов Ин. П.*, Из алтайских этюдов. Чолышманская долина (Записки РГО по отд. этнографии, т. XXXIV. Сборн. в честь Потанина, 1909 г., стр. 99—140).
- (а) *Унковский*. Посольство к Зюнгорскому Хун-Тайчи Цэван Рабтану капит. артилл. И. Унковского. Документы, изд. Веселовским (Записки РГО по отд. этнографии, т. X, в. 2, П. 1887 г.).
- (б) (*Унковский*) Выписка о народах, владельцах и городах Зюнгорских, описанных капит. Унковским и геодезистом Фелисовым. 1734 г. (ГАФКЭ, Зюнгорские дела, IV/42).
- Устав (высочайше утвержденный) об управлении инородцев. 1822 г., 22 июля (Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. 38, стр. 394—417).
- Хворов В.*, Сказки черневых татар (Труды Томского о-ва изучения Сибири, т. III, в. 1, под ред. Потанина, Томск 1915 г., стр. 54—61).
- (а) *Швецов С. П.*, Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для горного Алтая, Барнаул, 1898 г.
- (б) *Швецов С. П.*, Обычноправовые воззрения алтайцев и киргиз. Брачные и семейные отношения (Записки Зап.-сиб. отд. РГО, кн. 25).
- (в) *Швецов С. П.*, Примитивное земледелие на Алтае (там же, кн. 27, 1900 г.).
- (г) *Швецов С. П.*, Кочевники Бийского уезда (Стат. отдел Главн. управления Алтайск. округа. Горный Алтай и его население, т. I, Барнаул, 1900 г., ч. 1, 2).

- Шецова М.*, Алтайские калмыки (Записки Зап.-сиб. отд. РГО. т. XXIII, 1898 г.).
- Шерр Н. Б.*, Из поездки к кумандинцам в 1898 г. (Алтайск. сборник, т. 5, Барнаул, 1903 г., стр. 82—114).
- (а) *Эдоков Л.*, Автономная Ойротия (Советская Азия, 1931 г., № 3—4, стр. 207—214).
- (б) *Эдоков Л.*, Ойротская автономная область, М., 1931 г.
- Ютканакоев М.*, Кобугтэй (Перев. с алт. Токмашева под ред. Зазубрина), (Новый Мир, 1933 г., кн. XII).
- Юсэев П. М.*, Неземледельческие промысла кочевого населения Горного Алтая (Стат. отдел. Главн. управления Алт. округа. Горный Алтай и его население, т. III). Барнаул, 1903 г.
- (а) *Ядринцев Н. М.*, Об алтайцах и черновых татарах (Известия РГО, т. XVII, 1881 г., в. 4, стр. 228—254).
- (б) *Ядринцев Н. М.*, Экспедиция на Алтай (из письма 1880 г.) (там же, в. 1, стр. 2—5).]
- (в) *Ядринцев Н. М.*, Отчет о поездке... в горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня... в 1880 г. (Записки Зап. сиб. отд. РГО, кн. 4, 1882 г.).
- (г) *Ядринцев Н. М.*, Сибирские инородцы, их быт и современное положение, II., 1891 г.
- (д) *Ядринцев Н. М.*, Сибирь как колония, II., 1882 г.
- Яковлев Е. Н.*, Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографич. отдела музея (Описание Минусинского музея, т. IV), Минусинск, 1900 г.
- Янпольский В. и Абимов П.*, Животноводство в Ойратском крае. По данным экспедиции 1926 г., Сибкрайиздат, 1929 г.
- Янушвиц А.*, Обследование охотничьего промысла горной Шории (Материалы по изучению Сибири, т. III, Томск, 1931 г.).
- Ярилов А. А.*, Кызыльды и их хозяйство (Былое и настоящее сибирских инородцев, в. 3), Юрьев, 1899 г.
- Ярославцев Д.*, По горной Шории (Сибирские Огни, 1926 г. № 3, стр. 155—181).
- Ярхо А. П.*, Алтайско-Саянские турки (рукопись).
- Castren A.* Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. St.-Petersb., 1857.
- (а) *Helmersen G.* Der Telezkische See und die Teleuten im östlichen Altai. St.-Petersb., 1838 г.
- (б) *Helmersen G.* Reise nach Altai im Jahre 1834 ausgeführt (Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches. Bd. 14. 1848 г.).
- Klaproth, J.* Asia Polyglotta. Paris, 1823.
- Ledebour C.* Reise durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisen-Steppe (1826). In Begleitung der Herren C. Meyer und A. v. Bunge. Berlin, 1829—1830. B-de I—II.
- Pallas P. S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolische Völkerschaften. I. Th. Fr. — Lpz. 1779.
- (а) *Radloff W.* Aus Sibirien. Leipzig, 1884, B-de I—II.
- (б) *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3 Lieferung. St.-Petersb. 1895.
- Tchihatcheff P.* Voyage scientifique dans l'Altai orientale et les parties adjacentes de la frontière de Chine. Paris, 1845.

Résumé

L'auteur a étudié les survivances des formes précapitalistes chez les peuples de la région de l'Altaï et des Saïanes, en particulier de l'Oïrotie (Altaï), d'après les matériaux rassemblés au cours de ses deux voyages dans la Région autonome d'Oïrotie en 1930 et 1932 et d'après les données historico-ethnographiques contenues dans la littérature et les archives. Les tribus habitant ce pays (Altaï-Kiji, Télenghites, Toubalares, Koumandines, Chores, Katchines, Sagaïs, Beltires, Koïbales, Kyzyles et autres), qui au point de vue économique représentent soit des éleveurs de bétail semi-nomades ou nomades, soit des chasseurs dans la taïga de montagne, ont conservé jusqu'à ces derniers temps des survivances d'anciennes relations de clan. Dans toutes ces tribus subsiste la division en «söök» (littéralement «os»), dont le nombre total dépasse cent (Yrkyt, Todoch, Maïman, Moundous, Tëëlës, Köböök, Saal, Tchapty, etc., etc.), l'appartenance au söök se transmettant du père au fils (ligne agnatique).

Cependant, dans ces survivances la forme seule s'est maintenue: nom des clans, terminologie de clan («karyndach», c'est-à-dire frère-parent), exogamie stricte, vestiges du culte des divinités de clan. Aucun lien matériel n'existe plus entre les personnes apparentées (tel qu'économie commune, terres de clan, etc.). Un faible reste des anciens liens économiques est l'emploi persistant des marques de clan pour le bétail («tamga»). Dans les régions de chasse, ces liens se sont mieux conservés, sous forme de terrains de chasse de clan et de communautés de chasseurs d'un même clan.

Le maintien des formes des relations de clan vidées de leur contenu constitue une contradiction qui exige d'être déchiffrée. L'auteur résoud la question dans ce sens que les anciens liens de clan de l'époque du communisme primitif ont perdu leur caractère premier dans la suite, après la division de la société en classes, et se sont transformés en instruments à l'aide desquels la classe dirigeante, les féodaux, exploitaient leurs co-parents.

Les relations féodales, dont l'existence chez ces tribus avait échappé aux observateurs précédents, se sont développées ici à une époque reculée — peut-être à l'époque des Huns, au début de l'ère chrétienne. Depuis lors, au cours des millénaires de son histoire, la région montagneuse Altaï-Saïane a fait partie successivement tantôt de l'un,

tantôt de l'autre des grands états féodaux formés chez les peuples nomades de l'Asie Centrale (Huns, Oussoun, Joujanés, Tougu, Oïgoures, Khakasses, Mongols, Oïrotés, etc.). Ordinairement, elle se trouvait non au centre, mais sur les confins de l'état et était le séjour de petits et moyens féodaux (bèks, zaïssanes), vassaux de féodaux plus puissants.

Les descendants de ces petits féodaux — zaïssanes, bachlyks et autres — s'y sont maintenus après la conquête russe. Le gouvernement tsariste, tout en limitant peu à peu leur pouvoir, veillait à ce que l'autorité dont ils jouissaient parmi la population n'en souffrit pas. A la veille de la Révolution, les zaïssanes gardaient encore leurs droits féodaux. Or par sa forme le zaïssanat, qu'on considérait comme une « administration de clan », se rattachait aux traditions de clan et, par là même, il faisait d'elles la forme et l'instrument de son pouvoir.

Les noms mêmes d'une série de clans de l'Altaï montrent déjà que ceux-ci sont des restes de divers groupements de tribus et d'états qui, à différentes époques, touchaient à ce pays; ainsi, les söök Maïman (Naïman), Kypchak, Tëëlës, Soïon, Merkit, Oïrot, Tchoros, Sart, Terbet, Mogol, Kerghech, Modor sont des noms connus dans l'histoire de l'Asie Centrale comme désignant de grandes ou petites unions tribales et féodales. Mais actuellement leurs restes subsistant dans la région Altaï-Saïane ont pris la forme de divisions de clan; ils ont été assimilés par le système de clan de la population du pays.

Cependant les relations féodales s'y sont conservées non pas seulement sous forme du zaïssanat. Avant la pénétration capitaliste, le féodalisme était en général le mode de production prédominant dans l'Altaï. Mais dans les conditions de prépondérance du nomadisme les relations féodales s'établissaient sur la base de l'appropriation par la classe dirigeante non pas du sol, comme dans les pays agricoles, mais du bétail. Quant à l'accaparement des terres par les féodaux, il fut loin d'être général; ce fut un phénomène dérivé, secondaire, qui s'accomplit dans le cadre du régime foncier communal encore fictivement existant. Il ne s'est pas formé de propriété privée du sol juridiquement consacrée chez les peuples de la région Altaï-Saïane.

Dans les régions nomades, la forme essentielle de l'exploitation féodale était la répartition parmi la population du bétail à faire pâturer (« polych » altaïen), analogue à la corvée (paiement de la rente en travail) dans les pays du féodalisme classique. La rente en nature prenait la forme du « yasak » (tribut), dont la répartition parmi la classe dirigeante et la perception créaient dans les milieux féodaux mêmes une échelle hiérarchique (féodale) de dépendance.

L'état inachevé des relations féodales dans le pays considéré s'explique par le fait que, pour une série de causes historiques, celui-ci n'a jamais constitué le centre d'importants groupements politiques, mais s'est toujours trouvé à la périphérie de l'un ou de l'autre de ces groupements. C'est pourquoi il ne possédait généralement pas de grands féodaux, mais seulement des féodaux petits ou moyens, toujours dépendants des puissants états féodaux voisins.

Ce caractère inachevé des relations féodales s'est traduit aussi par l'absence presque entière chez les peuples étudiés d'une séparation entre l'artisan et l'agriculteur. Les forgerons seuls se sont différenciés; toutes les autres branches de production avaient un caractère presque exclusivement domestique, de consommation et non mercantile.

A partir de la seconde moitié du XIX-e siècle s'accroît la pénétration dans le pays des relations mercantiles et monétaires, qui décomposent l'économie patriarcale naturelle de sa population. Sous l'influence de ce facteur, les relations féodales commencent à évoluer vers les formes capitalistes. Simultanément avec les anciens modes d'exploitation féodaux, les «baïs» altaïens (gros propriétaires) se mettent à pratiquer les modes capitalistes (entreprises d'élevage commerciales). Les paysans se différencient en deux couches: en haut une catégorie peu nombreuse de nouveaux baï, en bas la masse des petits paysans prolétaires allant vers la ruine (ouvriers agricoles). Dans les districts boisés du nord, chez les chasseurs, où les formes féodales étaient moins développées et les anciens liens de clan mieux conservés, le capitalisme fit des progrès encore plus rapides.

A la complexité de l'ordre économique et social dans l'Altaï (formes de clan, féodales, capitalistes) correspondait une grande diversité dans l'idéologie. A côté de l'ancien chamanisme et des formes cultuelles de clan, les relations féodales elles aussi ont exercé leur influence qui s'est traduite tant dans le développement d'une poésie épique féodale (récits des exploits de héros féodaux) que dans le domaine religieux: influence du nestorianisme, du lamaïsme et surtout de la religion chrétienne «orthodoxe» introduite par les conquérants russes. La protestation du peuple contre cette dernière et en général contre le régime colonial du tsarisme s'est manifestée sous la forme originale du mouvement de réformation religieuse syncrétiste connu sous le nom de «bourkhanisme», qui se développa dans l'Altaï à partir de 1904.

Dans l'édification socialiste actuelle, les survivances précapitalistes jouent surtout un rôle nuisible et réactionnaire, vu qu'elles obscurcissent la conscience de classe des couches pauvres et moyennes de la population, les empêchant de voir dans leurs baïs et leurs zaïsans l'ennemi de classe, l'exploiteur. Il est donc indispensable de lutter contre ces survivances du régime de clan et du régime féodal. Mais en même temps certaines traditions de collectivisme primitif qui subsistent encore peuvent, dans des conditions déterminées, jouer un rôle positif en aidant à la construction des nouvelles formes de vie collectives. Ainsi pensaient Marx et Engels au sujet des traditions du régime de clan et du régime communal conservées par les peuples arriérés, estimant qu'elles peuvent être utiles après la victoire de la révolution prolétarienne.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
От автора	5
1. Теоретическое и практическое значение изучения докапиталистических пережитков	7
2. Постановка вопроса и источники	8
3. Население Алтайско-Саянской области и его хозяйство	10
4. Родовые пережитки	14
5. Феодалные пережитки	38
6. Род и феодализм	61
7. Исторические судьбы алтайского рода	73
8. Особенности и закономерность феодальных отношений у кочевников-скотоводов	90
9. Особенности феодальных отношений у алтайско-саянских народов	112
10. Организация ремесла	120
11. Капиталистическое перерождение феодальных отношений	126
12. Докапиталистические пережитки и идеология	131
13. Докапиталистические пережитки и социалистическое строительство	137
<i>Приложения:</i> Таблица 1: Родовые божества у алтайцев	143
Таблица 2: Родовые тамги у алтайцев	144
Таблицы 3, 4, 5. Зайсанские «династии».	145—146
<i>Литература</i>	147
1. Importance théorique et pratique de l'étude des survivances précapitalistes	7
2. Problèmes et sources	8
3. Population de la région de l'Altaï et des Saïanes et son économie	10
4. Survivances du clan	14
5. Survivances du féodalisme	38
6. Clan et féodalisme	61
7. Histoire du clan de l'Altaï	73
8. Particularités des relations féodales chez les nomades éleveurs	90
9. Particularités des relations féodales chez les peuples de l'Altaï et des Saïanes	112
10. Organisation du métier	120
11. Evolution capitaliste des relations féodales	126
12. Survivances précapitalistes et l'idéologie	131
13. Survivances précapitalistes et l'édification socialiste	137
<i>Appendices:</i> Table 1: Déités de clan chez les peuples de l'Altaï	143
Table 2: Tamgas de clan chez les peuples de l'Altaï	144
Table 3, 4, 5: «Dynasties» zaïssanes	145—146
<i>Liste de littérature</i>	147